

Саксонские
хроники

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ПОСЛЕДНЕЕ КОРОЛЕВСТВО
БЛЕДНЫЙ ВСАДНИК

*В романах Бернарда Корнуэлла история поистине оживает.
Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»*

Саксонские хроники

Бернард Корнуэлл

**Последнее королевство.
Бледный всадник (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

2005, 2006

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Последнее королевство. Бледный всадник (сборник) /
Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус», 2005, 2006 — (Саксонские
хроники)

ISBN 978-5-389-11430-2

Это история о тех временах, когда датские викинги поставили под сомнение само существование Британии, когда все английские королевства оказались на волосок от гибели. И только король Альфред, единственный правитель в истории Англии, названный Великим, был намерен отстоять независимость острова. Герой романа Утред, в младенчестве похищенный датчанами и воспитанный ими как викинг, почитающий северных богов, повзрослев, вынужден решать, на чьей стороне он будет сражаться. Защищать ли свою истинную родину или встать на сторону завоевателей? Он должен сделать этот выбор сам, не надеясь, что судьба правит всем. В книгу вошли два романа из цикла «Саксонские хроники».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-11430-2

© Корнуэлл Б., 2005, 2006
© Азбука-Аттикус, 2005, 2006

Содержание

Последнее королевство	6
Географические названия	8
Пролог	10
Часть первая	25
Глава первая	25
Глава вторая	43
Глава третья	57
Глава четвертая	74
Глава пятая	91
Глава шестая	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Бернард Корнуэлл

Последнее королевство

Бледный всадник

Bernard Cornwell

THE LAST KINGDOM

Copyright © 2005 by Bernard Cornwell

THE PALE HORSEMAN

Copyright © 2006 by Bernard Cornwell

All rights reserved

© Е. Королева, перевод, 2016

© А. Овчинникова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Последнее королевство

Посвящается Джуди, с любовью

Географические названия

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разнообразием, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденном, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий», хотя словарь, разумеется, не является истиной в последней инстанции. В упомянутом словаре приводятся написания, относящиеся примерно ко времени правления Альфреда – 871–899 годам н. э.; к примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и Хейлинсиге, и Хаэглингейте. Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Басенгас – Басинг, Хэмпшир
Батум (с ударением на первом слоге) – Бат, Эйвон
Бebbанбург – замок Бамбург, Нортумберленд
Бемфлеот – Бенфлит, Эссекс
Бердастополь – Барнстейбл, Девоншир
Беревик – Берик-над-Твидом, Нортумберленд
Беррокскир – Беркшир
Блаланд – Северная Африка
Верхам – Уорегем, Дорсетшир
Вишр – река Веар
Вилтун – Уилтон, Уилтшир
Вилтунскир – Уилтшир
Винбурнан – монастырь Уимборн, Дорсетшир
Винтанкестер – Уинчестер, Хэмпшир
Гевэск – залив Уош
Гегнесбург – Гейнсборо, Линкольншир
Гемптон – Саутгемптон, Хэмпшир
Гируум – Ярроу, графство Дарем
Глевекестр – Глостер, Глостершир
Грантакастер – Кембридж, Кембриджшир
Далриада – Западная Шотландия
Деораби – Дерби, Дербишир
Дефнаскир – Девоншир
Дис – Дисс, Норфолк
Дунхолм – Дарем, графство Дарем
Кантуктон – Каннингтон, Сомерсет
Кенет – река Кеннет
Кетрехт – Каттерик, Йоркшир
Контварабург – Кентербери, Кент
Корнуолум – Корнуолл
Кридиантон – Кредитон, Девоншир

Ледекестр – Лестер, Лестершир
Линдисфарена – Линдисфарн (Холи-Айленд), Нортумберленд
Лунден – Лондон
Меретон – Мартен, Уилтшир
Меслах – Матлок, Дербишир
Педредан – река Парретт
Пиктландия – Восточная Шотландия
Пул – залив Пул, Дорсетшир
Редингум – Рединг, Беркшир
Синуит – форт Синуит близ Каннингтона, Сомерсет
Сиппанхамм – Чиппенем, Уилтшир
Сирренкастр – Сиренкестр, Глостершир
Скиребурнан – Шерборн, Дорсетшир
Снотенгахам – Ноттингем, Ноттингемшир
Соленте – Солент
Стреоншел(л) – Стреншел, Йоркшир
Суз Сеакса – Суссекс (южные саксы)
Суморсэт – Сомерсет
Сэферн – река Северн
Сюннигтвайт – Суинитвейт, Йоркшир
Тайн – река Тайн
Твифирд – Тивертон, Девоншир
Темез – река Темза
Торнсэта – Дорсет
Трент – река Трент
Твид – река Твид
Уиск – река Эск
Уихт – остров Уайт
Фромтун – Фрамpton-на-Северне, Глостершир
Хайтабу – Хедебю, торговый город на юго-востоке полуострова Ютландия
Хаманфунта – Хавант, Хэмпшир
Хамптонскир – Хэмпшир
Хейлинсиг(e) – остров Хайлинг, Хэмпшир
Холм Эска – Ашдон, Беркшир
Хрепандун – Рептон, Дербишир
Эббандуна – Абингдон, Беркшир
Эксанкестер – Эксетер, Девоншир
Эофервик – Йорк (датский Йорвик)

Пролог

Нортумбрия, 866–867 годы от Р. Х.

Меня зовут Утред. Я сын Утреда, сына Утреда, отца которого тоже звали Утред. Капеллан¹ моего отца, священник по имени Беокка, писал это имя «Утрет». Не знаю, как написал бы свое имя сам отец, поскольку он не умел ни читать, ни писать, зато я умею и, извлекая иногда из деревянного сундука старые пергаменты, вижу в них имя, написанное как «Утред», «Утрид» или «Утрет». Я гляжу на документы, подтверждающие, что Утред, сын Утреда, является законным и единственным наследником земель, границы которых обозначены камнями и рвами, дубами и ясенем, болотом и морем, – и мечтаю об этих землях, о пустынных берегах, иссеченных волнами и продуваемых всеми ветрами. Мечтаю и знаю: однажды я отберу свою землю у тех, кто украл ее у меня.

Я олдермен², хотя сам называю себя ярлом (впрочем, это одно и то же), и выцветший пергамент подтверждает мои права. Закон гласит: этой землей владею я! А именно закон, как говорят, превращает людей из грязных скотов в детей Господа. Но закон не помог вернуть мои земли. Закон требует полюбовного соглашения. Закон считает, что ущерб можно возместить деньгами. Закон больше всего не одобряет кровную месть. Но я Утред, сын Утреда, и моя история – это история кровной мести. Это история о том, как я отнимаю у врага то, что принадлежит мне по праву. И еще это история женщины и короля, ее отца.

То был мой король, и всем, что у меня есть, я обязан ему. Пища, которую я ем, дом, в котором живу, мечи, которыми вооружены мои люди, – все это дал мне Альфред, мой король... Король, меня ненавидевший.

* * *

История эта началась задолго до моей первой встречи с Альфредом. Тогда мне было всего девять лет, и я впервые увидел датчан. В 866 году звали меня не Утрedom, а Осбертом, потому что я был вторым сыном, а имя Утред всегда получал старший. Брату в ту пору исполнилось семнадцать, он был высоким, хорошо сложенным, со светлыми, как у всех в нашей семье, волосами, с суровыми чертами лица, так похожими на черты нашего отца.

В тот день, когда я впервые увидел датчан, мы ехали вдоль берега моря, держа соколов на руке: мой отец, дядя, брат, я сам и дюжина наших людей. Стояла осень, на прибрежных утесах еще росла темно-зеленая трава, на камнях у воды лежали тюлени, а над ними с криками кружила стая морских птиц, которых было слишком много, чтобы пускать соколов. Мы доехали до широких отмелей, протянувшихся между нашей землей и Линдисфареной, Священным Островом, и, помню, я стал смотреть на разрушенные стены аббатства за отмелью. Аббатство задолго до моего рождения разграбили датчане. Сейчас там снова жили монахи, но монастырь так и не возродил свою былую славу.

Еще мне помнится, какой тогда был чудесный день – а может, он и впрямь был чудесным. Возможно, шел дождь, хотя дождя я не помню. Сияло солнце, мягко плескали волны спокойного моря, мир был прекрасен.

Сокол впивался когтями в мою руку через кожу рукава, вертя головой в колпачке, потому что слышал крики белых птиц. Мы выехали из крепости утром и двинулись на север. Хотя

¹ Капеллан – священник при домашней церкви или часовне.

² Олдермен – старейшина, землевладелец (*уст.*). Олдерменом можно было сделаться и в достаточно юном возрасте, просто по наследству.

мы и держали при себе ловчих соколов, пустились мы в путь не ради охоты, а для того, чтобы отец принял решение.

Этой землей правили мы. Мой отец, олдермен Утред, владел всем к югу от Туида и к северу от Тайна, но в Нортумбрии правил король; его, как и меня, звали Осберт. Он жил южнее, редко заезжал на север и не беспокоил нас, однако сейчас некий Элла решил заполучить трон. Этот Элла, олдермен холмистой местности к западу от Эофервика, созвал армию, бросил вызов Осберту и прислал моему отцу дары, чтобы заручиться его поддержкой. От моего отца, как я теперь понимаю, зависел исход мятежа. Мне хотелось, чтобы он принял сторону Осберта, потому что законный король был моим тезкой, а я в свои девять лет по глупости верил, что все Осберты благородны, добры и отважны. На самом же деле Осберт был слюнчавым болваном... Но он был королем, и отцу не хотелось от него отступаться.

Однако Осберт, в отличие от Эллы, не присылал даров и не выказывал знаков уважения, поэтому отец терзался сомнениями. Мы могли бы немедленно собрать полторы сотни хорошо вооруженных воинов, а через месяц – еще больше и тогда смогли бы противостоять четырем сотням противников; значит, тот, кого мы поддержим, станет королем и будет нам благодарен.

Во всяком случае, так нам казалось.

А потом я увидел их.

Три корабля.

Мне вспоминается, что они выскользнули из плотного тумана. Может, так оно и было, но память – ненадежная вещь, и остальные мои воспоминания запечатлели ясное безоблачное небо, поэтому тумана, наверное, не было. Однако я помню, как только что видел пустынное море, а в следующий миг на юге появились три корабля.

Три прекрасных корабля.

Они невесомо застыли на глади океана, а когда весла зарылись в волны, полетели, едва касаясь воды. Их высоко загнутые нос и корма венчались позолоченными чудовищами, змеями и драконами. В тот далекий осенний день мне показалось, что три судна танцуют на воде, взмывая вверх и опускаясь вниз на серебряных крыльях весел. Мокрые весла вспыхивали на солнце, превращаясь в полосы света; падали, снова поднимались, и корабли с драконьими головами взлетали на волнах, а я заворуженно на них глядел.

– Дьяволово отродье, – проворчал отец.

Он был не очень хорошим христианином, но в тот миг так испугался, что осенил себя крестом.

– Пусть дьявол их и проглотит, – произнес мой дядя по имени Эльфрик – худой, угрюмый, замкнутый человек.

Три корабля двинулись на север, подтянув прямоугольные паруса к длинным реям, но как только мы повернули на юг и поскакали по песку в сторону дома, да так, что гривы лошадей затрепетали, словно ветки на ветру, а соколы взволнованно заклекотали, – суда пошли вслед за нами. Там, где на месте обрушившегося утеса остался бугристый торфяной холм, мы покинули берег, преодолели трудный подъем и понеслись галопом по прибрежной дороге к своей крепости.

К Беббанбургу.

Бебба была нашей королевой много лет назад и дала свое имя моему дому, самому дорогому для меня месту на земле.

Крепость стояла на торчащей из моря высокой скале, о восточный край которой ударяли волны; волны пенились и у северного выступа, катились по ребристой отмели вдоль западной стороны скалы между крепостью и берегом. Чтобы попасть в Беббанбург, надо было подъехать с юга по дамбе из камней и песка – ее охраняла большая деревянная башня под названием Нижние Ворота, возведенная на вершине земляного вала.

На вспененных лошадях мы с громом копыт промчались под аркой башни, пронеслись мимо деревянных амбаров, кузниц, конюшен, аккуратно крытых ржаной соломой, а потом проскакали по внутренней дороге к Верхним Воротам, оберегавшим вершину скалы с укрепленным валом. За валом и находился замок отца. Здесь мы спешили, поручив рабам лошадей и соколов, и побежали к восточному валу, откуда обычно смотрели на море.

Три корабля уж поравнялись с островами, где обитали буревестники, а зимой резвились тюлени. Мы наблюдали за судами, когда моя мачеха, встревоженная стуком копыт, вышла из замка и поднялась к нам.

– Дьявол разверз свое чрево, – приветствовал ее отец.

– Да охранят нас Господь и все святые, – ответила Гита, крестясь.

Я никогда не видел своей матери, второй жены отца: она, как и первая его жена, погибла при родах. Мы с Утредом были сводными братьями, оба остались без матерей, но я считал матерью Гиту. И она, в общем, была ко мне добра, даже добрее, чем отец, который не особенно любил детей. Гита хотела, чтобы я сделался священником. Она говорила, что, раз мой старший брат станет воином и унаследует землю, которую будет защищать, мне придется найти другое занятие. Она родила моему отцу двух сыновей и дочь, но все они прожили меньше года.

Три корабля подходили все ближе. Казалось, они хотят рассмотреть Беббанбург, но нас это не слишком беспокоило: крепость считалась неприступной, поэтому датчане могли пялить глаза сколько влезет. У первого корабля имелось по двенадцать весел с каждого борта, и, когда он пристал к берегу в сотне метров от нас, один из воинов перемахнул через борт и пробежал по обращенному к нам ряду весел: несмотря на кольчугу и меч, он прыгал с весла на весло легко, как танцор. Все мы молились, чтобы он упал, но он, разумеется, не упал, а добравшись до кормы, развернулся и побежал обратно. У него были светлые, очень длинные волосы.

– Неделю назад они торговали в устье Тайна, – сказал Эльфрик, брат моего отца.

– Откуда ты знаешь?

– Видел их и узнаю судно. Видите светлую полосу на обшивке? – Он сплюнул. – Но тогда у судна не было драконьей головы.

– Они снимают головы, когда приходят торговать, – сказал отец. – И чем они торговали?

– Меняли шкуры на соль и сушеную рыбу. Говорили, будто они купцы из Хайтабу.

– Теперь эти купцы ищут драки, – проговорил отец.

И датчане действительно принялись вызывать нас на бой, ударяя копьями и мечами по раскрашенным щитам. Но они не могли взять Беббанбург, а мы ничего не могли поделаться с ними, хотя отец и приказал поднять свое знамя с волком. На боевом стяге скалилась волчья морда, но ветра не было, и, поскольку знамя бессильно обвисло, язычники не поняли заключенного в нем вызова. Спустя некоторое время им наскучило нас дразнить, они сели на скамьи и принялись грести к югу.

– Будем молиться, – сказала мачеха.

Гита была гораздо моложе отца: маленькая пухлая женщина с копной светлых волос, горячо преданная святому Катберту, перед которым благоговела, поскольку тот творил чудеса. В церкви рядом с большим залом³ она хранила гребень из слоновой кости, которым Катберт якобы расчесывал бороду... А может, и вправду расчесывал.

– Пора за дело, – проворчал отец, отвернувшись от вала. – Ты, – обратился он к моему старшему брату Утреду, – возьми дюжину воинов и скачи на юг. Наблюдай за язычниками, но ничего не предпринимай, понял? Если они высадутся на моей земле, хочу знать, где именно.

– Да, отец.

³ Большой зал – центр жизни замка, где вершилось правосудие, проводились церемонии, праздники, официальные приемы.

– Не вступай с ними в бой! – приказал отец. – Просто понаблюдай за негодяями, а к ночи возвращайся.

Еще шесть человек он отправил собрать войско. Все свободные крестьяне были обязаны воевать за отца, и сейчас он собирал армию, чтобы к рассвету следующего дня рассчитывать на две сотни человек с топорами, копьями и серпами. Его вассалы, жившие с нами в Беббанбурге, были вооружены хорошими мечами и прочными щитами.

– Если датчан мало, – говорил отец тем же вечером, – они не станут сражаться. Они похожи на псов, эти датчане: смелые в стае, но трусы в душе.

Стемнело. Брат еще не вернулся, но никто за него особо не волновался. Утред порой был слишком заносчивым, но сильным. Конечно, он вернется после полуночи – и отец распорядился повесить над Верхними Воротами сигнальный фонарь, чтобы брат нашел дорогу домой.

Мы считали, что в Беббанбурге мы в безопасности, ведь крепость ни разу не сдавалась врагу. Но отца и дядю все равно обеспокоило возвращение датчан в Нортумбрию.

– Они ищут поживу, – сказал отец. – Голодные мерзавцы хотят высадиться, угнать скот и уплыть назад.

Я вспомнил слова дяди, что люди с этих кораблей в устье Тайна меняли шкуры на сушеную рыбу. Как же они могут быть голодными? Но ничего не сказал. Мне было всего девять, и что я знал о датчанах?

Я знал, что они дикари и язычники. Что они страшные. Знал, что за два поколения до моего рождения корабли их совершали набеги на наше побережье. Еще я знал, что отец Беокка, наш капеллан, каждую субботу молится, прося избавить нас от ярости северян, но ярость эта была мне неведома. Ни один датчанин не ступал на наши земли с моего рождения, хотя отец не раз сражался с ними... И в ту ночь, когда мы ждали возвращения брата, он заговорил о старых врагах. Они пришли, по его словам, из северных земель, где сплошной туман и лед. Они поклоняются старым богам, которым поклонялись и мы, пока над нами не воссиял свет веры Христовой. Когда датчане впервые высадились в Нортумбрии, неистовые драконы носились по северному небосклону, огромные молнии ударяли в холмы, море хлестали смерчи.

– Они посланы Господом, – робко произнесла Гита, – чтобы наказать нас.

– Наказать за что? – гневно спросил отец.

– За наши грехи, – ответила Гита, осеняя себя крестом.

– К дьяволу наши грехи! – прорычал отец. – Они явились, потому что хотят жрать!

Его раздражала набожность мачехи, и он не желал в угоду ей отречься от своего боевого знамени с волком, означающего, что род наш ведет начало от Вотана⁴, древнего саксонского бога войны. Волк – один из трех любимцев Вотана, как рассказывал наш кузнец Элдвульф. Два других – орел и ворон. Гита хотела, чтобы на флаге был крест, но отец гордился своими предками, хотя и редко говорил о Вотане. Даже в свои девять лет я понимал, что доброму христианину не подобает хвастать происхождением от языческого божества, но мне было приятно считать себя потомком бога. Элдвульф часто рассказывал мне о Вотане: этот бог наградил наш народ землей под названием Англия; однажды он бросил боевое копье выше луны; его щит может заслонить летнее небо; бог способен сжать все поля на свете одним взмахом своего громадного меча. Мне нравились эти сказки, они были интереснее рассказов мачехи о чудесах Катберта. Мне казалось, что христиане вечно льют слезы, в отличие от почитателей Вотана.

Мы ждали брата в большом зале. То была – и осталась по сей день – огромная деревянная постройка, крытая толстым слоем соломы, с массивными балками, с арфой на помосте и с каменным очагом посередине. Требовалась дюжина рабов, чтобы поддерживать огонь в гигантском очаге: рабы таскали дрова по насыпи через крепостные ворота, и за лето поленища становилась выше церкви. По периметру зала располагались возвышения из покрытой досками

⁴ У скандинавов – Один.

утрамбованной земли, на этих настилах мы и жили, спасаясь от сквозняков. Собаки оставались внизу, на застеленном папоротником полу, там же пировали простолюдины во время четырех больших ежегодных праздников.

В тот вечер пиршества не было, мы ели только хлеб, сыр и пили эль, и отец гадал вслух, неужели датчане снова хотят войны.

– Обычно они приходят грабить, – сказал он мне, – но иногда остаются и захватывают земли.

– Думаешь, они хотят захватить нашу землю? – спросил я.

– Они захватывают любые земли, – резко ответил отец. Его всегда раздражали мои вопросы, но в тот вечер он был встревожен, поэтому продолжал говорить: – Их собственные земли – камень и лед. К тому же на них нападают великаны.

Мне хотелось, чтобы отец рассказал о великанах, но он впал в мрачную задумчивость.

– Наши предки, – сказал он после паузы, – взяли эту землю. Взяли ее, жили на ней и сохранили ее. Мы не отдадим того, что нам оставили предки. Они пришли из-за моря, сражались здесь, строили здесь и здесь похоронены. Это наша земля, впитавшая нашу кровь, скрепленная нашими костями. Нашими.

Он рассердился, но такое часто с ним случалось. Отец пристально посмотрел на меня, словно спрашивая, достаточно ли я силен, чтобы удержать земли Нортумбрии, которые наши предки завоевывали мечом и копьём, убивая, проливая чужую кровь.

Потом мы легли спать, во всяком случае, я лег. Отец, наверное, всю ночь вышагивал по стенам крепости, но на заре вернулся в замок, и тогда же меня разбудил звук рога у Верхних Ворот. Я скатился с помоста и выбежал наружу. Стояло раннее утро, на траве лежала роса, над моей головой кружил морской орел. Охотничьи псы тоже выскочили из дверей на призыв рога.

Я увидел, что отец бежит к Нижним Воротам, и стал вслед за ним протискиваться меж людьми, столпившимися на восточном валу, с которого просматривалась дамба.

С юга приближались всадники. Их было около дюжины, копыта их коней искрились от росы. Конь моего брата шел впереди – гордый жеребец с дикими глазами и необычной походкой: во время галопа он так выбрасывал передние ноги, что спутать его с другим конем было невозможно. Но ехал на нем не Утред. У человека, сидевшего в седле, были очень длинные волосы цвета белого золота, на скаку они развевались, как конский хвост. Облаченный в кольчугу всадник держал на плече топор, на боку у него болтался меч, и я не сомневался: это тот самый человек, который недавно танцевал на веслах. Его товарищи были в обычной одежде и не носили доспехов.

Когда они подъехали к крепости, длинноволосый знаком велел остальным придержать лошадей и двинулся дальше один. Приблизившись на расстояние полета стрелы (хотя никто на стене не поднял лука), он остановил коня, посмотрел вверх, на ворота, насмешливо оглядел собравшихся на стенах, поклонился, швырнул что-то на дорогу и развернул коня. Всадник ударил жеребца пятками, и тот понесся назад, на юг, а остальные негодяи галопом понеслись за главарем.

То, что длинноволосый швырнул на дорогу, было головой моего сурового брата.

Голову принесли отцу, и тот долго смотрел на нее, ничем не выдавая своих чувств. Он не закричал, не переменялся в лице, не нахмурился. Он просто глядел на голову старшего сына – а затем посмотрел на меня.

– С этого дня, – сказал он, – тебя зовут Утред.

Так я получил это имя.

* * *

Отец Беокка настоял, чтобы меня крестили еще раз: иначе-де на небесах не поймут, кто я такой, если я прибуду туда под именем Утреда. Я протестовал, но Гита согласилась со священником, а мой отец больше пекся о ее благополучии, нежели о моем. Поэтому в церковь притащили бочку, наполовину наполненную морской водой, и отец Беокка, поставив меня в эту бочку, черпаком вылил воду мне на голову.

– Прими твоего слугу Утреда, – произнес он нараспев, – в число твоих святых и в ряды сияющих ангелов.

Надеюсь, у святых и ангелов теплее, чем было в церкви в тот день. Когда крещение закончилось, Гита принялась плакать по мне, хотя я никак не мог понять почему. Лучше бы она плакала по моему брату.

Мы узнали, что именно с ним произошло. Три корабля датчан направились к устью реки Альн, где находилось небольшое рыбацкое селение. Тамошние жители благоразумно пустились бежать, но некоторые задержались и наблюдали за устьем реки из леса на горе. Они-то и рассказали, что брат мой приехал с наступлением ночи и увидел, как викинги поджигают дома. Викингами эти люди назывались, когда устраивали набеги, а датчанами или язычниками – когда торговали. И коли на сей раз они жгли и грабили, значит были викингами.

В поселении было не много викингов, большинство остались на кораблях, и мой брат решил напасть и перебить высадившихся.

Конечно же, он угодил в ловушку. Оказывается, датчане видели его всадников, и команда одного из кораблей устроила засаду на северном краю деревни. Сорок человек отрезали брату путь к отступлению и перебили весь его отряд.

Отец сказал, что его старший сын умер быстро. Похоже, хотел таким образом себя утешить. Но, конечно, смерть брата быстрой не была, ведь датчане успели узнать, кто он такой, иначе разве привезли бы его голову в Беббанбург? Рыбаки сказали, что пытались предупредить брата, но я в этом сомневаюсь. Люди говорят такое, чтобы избежать обвинений; как бы то ни было, предупредили его или нет, брат был мертв, а датчанам досталось тринадцать отличных мечей, тринадцать хороших лошадей, доспехи, шлем и мое прежнее имя.

Но это был еще не конец. Мимолетный визит трех кораблей не стал значительным событием, зато через неделю после гибели брата мы узнали, что по рекам к Эофервику поднялся большой флот датчан. Они захватили город в День Всех Святых, и Гита рыдала, решив, что Бог отвернулся от нас. Однако пришла и хорошая новость: мой бывший тезка король Осберт вроде бы заключил союз со своим соперником, претендентом на престол Эллой, и они решили отложить свои споры, объединить силы и вернуть Эофервик.

Сказать это было легко, но, чтобы совершить подобное дело, требовалось время.

Гонцы скакали туда-сюда, советники думали, священники молились, и только к Рождеству Осберт и Элла скрепили соглашение клятвами и попросили отца привести свое войско. Но, конечно, мы не могли двинуться в путь зимой. Датчане засели в Эофервике, им позволили остаться там до ранней весны. Под городской стеной назначили сбор нортумбрийской армии, и, к моей радости, отец объявил, что я еду на юг вместе с ним.

– Он слишком мал, – запротестовала Гита.

– Ему почти десять, – ответил отец, – он должен уметь сражаться.

– Будет больше пользы, если он продолжит ученье.

– От мертвого грамотея Беббанбургу не будет пользы, – возразил отец. – Утред теперь наследник, поэтому должен уметь сражаться.

В тот же вечер он велел Беокке показать мне пергамент, который хранился в церкви. Пергамент, в котором говорилось, что этой землей владеем мы. Беокка два года учил меня

читать, но я был плохим учеником и, к его огорчению, не понял в документе ни бельмеса. Беокка вздохнул и объяснил, что там написано.

– Это описание земель, – сказал он, – которыми владеет твой отец. Здесь сказано, что земли эти принадлежат ему и по закону Божьему, и по нашему земному закону.

Надо полагать, когда-нибудь эти земли должны были стать моими, потому что в тот же вечер отец продиктовал новое завешание, в котором говорилось, что, если он умрет, Беббанбург перейдет к его сыну Утреду. Тогда я стану олдерменом, и все, кто живет между Туидом и Тайном, присягнут мне в верности.

– Когда-то мы были здесь королями, – сказал мне отец, – и наша земля звалась Берниция.

Он приложил печать к красному воску, и на воске осталось изображение волчьей головы.

– Мы снова будем называться королями, – заявил Эльфрик, мой дядя.

– Неважно, как нас называют, – резко бросил отец, – главное, чтобы нам повиновались!

И он заставил Эльфрика поклясться на гребне святого Катберта, что тот будет чтить новое завешание и признает меня Утредом Беббанбургским. Эльфрик поклялся.

– Но все будет хорошо, – сказал отец. – Мы перережем этих датчан, как овец в загоне, и вернемся домой с добычей и славой.

– Будем молить о том Господа, – отозвался Эльфрик.

Эльфрик и еще тридцать человек остались в Беббанбурге защищать крепость и оберегать женщин. В тот вечер дядя сделал мне подарок: кожаный нагрудник, защищающий от удара меча, и, самое главное, шлем, который кузнец Элдвульф украсил ободком из позолоченной бронзы.

– Теперь все поймут, что ты принц, – сказал Эльфрик.

– Он не принц, – возразил отец, – а наследник олдермена.

Но он был доволен подарками брата и прибавил еще два от себя: короткий меч и лошадь. Меч был старым, сточенным, в кожаных ножнах с овечьим руном внутри, с короткой толстой рукоятью и слишком тяжелый... Но в ту ночь я спал, положив его под одеялом рядом с собой.

На следующее утро моя мачеха рыдала на валу у Верхних Ворот, а мы отправились под голубым безоблачным небом на войну. Две с половиной сотни человек ехали на юг под нашим знаменем с волчьей головой.

Это был год 867-й, и я отправлялся на войну в первый раз.

Эта война длится для меня до сих пор.

* * *

– В клине ты не пойдешь, – сказал отец.

– Да, отец.

– Только мужчины могут выстоять в клине, – продолжал он. – Но ты будешь наблюдать, будешь учиться – и поймешь, что самый опасный удар можно получить не тем мечом или топором, которые тебе видны, а теми, которые ты не видишь. Теми, что разят снизу, перерезая сухожилия.

Он дал мне множество других советов во время долгого пути на юг. Из двух с половиной сотен человек, отправившихся в Эофервик из Беббанбурга, сто двадцать ехали верхом – то были воины моего отца или самые зажиточные фермеры, которые могли себе позволить доспехи, щиты и мечи. Большинство людей не были богачами, но поклялись в верности моему отцу и шли теперь с серпами, копьями, косами, баграми и топорами. У некоторых имелись охотничьи луки, и всем приказали захватить недельный запас провианта – в основном черствый хлеб, еще более черствый сыр и копченую рыбу.

Многие взяли в поход женщин. Отец велел не брать их, но не стал прогонять тех, кого все-таки взяли: они все равно увязались бы следом. К тому же мужчины дерутся лучше, когда

за ними наблюдают жены и любовницы. Отец был уверен, что эти женщины скоро увидят, как нортумбрийцы безжалостно перережут датчан. Он заявил, что мы самые мужественные люди Англии, гораздо мужественнее мягкотелых мерсийцев.

– Твоя мать была из Мерсии, – сказал он, но больше ничего не добавил.

Он никогда не рассказывал мне о матери. Я знал, что они были женаты меньше года, когда она умерла, рожая меня. Моя мать была дочерью олдгермена, но для отца ее словно не существовало: он презирал мерсийцев, хотя не так сильно, как изнеженных западных саксов.

– Они в своем Уэссексе не видели лиха, – обычно говаривал он.

Но самой суровой его оценки удостоилась Восточная Англия.

– Они живут в болоте, – сказал он мне как-то раз, – живут, как лягушки.

Мы, жители Нортумбрии, ненавидели обитателей Восточной Англии, потому что много лет назад те предали нас в бою и убили Этельфрита, нортумбрийского короля и супруга Беббы, в честь которой называли нашу крепость. Позже я узнал, что люди Восточной Англии позволили перезимовать датчанам, захватившим Эофервик, и давали им лошадей, поэтому отец был прав, презирая мерсийцев, – они были вероломными лягушками.

Отец Беокка отправился на юг вместе с нами. Мой отец не слишком жаловал священника, но не хотел отправляться на войну без божьего человека и его молитв. Беокка же хранил неизменную верность моему отцу, который освободил его из рабства и дал возможность учиться. Думаю, поклоняйся отец хоть дьяволу, священник закрыл бы на это глаза. Беокка был молодым человеком, чисто выбритым и невероятно уродливым, с сильно косящим глазом, приплюснутым носом, буйными рыжими волосами и парализованной рукой. А еще он был умным – хотя тогда я этого не ценил, поскольку ненавидел его уроки. Бедняга так старался выучить меня грамоте, а я сводил на нет все его усилия, предпочитая получать взбучки от отца, чем заниматься азбукой.

Мы ехали по римской дороге, под Тайном миновали построенную римлянами громадную стену и двинулись дальше на юг. Римляне, говорил отец, были гигантами, возводившими удивительные постройки, но гиганты вернулись в Рим и умерли, остались только священники. Дороги же сохранились, и, пока мы ехали на юг, к нам присоединялось все больше людей, так что наконец по пустоши с обеих сторон от разбитого каменного полотна двигалась целая толпа. Воины ночевали под открытым небом, а отец и его вассалы спали в аббатствах или конюшнях.

И все это войско двигалось вразброд. Даже в девять лет я замечал отсутствие порядка. Воины везли с собой выпивку, воровали мед и эль в деревнях, через которые мы проезжали, частенько напивались вдрызг и валились на обочину, но никому до этого не было дела.

– Нагонят, – беспечно говорил отец.

– Это плохо, – однажды сказал мне Беокка.

– Что плохо?

– Они должны соблюдать порядок. Я читал о римских войнах и знаю, что в войске должна быть дисциплина.

– Нагонят, – сказал я, подражая отцу.

В тот вечер к нам присоединились люди из местечка Кетрехт, под которым давным-давно мы разбили в большом сражении валлийцев. Вновь прибывшие пели о битвах, похваляясь, как мы кормили воронов мясом врага, и эти слова будоражили отца. Он сказал, что мы уже рядом с Эофервиком и, возможно, завтра встретимся с Эллой и Осбертом, а еще через день снова накормим воронов. Мы сидели у костра – одного из сотен костров, разбросанных по полю. Я видел, как далеко на юге небо отсвечивает над плоской равниной огнями других костров, и знал: там расположилась другая часть армии Нортумбрии.

– Ворон – птица Вотана, да? – взволнованно спросил я.

Отец мрачно посмотрел на меня.

– Кто тебе это сказал?

Я молча пожал плечами.

– Элдвульф? – догадался он.

Отец знал, что беббанбургский кузнец, оставшийся в крепости с Эльфриком, в глубине души язычник.

– Я просто слышал где-то, – сказал я, в надежде отвертеться от колотушек, – и знаю, что мы происходим от Вотана.

– Так и есть, – признал отец, – но теперь у нас новый бог. – Он мрачно оглядел пьяный лагерь. – Ты знаешь, кто выиграет сражение, парень?

– Мы, отец.

– Тот, кто менее пьян.

Он помолчал и прибавил:

– Но пьянство помогает.

– Почему?

– Потому что клин – ужасная вещь.

Он пристально глядел в огонь.

– Я шесть раз бился в клине, – продолжал он, – и каждый раз молился, чтобы этот оказался последним. Вот твоему брату клин понравился бы. В нем был задор.

Отец умолк, задумавшись, потом нахмурился.

– Тот, кто привез его голову. Мне нужна голова этого человека. Хочу плюнуть в его мертвые глаза и насадить его череп на шест над Нижними Воротами.

– Ты получишь голову, – сказал я.

Он усмехнулся.

– Много ты понимаешь, – возразил он. – Я взял тебя с собой, парень, потому что ты должен посмотреть на битву. Потому что наши люди должны видеть, что ты здесь. Только сражаться ты не будешь. Ты – как молодой щенок, который наблюдает, как старые псы травят кабана, но сам не кусает. Смотри и учись, смотри и учись, и, может быть, однажды ты пригодись. Но пока ты всего лишь щенок.

Он жестом велел мне идти.

На следующий день римская дорога через канавы и овраги привела нас туда, где стояли лагерем объединенные армии Осберта и Эллы. За лагерем сквозь редкие деревья виднелся Эофервик, где находились датчане.

Эофервик был и остается главным городом Северной Англии. С высокими стенами, с большим аббатством, где живет архиепископ, с крепостью и широким рынком. Город стоит на реке Уз и гордится своим мостом. В Эофервик заходят суда из далекого моря – так пришли и датчане. Они, должно быть, знали, что Нортумбрия ослаблена внутренней войной, что Осберт, законный король, отправился на запад навстречу войскам претендента на трон Эллы, – и в отсутствие короля захватили город. Им было нетрудно узнать, где сейчас Осберт: ссора Осберта с Эллой тянулась не одну неделю, а в Эофервике было полно торговцев, многие из которых явились из-за моря, и все знали о ссоре. Что-что, а шпионить датчане умеют. Монахи пишут в своих хрониках, как датчане являлись откуда ни возьмись, как их корабли с драконьими головами возникали словно из пустоты, но так бывало очень редко. Отдельные отряды викингов еще могли напасть внезапно, но большие военные флотилии приходили туда, где было заведомо неспокойно. Они находили зияющую рану и облепляли ее, словно мясные мухи.

Мы с отцом и двумя десятками его конных воинов, облаченных в кольчуги или кожаные доспехи, приблизились к городу – так, что смогли разглядеть врагов на стене. Некоторые части стены были сложены из камня – римская работа, но большую часть города окружал земляной вал, увенчанный высоким деревянным частоколом. С восточной стороны частокола не хватало: судя по всему, он сторел. Мы видели закопченные деревяшки на верху земляной насыпи, где торчали свежевystруганные столбы для нового частокола, который только собирались ста-

вить. За этими новыми столбами виднелись крытые соломой крыши, деревянные колокольни трех церквей и мачты датских кораблей на реке.

Наши шпионы утверждали, что там тридцать четыре корабля, значит датчан было около тысячи. В нашу армию входило почти полторы тысячи человек, хотя точное число сложно было назвать. Два военачальника, Осберт и Элла, разбили каждый свой лагерь и, хотя официально заключили мир, отказывались разговаривать друг с другом, общаясь через посыльных. Мой отец, третий по важности человек в армии, разговаривал с обоими, но и он не мог убедить Осберта и Эллу встретиться, не говоря уже о том, чтобы выработать общий план кампании. Осберт хотел осадить город и взять датчан измором, тогда как Элла настаивал на немедленной атаке.

– Стена повреждена, – заявил он, – и можно быстро прорваться вглубь города, а потом перебить датчан на улицах.

Не знаю, какого мнения придерживался отец, он молчал, но в итоге решение приняли за нас.

Наше войско не могло ждать. Мы взяли с собой кое-какой провиант, но он подходил к концу, люди разбредались в поисках еды, и некоторые больше уже не возвращались, а просто уходили домой. Оставшиеся ворчали, что хозяйство заброшено и, если они не вернутся сейчас, впереди их ждет голодный год.

Все важные люди собрались на совет и провели в спорах целый день. Поскольку Осберт был на совете, Эллы там не было, хотя один из его главных сторонников намекнул, что нежелание Осберта атаковать проистекает из трусости. Возможно, он не ошибся, потому что Осберт не ответил на колкость, вместо этого предложив построить под городом форты. Три-четыре таких форта, сказал он, собьют с толку датчан. Пусть в фортах останутся лучшие воины, а остальные отправятся по домам заниматься хозяйством.

Кто-то другой предложил построить через реку новый мост, который поймает датский флот в капкан, и с жаром отстаивал свою идею, хотя все знали – у нас нет времени на постройку моста через такую широкую реку.

– Нужно, чтобы датчане увели корабли, – сказал король Осберт. – Пусть уходят в море. Пусть уходят и нападут на кого-нибудь другого.

Епископ умолял дать время олдермену Эгберту, владевшему землями к югу от Эофервика, привести своих людей.

– И Риксига нет, – вспомнил епископ другого крупного правителя.

– Он болен, – ответил Осберт.

– Это его храбрость больна, – ухмыльнулся представитель Эллы.

– Дайте им время! – просил епископ. – С воинами Эгберта и Риксига мы запугаем датчан одной своей численностью.

Мой отец на совете не сказал ничего, хотя было ясно, что многие ждут его речи. Я не понимал, почему он молчит, но вечером Беокка мне объяснил.

– Если бы он заявил, нам нужно атаковать, – сказал капеллан, – все решили бы, что он на стороне Эллы. А если бы он высказался за осаду, его сочли бы сторонником Осберта.

– А это важно?

Беокка смотрел на меня через костер – верней, один его глаз смотрел на меня, а второй блуждал по сторонам, вглядываясь в темноту ночи.

– Когда датчане будут разбиты, Осберт с Эллой снова начнут ссориться друг с другом. Твой отец не хочет поддерживать ни одного из них.

– Но тот, кого он поддержит, победит.

– А если они убьют друг друга? – спросил Беокка. – Кто тогда станет королем?

Я посмотрел на него и догадался, но ничего не ответил.

– А кто будет следующим королем? – продолжал Беокка и указал на меня. – Ты. А король должен уметь читать и писать.

– Король, – сказал я насмешливо, – всегда может нанять людей, умеющих читать и писать.

На следующее утро вопрос «атаковать или осаждать» был решен за нас, потому что прошел слух, будто новые корабли датчан появились в устье реки Хамбер. Это означало, что враги через несколько дней превзойдут нас в численности, и отец, до сих пор молчавший, заговорил.

– Мы должны атаковать до того, как подойдут новые суда, – сказал он Осберту и Элле.

Элла, разумеется, с радостью согласился, и даже Осберт понял, что прибытие новых кораблей все меняет. К тому же у датчан в городе произошла беда. Как-то утром мы проснулись и увидели, что они возвели порядочный кусок частокола из светлого свежеструганного дерева, но в тот день дул сильный ветер, и новый частокол рухнул, вызвав веселье в нашем лагере.

– Датчане, – говорили воины, – даже стену построить не могут!

– Но они строят корабли, – сказал мне отец Беокка.

– И что же?

– Человек, который умеет построить корабль, обычно может построить и стену, – объяснил молодой капеллан. – Это гораздо проще, чем строить корабль.

– Она же рухнула!

– Возможно, она и должна была рухнуть.

Я непонимающе уставился на Беокку, и он пояснил:

– Вдруг они хотят, чтобы мы атаковали именно здесь?

Не знаю, рассказал ли он отцу о своих подозрениях, но если и рассказал, отец наверняка не стал слушать: он не доверял мнению Беокки в делах, касающихся войны. Священник нужен был лишь для того, чтобы уговорить Бога поразить датчан, и больше ни для чего; и, сказав по правде, Беокка молился горячо и долго, прося Господа даровать нам победу.

На следующий день после падения стены мы дали Господу возможность ответить на молитвы Беокки.

Мы атаковали.

* * *

Не знаю, все ли собравшиеся под Эофервиком были пьяны, но, наверное, все, потому что меда, эля и браги было вдоволь. Пьянка продолжалась чуть ли не целую ночь, и, когда на заре я проснулся, войско блевало. Те немногие, кто, подобно моему отцу, имели кольчуги, надели их, но большинство носили лишь кожаные доспехи, а некоторые обычную одежду.

Оружие заточили на точильных камнях, священники обошли лагерь, бормоча благословения, пока воины клялись друг другу в верности и братстве. Некоторые собирались в группы по несколько человек, обещая честно делиться добычей, а некоторые совсем спали с лица, и не один из них дал деру через канавы, пересекавшие плоскую сырую равнину.

Двум десяткам воинов было приказано остаться в лагере присматривать за женщинами и лошадьми, но нам с Беоккой велели сесть на коней.

– Ты останешься в седле, – сказал мне отец и обратился к священнику: – А ты будешь с ним.

– Да, мой господин, – отозвался Беокка.

– Если что-нибудь случится, – отец намеренно не уточнил, что именно, – скачите в Беббанбург, закройте ворота и ждите.

– Бог на нашей стороне, – ответил Беокка.

Отец выглядел так, как и должен выглядеть великий воин, хоть и уверял, что слишком стар для битвы. Его седеющая борода торчала над кольчугой, поверх которой он надел распятие из воловьей кости – подарок Гиты. Перевязь его меча была кожаной с серебряной отделкой,

ножны прославленного меча Костолома были перехвачены полосками позолоченной бронзы. Железные пластины на сапогах защищали лодыжки, и при виде этих пластин я вспомнил, что отец говорил о клине. Отполированный шлем сиял, отверстия для глаз и рта обрамляло серебро. На круглом, обтянутом кожей щите из липы с тяжелым железным умбоном⁵ скалилась волчья голова. Олдермен Утред шел на войну.

Звуки рога собрали армию, но порядка в строю почти не было. Возник спор, кто будет на левом фланге, кто на правом. Беокка после рассказал, что спор разрешил епископ, подбросив кости, и королю Осберту выпало стоять справа, Элле – слева, а моему отцу – в центре.

Три знамени трех полководцев развернули под звуки рогов, воины собрались под эти знамена. Гарнизон отцовской крепости, его лучшие воины, выстроились впереди, а за ними – таны. Таны были важными людьми, владельцами обширных земель, у некоторых имелись собственные крепости. Именно такие люди на пирах сидели на возвышении рядом с отцом, но за ними требовалось приглядывать, поскольку амбиции заставляли танов искать шанса занять его место. Однако теперь они преданно встали за ним, а дальше выстроились простолюдины, свободные люди низшего ранга. Воины сражались рядом со своими родственниками или друзьями. С армией пришло и много мальчишек, хотя верхом был только я и только у меня имелись меч и шлем.

Я видел, как датчане рассеялись по обеим сторонам пролома за уцелевшим частоколом, а большая часть их воинства собралась на земляном валу, закрыв щитами дыру в стене. То была высокая земляная стена, футов десяти-двенадцати в высоту, очень крутая; на нее нелегко будет забраться перед носом у поджидающих убийц, но я был уверен в нашей победе. Мне было тогда девять лет, почти десять.

Датчане что-то орали, но мы стояли слишком далеко и не слышали оскорблений. Их щиты, такие же круглые, как у нас, были раскрашены в желтые, черные, коричневые и голубые цвета.

Наши воины принялись стучать оружием о щиты: впервые в жизни я слышал этот пугающий звук, слышал, как армия исполняет музыку войны, грохоча древками копий и железными клинками мечей по дереву щитов.

– Ужасная вещь, – сказал мне Беокка. – Война – это кошмарная вещь.

Я не ответил. Мне казалось, что происходящее передо мной величественно и прекрасно.

– Клин – место, где умирают, – проговорил Беокка и поцеловал висящий у него на шее деревянный крест. – Еще до завершения дня души будут толпиться во вратах рая и ада, – скорбно продолжал он.

– А разве покойники не попадают в пиршественный зал? – спросил я.

Он поглядел на меня очень странно: похоже, мой вопрос его потряс.

– Где ты такое услышал?

– В Бербанбурге.

Мне хватило ума промолчать, что подобные сказки рассказывал мне Элдвульф-кузнец, когда я приходил поглядеть, как он превращает полосы железа в мечи.

– В это верят язычники, – сурово сказал Беокка. – Они думают, будто погибших воинов относят к Вотану, чтобы пировать с ним до конца света, но это пагубное заблуждение. Это грех! И датчане вечно грешат. Они поклоняются идолам, отрицают истинного Бога, они – заблудшие.

– Но ведь мужчина должен умереть с мечом в руке? – настаивал я.

– Вижу, придется как следует наставить тебя в вере, когда все закончится, – сурово произнес священник.

⁵ Умбон – срединная бляха, набалдашник полусферической или конической формы на щите для защиты руки воина от пробивающих щит ударов.

Больше я ничего не сказал. Я наблюдал, стараясь запечатлеть в памяти все события этого дня.

Небо было по-летнему синим, только несколько облачков висело на западе; солнечный свет играл на наконечниках копий, словно на глади летнего моря. Первоцветы рассыпались по лугу, на котором собралась армия, кукушка куковала позади, в лесу, откуда за армией наблюдали наши женщины. По реке плавали лебеди, вода была спокойна в тот безветренный день. Дым от лагерных костров в Эофервике поднимался в небо почти вертикально, и это напомнило мне, что нынче ночью в городе будет пир, мы станем есть жареную свинину и другую поживу, которую найдем среди запасов врага.

Некоторые наши воины из передних рядов выбежали вперед с криками, вызывая врагов на бой, но никто из датчан не нарушил строя. Они просто смотрели и ждали: их копыя топорились частоколом, щиты стояли стеной... И тогда наши рога опять затрубили и крики и грохот смолкли – наша армия двинулась вперед.

Двинулась неровно.

Позже, гораздо позже, я понял, с какой неохотой люди заставляли себя идти клином, особенно навстречу другому клину, ожидающему на вершине крутого земляного вала. Но в тот день я с нетерпением ждал, когда же наша армия ринется в атаку и разобьет нахальных датчан, и Беокке пришлось удерживать меня, хватая лошадь под уздцы, чтобы не дать поскакать вслед за воинами.

– Мы должны ждать, пока они прорвутся, – сказал он.

– Я хочу убить дана! – заупрямился я.

– Не глупи, Утред, – рассердился Беокка. – Ты попытаешься убить датчанина, и твой отец останется без сыновей. Ты теперь его единственный наследник, и твой долг остаться в живых.

Итак, я исполнял свой долг, стоя на месте и глядя, как медленно, очень медленно наша армия собирается с духом и движется к городу. Слева от нас была река, опустевший лагерь остался справа, а гостеприимная дыра в стене зияла прямо впереди, и в пробоине молча ждали датчане, закрывшись сомкнутыми внахлест щитами.

– Самые храбрые пойдут первыми, – сказал Беокка, – и твой отец будет среди них. Они образуют клин, то, что латинские авторы называют *rocinum carut*. Ты знаешь, что это такое?

– Нет.

Мне было наплевать, что это значит.

– Свиная голова. Напоминает по форме кабанье рыло. Самые храбрые идут первыми, и, если они прорываются, остальные следуют за ними.

Беокка был прав. Три клина построились перед армией: по одному из гвардии Осберта, Эллы и моего отца. Воины стояли, плотно прижавшись друг к другу, сомкнув щиты внахлест, как датчане, а в задних рядах клина – держа щиты над головой, словно крышу.

Когда же все было готово, воины всех трех отрядов издали боевой клич и двинулись вперед. Они не бежали. Я ждал, что они вот-вот побегут, но на бегу невозможно удержать сомкнутый строй. При построении «свиньей» наступают медленно – достаточно медленно, чтобы люди в клине успели задуматься, как силен враг, и испугаться, что оставшаяся часть армии не придет им на подмогу. Но армия пошла. Три клина не проползли и двадцати шагов, как прочий люд двинулся следом.

– Хочу посмотреть поближе! – сказал я.

– Ты будешь ждать здесь, – приказал Беокка.

Теперь я слышал крики – крики угрозы, крики, придающие человеку храбрости; и тут лучники на городской стене выстрелили, и я увидел, как промелькнули перья стрел, падающих на наши клинья. А спустя миг взметнулись копыя, перелетели по дуге ряды датчан и ударили о поднятые над головами щиты. Поразительно – во всяком случае, меня это поразило, – что никого из наших не ранило, хотя я видел, что щиты их утыканы стрелами и копиями, словно

дикобраз иглами. Три клина по-прежнему шли вперед, и теперь уже наши лучники стреляли в датчан, а несколько воинов выскочили из задних рядов и метнули копья в стену вражеских щитов.

– Теперь уже скоро, – взволнованно сказал Беокка и перекрестился.

Он молился про себя, его больная рука нервно подергивалась.

Я следил за клином отца, центральным клином под знаменем с волчьей мордой, и видел, как плотно сомкнутые ряды щитов исчезли в канаве, вырытой перед земляным валом. Тогда я понял, что отец сейчас ужасающе близок к смерти. Мне хотелось, чтобы он победил, чтобы перебил всех врагов, чтобы еще больше прославил имя Утреда Беббанбургского... А затем я увидел, как клин щитов выбирается изо рва, словно чудовищное животное, и ползет вверх по валу.

– У них есть преимущество, – произнес Беокка тем тоном, каким обычно преподавал мне уроки. – Ноги врагов – легкая мишень, когда приближаешься снизу.

Мне показалось, что он пытается убедить в этом себя самого, но я все равно ему поверил. И должно быть, капеллан оказался прав, потому что клин отца поднялся на вал без всяких задержек, первым, – и тут же его встретила стена врагов. Теперь я видел только мельканье клинков, поднимающихся и опускающихся, и слышал настоящую музыку битвы: удары железа по дереву, железа по железу, – но клин продолжал движение. Словно острый клык кабана, он пропорол стену датских щитов и пополз дальше; хотя датчане были со всех сторон, казалось, что наши побеждают. Они лезли все выше по земляному валу... И воины, идущие следом, должно быть, почувствовали, что олдермен Утред ведет их к победе, приободрились и ринулись на помощь окруженному врагами клину.

– Хвала Господу! – сказал Беокка, когда датчане побежали.

Только что они стояли плотной стеной, потрясая оружием, и вдруг исчезли в городе, и наша армия, с воодушевлением людей, только что спасшихся от смерти, рванулась следом.

– Теперь едем, медленно, – сказал Беокка, понукая свою лошадь и ведя мою за узду.

Датчане бежали. Земляной вал был черен от наших воинов, которые протискивались сквозь пролом в стене, спускаясь в улицы и переулки с другой стороны вала. Над Эофервигом реяли три флага: наша волчья голова, боевой топор Эллы и крест Осберта. Я услышал бодрые крики, прищпорил лошадь, и она вырвалась из хватки Беокки.

– Вернись! – крикнул он и поскакал за мной, но не пытался оттащить меня прочь.

Мы победили, Бог даровал нам победу, и я хотел оказаться поближе, чтобы вдохнуть запах вражеской крови.

Мы с Беоккой не смогли войти в город, потому что дыра в частоколе была забита нашими воинами, но я снова прищпорил лошадь, и она втиснулась в толпу. Люди возмущались, но потом замечали полоску позолоченной бронзы на моем шлеме и, поняв, что я благородного рода, помогали продвинуться вперед. Застрявший сзади Беокка кричал, чтобы я не уходил далеко.

– Догоняй! – крикнул я ему.

И вдруг он закричал снова – на сей раз безумным, перепуганным голосом.

Я обернулся и увидел поток датчан, движущихся через поле, по которому недавно прошла наша армия: некоторые устремились на нас верхом, но большинство – пешком. То была целая толпа; должно быть, враги вышли по реке через северные ворота города, чтобы отрезать нам путь к отступлению. А датчане точно знали, что мы будем отступать, ведь в итоге выяснилось, что стены строить они умеют: они перегородили стенами улицы внутри города, а потом сделали вид, что у них рухнула часть изгороди. Так они заманили нас в ловушку и теперь захлопнули ее.

Беокка запаниковал, и я его не виню. Датчане с удовольствием убивали христианских священников, и Беокка, должно быть, увидел свою близкую мучительную смерть. Он не хотел

принимать муки, поэтому развернул лошадь, пришпорил ее и помчался галопом вдоль реки мимо врагов. Им не было дела до судьбы одного человека, когда столько народу попало в капкан, и они позволили капеллану уйти.

В большинстве армий самые слабые и плохо вооруженные оказываются сзади. Смелчаки идут впереди, самые робкие – сзади, и, если напасть на задние ряды вражеской армии, можно устроить настоящую резню.

Сейчас я уже старый человек и, волею судьбы, видел паническое бегство многих армий. Такая паника хуже ужаса овцы, которую на краю утеса осадили волки; в ней больше безумия, чем в судорогах лосося, пойманного в сеть и вытащенного из воды. От крика небо готово было разорваться, но для датчан этот крик был сладчайшим звуком победы, тогда как для нас – смертью.

Я попытался бежать. Видит Бог, я тоже впал в панику. Увидев, как Беокка скачет прочь под прибрежными ивами, я сумел развернуть кобылу, но тут ко мне бросился один из наших воинов. Надо полагать, он хотел отобрать мою лошадь, но я догадался вытащить свой короткий меч и инстинктивно ткнул в этого человека, пришпорив кобылу. Все, что мне в результате удалось, – это выбраться из охваченной паникой толпы и оказаться на пути наступающих датчан.

Вокруг меня все вопили, топоры и мечи викингов мелькали и разили. Мрачная работа, кровавый пир, песнь клинка – вот как это называется.

Наверное, я уцелел потому, что, единственный из наших воинов, был верхом, и те немногие датчане, которые тоже были на конях, должно быть, приняли меня за своего. Но потом один из них обратился ко мне на языке, которого я не понимал. Я взглянул на него, увидел длинные волосы (он был без шлема), длинные светлые волосы, серебристую кольчугу, широкую ухмылку на исступленном лице – и узнал его, человека, который убил моего брата!

Как дурак, я закричал на него. Следом за этим длинноволосым датчанином ехал знаменосец, на длинном древке хлопало орлиное крыло. Слезы застилали мне глаза, и, наверное, меня охватило безумие битвы, потому что, несмотря на страх, я подскочил к длинноволосому датчанину и замахнулся на него своим маленьким мечом.

Он парировал удар, и мой жалкий клинок согнулся, как селедочный хребет. Он просто взял и согнулся, а датчанин поднял меч, чтобы прикончить меня, но увидел жалкую погнутую железяку у меня в руке и захохотал. Я обмочился, а он хохотал. Тогда я снова замахнулся на него бесполезным клинком. Продолжая хохотать, он подался вперед, вырвал у меня оружие и отшвырнул в сторону. А потом схватил и поднял меня. Я визжал и колотил его кулаками, но ему все это казалось ужасно забавным; перебросив меня через седло, он пришпорил коня и ринулся в толпу, чтобы убивать дальше.

Так я встретился с Рагнармом. Рагнармом Бесстрашным, убийцей моего брата, человеком, чья голова должна была украсить шест на воротах Беббанбурга. Ярлом Рагнармом.

Часть первая Языческое детство

Глава первая

В тот день датчане проявили смекалку: построили новые стены внутри города, заманили наших воинов на улицы, в ловушку между этими стенами, окружили и перебили. Они истребили не всю нортумбрийскую армию, потому что даже самые свирепые воины не любят такой резни, к тому же датчане выручали за рабов немало денег. Большинство захваченных в Англии рабов датчане продавали зажиточным хозяевам на диких северных островах или в Ирландии или же отправляли через море на свою родину, в датские земли. Но некоторых, как я выяснил, отвозили на большие рынки рабов к франкам и совсем немногих увозили туда, где не было зимы и где люди с лицами цвета жженого дерева платили хорошие деньги за мужчин, а еще больше – за молодых женщин.

Но перебили датчане тоже немало. Они убили Эллу, убили Осберта, убили моего отца. Элле и отцу повезло, они погибли в бою, с мечами в руках, а вот Осберта схватили и пытали той же ночью, во время пира в пропахшем кровью городе. Несколько победителей охраняли стену, некоторые праздновали в захваченных домах, но большинство собрались в замке побежденного короля Нортумбрии.

Туда меня и привел Рагнар.

Я не знал, зачем он меня сюда привел, и был почти уверен, что меня убьют или, в лучшем случае, продадут в рабство, но Рагнар заставил меня сесть с его людьми, дал мне жареную гусиную ножку, половину ковриги хлеба и кувшин с элем и дружески потрепал по голове.

Остальные датчане сначала не обращали на меня внимания: они были слишком заняты выпивкой и потасовками, которые затевали по мере того, как напивались. Но больше всего они оживились, когда привели пленного Осберта и заставили биться с молодым воином, мастерски владевшим мечом. Датчанин потанцевал вокруг короля, затем отрубил ему кисть левой руки и вспорол живот скользящим ударом. Осберт был грузным человеком, и кишки его вылезли, как угри из садка; глядя на это, многие датчане чуть не померли со смеху. Король мучался долго, и, пока он молил его добить, датчане распинали захваченного священника, который принимал участие в битве.

Наша религия изумляла датчан и вызывала у них отвращение. Они разозлились, когда руки священника сорвались с гвоздей. Кто-то сказал, что таким способом невозможно убить человека, и они затеяли об этом пьяный спор, а потом попытались прибить священника к деревянной стене зала второй раз, но скоро им наскучила такая забава, и один из воинов проткнул грудь пленного копьем, раздробил ему ребра и пронзил сердце.

Когда священник умер, несколько человек обратили внимание на меня и, поскольку я был в шлеме с позолоченным ободом, решили, что я королевский сын. Они нарядили меня в мантию, кто-то полез на стол, чтобы на меня помочиться, но тут раздался зычный крик – это Рагнар протиснулся сквозь толпу. Он сорвал с меня мантию, произнес горячую речь, смысла которой я не понял, и его слова всех остановили. Рагнар обнял меня за плечи, подвел к возвышению сбоку зала и жестом велел туда подняться. Там в одиночестве ужинал старик – слепой, с молочно-белыми глазами, с морщинистым лицом, обрамленным седыми волосами, такими же длинными, как у Рагнара. Он услышал, как я поднимаюсь, и задал какой-то вопрос; Рагнар ответил ему и ушел.

– Ты, наверное, голоден, мальчик, – произнес старик по-английски.

Я не ответил. Меня испугали его слепые глаза.

– Ты что, испарился? – спросил он. – Или гномы утащили тебя в свои подземелья?

– Голоден, – сознался я.

– А, значит, ты все-таки здесь, – сказал он. – Тогда вот свинина, хлеб, сыр и эль. Назови свое имя.

Я чуть не сказал «Осберт», но вовремя вспомнил, что я Утред.

– Утред, – сказал я.

– Некрасивое имя, – заметил старик. – Сын велел мне присматривать за тобой, и я буду присматривать, но ты, в свою очередь, будешь присматривать за мной. Не отрежешь ли мне свининки?

– Твой сын? – переспросил я.

– Ярл Рагнар, – пояснил он. – Иногда его называют Рагнар Бесстрашный. Кого здесь сейчас убили?

– Короля, – ответил я, – и священника.

– Которого короля?

– Осберта.

– Он славно умер?

– Нет.

– Значит, он был недостойным королем.

– А ты король? – спросил я.

Он засмеялся.

– Я – Равн. Когда-то я был ярлом и воином, но теперь ослеп, и от меня нет больше пользы. Лучше бы меня огрели по башке дубиной и отправили в загробное царство.

Я промолчал, потому что не знал, что ответить.

– Но я стараюсь приносить пользу, – продолжал Равн, ощупывая хлеб. – Я говорю на твоём языке, а ещё на языке бриттов, на языке вендов, на фризском наречии и на франкском. Теперь языки – моё ремесло, мальчик, потому что я сделался скальдом.

– Скальдом?

– По-вашему, бардом. Поэтом – тем, кто умеет рассказать о мечте, кто облакает в блеск ничто и ослепляет тебя этим блеском. И я должен рассказать так о сегодняшнем дне, чтобы люди никогда не забыли наших подвигов.

– Но если ты не видишь, – спросил я, – как же ты можешь рассказать о том, что произошло?

Равн засмеялся.

– Ты слышал об Одине? Тогда ты должен знать, что Один пожертвовал одним глазом, чтобы обрести поэтический дар. Так, может, я вдвое лучший скальд, чем Один, а?

– Я – потомок Вотана, – сообщил я.

– Правда?

Похоже, это произвело на него впечатление или же он просто проявил учтивость.

– Так кто же ты, Утред, потомок великого Одина?

– Я олдермен Беббанбургский, – сказал я.

Вспомнил, что теперь остался без отца, не сумел себя защитить, и, к стыду своему, заплакал. Равн не обратил внимания на мой плач: он прислушивался к пьяным выкрикам и пению, к визгу девиц, захваченных в нашем лагере и ставших наградой победителям... Это зрелище отвлекло меня от скорбных мыслей, потому что ничего подобного раньше я не видел; хвала Господу, позже я и сам не раз получал подобные награды.

– Беббанбургский? – повторил Равн. – Я был там до твоего рождения. Лет двадцать назад.

– В Беббанбурге?

– Ну, не в самой крепости, – признался он, – она слишком хорошо защищена. Я был севернее, на острове, где молились монахи. Я убил там шесть человек. Не монахов, воинов.

Он улыбнулся при этом воспоминании.

– А теперь Расскажи-ка мне, олдермен Утред из Беббанбурга, что происходит в зале?

Так я сделался его глазами и рассказал, как пляшет народ, как мужчины сдирают с женщин одежду и что они с ними делают потом, но Равна это не заинтересовало.

– Что, – захотел он знать, – делают Ивар и Убба?

– Ивар и Убба?

– Они должны находиться на большом возвышении. Убба пониже и похож на бородатый бочонок, а Ивар – тощий, его даже прозвали Иваром Бескостным. Он такой худой, что, если взять его за ноги, им можно стрелять из лука.

Позже я узнал, что Ивар и Убба были старшими из трех братьев и военачальниками союзников датчан. Убба спал, опустив черноволосую голову на руки, которые, в свою очередь, покоились на остатках его трапезы, но Ивар Бескостный бодрствовал. У него были запавшие глаза, зловещее, похожее на череп лицо и желтые волосы, завязанные в хвост. На шее его красовалась золотая цепь, а на руках – множество золотых браслетов: датчане носили их как доказательство своей боевой удали. С ним разговаривали двое: один стоял за спиной у Ивара и словно шептал ему что-то на ухо, а второй, беспокойный с виду человек, сидел между двумя братьями. Я описал все это Равну, который захотел узнать, как выглядит человек, сидящий между братьями.

– Браслетов у него нет, – сказал я, – но на шее золотой обруч. Каштановые волосы, длинная борода, довольно старый.

– В твоём возрасте все кажутся старыми, – ответил Равн. – Должно быть, это король Эгберт.

– Король Эгберт? – Я никогда не слышал о таком короле.

– Он был олдерменом Эгбертом, – пояснил Равн, – но зимой заключил с нами союз, и мы наградили его, сделав королем Нортумбрии. Он король, но хозяева земли – мы.

Старик захихикал, и даже я понял, что он говорит о предательстве. Земли олдермена Эгберта лежали к югу от наших земель, он был на них таким же хозяином, как мой отец – на севере. Враги подкупили его, чтобы он не сражался, и вот теперь он стал королем, хотя было ясно, что король этот на коротком поводке у датчан.

– Если тебе суждено будет выжить, – сказал Равн, – я бы посоветовал засвидетельствовать Эгберту свое почтение.

– Выжить? – невольно переспросил я.

Я почему-то решил, что раз остался в живых в битве, то, конечно же, буду жить. Я был ребенком, и до сих пор за меня отвечал кто-то другой, но слова Равна перевернули мой мир. Никогда не стоит упоминать о своем звании, решил я. Лучше быть живым рабом, чем мертвым олдерменом.

– Думаю, тебе суждено выжить, – продолжал Равн. – Ты нравишься Рагнару, а Рагнар получает то, что хочет. Он сказал, что ты вызвал его на бой?

– Да, вызвал.

– Наверное, это развеселило его. Мальчишка нападает на ярла Рагнара! Должно быть, отчаянный мальчишка, а? «Слишком хороший мальчишка, чтобы просто так его убить», – сказал он. К сожалению, мой сын всегда был не чужд сентиментальности. Я бы просто снес тебе голову, но вот ты здесь, живехонек, поэтому, думаю, тебе следует пойти поклониться Эгберту.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что не совсем верно описываю события того вечера. Да, пир был, и на нем присутствовали Ивар и Убба, и Эгберт старался казаться королем, и Равн был добр ко мне, только я был гораздо сильнее смущен и напуган, чем можно судить по моему рассказу. Но в остальном мои воспоминания о том празднике очень точны. «Смотри и учись», – велел мне отец. Равн заставил меня смотреть, и я учился. Я узнал, что такое пре-

дательство, особенно когда Равн позвал Рагнара, и тот, взяв меня за ворот, отвел на высокий помост. Ивар кивком даровал разрешение, после чего мне позволили приблизиться к столу.

– Король, – промямлил я и опустился на колени, так что изумленному Эгберту пришлось вытянуть шею, чтобы меня разглядеть. – Я Утред Беббанбургский, – (Равн научил меня, что говорить), – и прошу твоего покровительства.

Повисла тишина, если не считать приглушенного бормотания переводчика Ивара. И тут проснулся Убба, несколько мгновений озадаченно озирался, словно не вполне понимая, где находится, потом уставился на меня – и я задрожал, потому что никогда еще не видел такого злобного лица. У него были темные, полные ненависти глаза, и мне захотелось провалиться сквозь землю. Убба ничего не сказал, просто смотрел на меня, прикасаясь к висящему у него на шее амулету в форме молота. У Уббы было такое же худое лицо, как и у брата, только вместо желтой косицы, спускающейся по шее, – копна буйных черных волос и густая борода, в которой застряли крошки ужина. Затем он зевнул – и я словно заглянул в пасть зверя. Переводчик заговорил с Иваром, который о чем-то спросил; потом переводчик обратился к Эгберту, пытавшемуся принять суровый вид.

– Твой отец, – произнес король, – предпочел сражаться с нами.

– И погиб, – ответил я.

Слезы навернулись мне на глаза, я хотел что-то добавить, но не смог, только по-детски всхлипнул, и меня обожгла огнем насмешливая улыбка Уббы. Я сердито утер нос.

– Мы решим твою судьбу, – высокомерно произнес Эгберт, и меня отпустили.

Я вернулся к Равну, который потребовал, чтобы я все подробно ему рассказал. Старик улыбнулся, когда я упомянул зловещее молчание Уббы.

– Он выглядит страшно, – согласился Равн. – Я точно знаю, что он убил шестнадцать человек в поединках и несколько дюжин в сражениях, но при дурных предзнаменованиях он не станет биться вообще.

– Предзнаменованиях?

– Убба – очень суеверный молодой человек, – сказал Равн, – но к тому же опасный. Я дам тебе один совет, юный Утред: никогда, ни при каких обстоятельствах не сражайся с Уббой. Даже Рагнар побоялся бы с ним драться, а мой сын редко испытывает страх.

– А Ивар? – спросил я. – С Иваром твой сын стал бы драться?

– С Бескостным? – Равн задумался. – Он тоже страшный и не знает жалости, зато у него есть здравый смысл. Кроме того, Рагнар служит Ивару, если вообще кому-то служит, они друзья, так что драться они не станут. А вот Убба... Только боги говорят ему, что делать. Бойся того, кто получает приказы от богов. Отрежь-ка мне поджаристой корочки, мальчик, больше всего в свинине я люблю корочку.

Сейчас я уже не вспомню, сколько времени провел в Эофервике, помню только, что меня запрягли в работу.

Мою красивую одежду забрали и отдали какому-то мальчишке-датчанину, а вместо нее вручили проеденный молью шерстяной балахон, который я подвязывал куском веревки. Несколько дней я готовил Равну еду, но потом пришли еще корабли с женщинами и детьми – семьями победителей, и вот тогда я осознал, что датчане приехали, чтобы остаться в Нортумбрии.

Приехала и жена Равна, крупная женщина по имени Гудрун; ее хохот мог бы свалить наземь вола. Она прогнала меня от очага, у которого теперь хлопотала жена Рагнара Сигрид, с волосами цвета залитого солнцем золота, спускающимися до талии. У них с Рагнаром было два сына и дочь – Сигрид родила восьмерых детей, но выжили только эти трое.

Рорик, второй сын, был на год младше меня, и в тот день, когда мы познакомились, накинулся на меня с кулаками, но я повалил его на спину и мутузил до тех пор, пока Рагнар не поднял нас обоих, стукнул лбами и велел помириться. Старший сын Рагнара, тоже Рагнар, был

восемнадцатилетним юношей, почти мужчиной. Его я не видел, потому что он был в Ирландии, где учился сражаться и убивать, чтобы стать ярлом, как его отец. Позже я познакомился с Рагнармом Младшим, очень похожим на отца – всегда бодрым, жизнерадостным, охотно берущимся за любое дело, дружелюбным со всеми, кто его уважал.

Как и все остальные дети, я не болтался без дела. Вечно требовалось принести дров или воды, а два дня я провел, помогая обжигать зеленый налет с корпуса одного из судов. Все это мне нравилось, хотя приходилось драться с дюжиной датских мальчишек. Все они были крупнее меня, и я вечно ходил с подбитыми глазами, растянутыми запястьями, выбитыми зубами и в синяках. Самым главным моим врагом стал мальчишка по имени Свен, на два года старше, очень крупный для своего возраста, с круглым глупым лицом, отвисшей челюстью и бешеным нравом – сын одного из рулевых Рагнара по имени Кьяртан.

Рагнару принадлежало три корабля, сам он командовал одним, Кьяртан – вторым, а высокий обветренный викинг Эгил правил третьим. Кьяртан и Эгил, конечно же, были еще и воинами: рулевые водили свои команды в бой и считались важными людьми, на их руках болталось много тяжелых браслетов. Сын рулевого Кьяртана, Свен, возненавидел меня с первого взгляда и называл английским дерьмом, козым навозом и собачьей вонью. Он был старше и крупнее и запросто мог меня побить, но я уже успел обзавестись друзьями. По счастью, Рорика Свен ненавидел почти так же сильно, как и меня, и вдвоем с Рориком мы могли дать отпор, поэтому через некоторое время Свен начал обходить меня стороной, если не был уверен, что я один. Поэтому, если забыть о Свене, лето было чудесным. Я вечно ходил чумазым и голодным, но Рагнар все время веселил нас, и я редко чувствовал себя несчастным.

Рагнар часто уезжал, большая часть датского войска проводила лето, разъезжая по Нортумбрии и подавляя очаги последнего слабого сопротивления, но новостей датчане привозили мало, и никогда – о Беббанбурге. Судя по всему, северяне везде побеждали, потому что каждый день в Эофервик на поклон к Эгберту прибывали новые таны. Эгберт жил теперь в замке короля Нортумбрии, хотя победители вытащили из замка все, что имело хоть какую-то ценность. Пролом в стене починили в тот самый день, когда мы копали огромную яму на поле, по которому в панике бежала наша армия. Мы побросали в эту яму гниющие тела нортумбрийских мертвецов. Некоторых я знал. Наверное, среди них был и отец, но я его не видел. Оглядываясь назад, скажу, что и не скучал по нему: он всегда был угрюм, вечно ожидал худшего и не любил детей.

Самой тяжелой работой для меня оказалась покраска щитов. Сначала требовалось выварить шкуры, чтобы получился клей – густая липкая масса, которую вливали потом в порошок из растертой большими каменными пестиками меди. В результате получалась тягучая голубая паста, ее наносили на новые щиты. После такой работы я несколько дней ходил с голубыми руками, зато щиты наши, висевшие на бортах корабля, смотрелись просто великолепно.

У всех датских судов тянулся по борту брус, на котором укреплялись щиты – внахлест, словно в боевом построении. Свежепокрашенные щиты предназначались для судна Уббы, и я помогал обжигать и чистить этот корабль. Убба вроде бы собрался уходить и хотел, чтобы его драккар красиво смотрелся. Нос судна круто выгибался над водой, словно грудь лебедя, а потом тянулся вперед, увенчанный головой полудракона-получервя. Голову эту можно было снять и положить на дно.

– Мы снимаем головы чудовищ, – объяснил мне Рагнар, – чтобы они не отпугивали духов.

К тому времени я уже немного понимал датский язык.

– Каких духов?

Рагнар вздохнул, столкнувшись с таким невежеством.

– У каждой земли есть свои духи, ее мелкие боги, и, когда мы подходим к своей земле, мы снимаем головы, чтобы духи в испуге не разбежались. Сколько раз ты сегодня дрался?

– Ни разу.

– Тебя уже боятся. А что это у тебя на шее?

Я показал. То был грубый железный молот, верней, маленький молоток размером с большой палец руки. При виде него Рагнар расхохотался и потрепал меня по голове.

– Мы еще сделаем из тебя датчанина, – сказал он с довольным видом.

Молот был посвящен Тору, датскому богу, почти такому же важному, как Один (так они называли Вотана). Я несколько раз спрашивал, главнее ли Тор, чем Один, но, похоже, никто этого не знал, а может, им было все равно. У датчан не было священников, и мне это нравилось, ведь священники вечно запрещали делать то или другое, вечно пытались учить меня читать или требовали молитв. Жизнь без них текла гораздо приятнее.

Датчане и вправду легкомысленно относились к богам, хотя почти каждый носил на шее молот Тора. Свой я сорвал с шеи мальчишки, с которым подрался, и храню этот талисман до сих пор.

Корма корабля Уббы, выгибавшаяся так же высоко, как и нос, была украшена резной головой орла, а на верхушке мачты красовался флюгер в виде дракона. Щиты развесили по бортам; но позже я выяснил, что щиты служили лишь украшением и в море их убирали. Прямо под щитами располагались уключины, обитые кожей, по пятнадцать с каждой стороны. Когда корабль шел под парусом, уключины закрывали деревянными заслонками, чтобы в них не задувал ветер и судно не заливало водой.

Я помогал отчищать корабль, но, прежде чем мы приступили к работе, судно затопили в реке, чтобы избавиться от крыс и блох. Затем мы, мальчишки, отскоблили каждый дюйм дерева и законопатили каждый шов пропитанной воском шерстью. Наконец драккар был готов – как раз в день приезда в Эофервик моего дяди Эльфрика.

Я узнал о приезде дяди, когда Рагнар принес мне шлем, тот самый, с золоченым бронзовым ободком, рубаху, расшитую по подолу красными нитками, и пару башмаков. Было странно снова ощущать на ногах обувь.

– Причешись, парень, – сказал Рагнар, затем вспомнил о шлеме и надел его на мою всклокоченную голову. – Нет, не причесывайся, – ухмыльнулся он.

– Куда мы? – спросил я.

– Выслушать много слов, мальчик. Даром потратить время. В этом балахоне ты похож на франкскую шлюху!

– Это плохо?

– Да просто отлично! У них во Франкии отменные шлюхи: пышные, хорошенькие, дешевые. Идем.

Он повел меня прочь от реки.

В городе кипела жизнь, лавки были полны народу, улицы запружены навьюченными мулами. Стадо маленьких черных овец вели на убой, и только овцы не расступились, чтобы дать Рагнару дорогу. Его репутация требовала почтительного отношения, но в облике его не было ничего пугающего: я видел, как датчане улыбаются, когда он приветствует их. Он назывался ярлом Рагнаром, или эрлом Рагнаром, но почитали его не за титул – весельчака и воина, отменявшего страх, словно паутину.

Рагнар привел меня в замок, который был просто большим домом, частично каменным, возведенным еще римлянами, а частично деревянным, построенным в более поздние времена. В римской части – просторной комнате с каменными колоннами и белеными стенами – ждал мой дядя, а с ним отец Беокка и дюжина воинов. Я знал их всех: они оставались защищать Беббанбург, когда отец мой уезжал на войну.

Косые глаза Беокки округлились при виде меня. Должно быть, я сильно изменился, оброс, почернел от солнца, стал худее, выше и шире в плечах. Потом он увидел у меня на шее амулет и, указав сперва на свой крест, затем – на мой молот, сделал укоризненное лицо. Эльфрик и его воины нахмурились, увидев меня, словно я их опозорил, но никто не произнес

ни слова, возможно, из-за стражников Ивара: высокие, в кольчугах и шлемах, с боевыми топорами на длинных топорницах, они стояли вдоль стен в той части комнаты, где на деревянном помосте возвышался простой стул, служивший теперь тронем Нортумбрии.

Вошел король Эгберт, а с ним Ивар Бескостный и еще человек десять, включая Равна (теперь я знал, что он советник Ивара и его брата). Рядом с Равном шагал высокий человек с белыми волосами и длинной белой бородой, в длинном одеянии, расшитом крестами и крылатыми ангелами; позже я выяснил, что это Вульффер, архиепископ Эофервикский, который, как и Эгберт, принес датчанам клятву верности. У короля был смущенный вид. Он сел, и переговоры начались.

Речь шла не только обо мне, но и о правителях Нортумбрии: кому из них можно доверять, а на кого следует напасть; какие земли отойдут Ивару и Уббе; какую дань будет платить Нортумбрия; сколько лошадей необходимо пригнать в Эофервик; сколько провианта доставить армии; кто из олдерменов останется в заложниках... А я сидел и скучал, пока не прозвучало мое имя. Тогда я насторожился и услышал, что дядя предлагает меня выкупить.

Идея с выкупом казалась довольно простой, пока два десятка человек не принялись спорить. Долгое время они обсуждали мою цену: датчане запросили немыслимую сумму в три сотни серебром, а Эльфрику было жаль расстаться даже с пятьюдесятью. Я ничего не говорил, просто сидел на разбитых римских плитах в конце зала и слушал. Три сотни превратились в двести семьдесят пять, пятьдесят стали шестьюдесятью, и так все и тянулось, и тянулось, пока наконец не заговорил дотоле молчавший Равн.

– Ярл Утред, – произнес он по-датски (я впервые услышал, как меня называют датским титулом «ярл»), – принес присягу королю Эгберту. Поэтому у него преимущество перед тобой, Эльфрик.

Слова перевели, и я увидел, как разозлился Эльфрик, когда к его имени не прибавили титула. Но у него и не было титула, не считая того, который он присвоил... Об этом я узнал, когда он тихо обратился к Беокке и тот заговорил от его имени.

– Олдермен Эльфрик, – сказал молодой священник, – не считает, что присяга ребенка чего-то стоит.

Разве я приносил присягу? Я такого не помнил; помнил только, как просил Эгберта о покровительстве – но я был слишком мал и путал эти две вещи. Да это было и неважно, важно было лишь то, что дядя присвоил Беббанбург и назвался олдерменом. Я потрясенно уставился на него, а он посмотрел на меня с явным отвращением.

– Мы полагаем, – сказал Равн, слепые глаза уставились на крышу зала (в ней отсутствовало несколько черепиц, и с потолка сыпал морозящий дождик), – что нам лучше будет служить принявший присягу, верный нам ярл Беббанбурга, а не человек, о верности которого мы ничего не знаем.

Эльфрик почувствовал, откуда дует ветер, и сделал самую простую вещь: подошел к возвышению, опустился на колени перед Эгбертом и поцеловал протянутую руку короля, получив в качестве поощрения благословение архиепископа.

– Предлагаю сто монет серебром, – сказал Эльфрик, принеся присягу на верность.

– Две сотни, – ответил Равн, – и ты должен будешь впустить в Беббанбург гарнизон из тридцати датчан.

– Я же дал клятву! – сердито заявил Эльфрик. – Нет необходимости отправлять датчан в Беббанбург.

Значит, Беббанбург не пал – и я сомневался, что когда-нибудь падет. Во всей Нортумбрии не было крепости надежнее, а может, и во всей Англии.

Эгберт все молчал, и Ивар тоже: стало ясно, что долговязому тощему датчанину наскучило происходящее, и вот он кивнул Рагнару, который оставил меня и отошел в сторонку поговорить со своим господином. Остальные смущенно ждали.

Ивар и Рагнар были друзьями. То была странная дружба совершенно разных людей: Ивар – вечно угрюмый, молчаливый, грозный, Рагнар – открытый и шумный. Старший сын Рагнара служил Ивару и уже сейчас, в восемнадцать лет, командовал датчанами, которые остались на землях Ивара в Ирландии. В том, что старший сын служит не отцу, а другому господину, не было ничего необычного. У самого Рагнара в командах служили два сына ярлов, чтобы в один прекрасный день унаследовать титул и богатство, когда научатся сражаться. Итак, Рагнар разговаривал с Иваром, Эльфрик шаркал ногами и смотрел на меня, Беокка молился, а король Эгберт, за неимением другого занятия, пытался принять величественный вид.

Наконец Ивар объявил:

– Мальчик не продается.

– Не подлежит выкупу, – мягко поправил Равн.

Эльфрик пришел в ярость.

– Я приехал... – начал он, но Ивар его прервал.

– Мальчик не подлежит выкупу, – прорычал он, развернулся и вышел из зала.

Эгберт смущенно приподнялся на троне, потом снова сел, а Рагнар подошел и встал рядом со мной.

– Ты мой, – сказал он тихо. – Я тебя купил.

– Купил?

– Заплатил серебром по весу моего меча, – объяснил он.

– Но почему?

– А может, я хочу принести тебя в жертву Одину?

Он потрепал меня по волосам.

– Ты нам нравишься, мальчик, – сказал он, – так сильно нравишься, что мы хотим тебя оставить. К тому же твой дядя предложил мало серебра. Вот если бы он дал пять сотен, а? За такую сумму я бы тебя продал.

И он засмеялся.

Беокка поспешно пересек комнату.

– Ты в порядке? – спросил он меня.

– В порядке.

– Эта штука у тебя на шее... – Он протянул руку, чтобы сорвать молот Тора.

– Тронешь мальчика, жрец, – хрипло произнес Рагнар, – и я выправлю твои косые глаза, а потом распорю твоё брюхо до тощей шеи.

Беокка, разумеется, не понял, о чем говорит датчанин, но безошибочно уловил тон, и рука его застыла в дюйме от амулета. Понизив голос, чтобы слышал только я, он взволнованно прошептал:

– Твой дядя тебя убьет.

– Убьет?

– Он желает быть олдерменом. Вот почему он хотел тебя выкупить. Чтобы убить.

– Но... – запротестовал было я.

– Тсс, – прошипел Беокка.

Он поглядел на мои голубые руки, но не спросил, что со мной случилось.

– Я знаю, ты законный олдермен, и мы еще встретимся.

Он улыбнулся мне, опасливо покосился на Рагнара и вернулся на прежнее место.

Эльфрик уехал.

После я узнал, что датчане пообещали ему свободный проезд до Эофервика и обратно и сдержали обещание, но после переговоров он вернулся в Беббанбург и засел там. Он как будто хранил верность Эгберту, то есть признавал правление датчан, но они так и не поверили ему. Поэтому, пояснил мне Рагнар, дядя и оставил меня в живых.

– Мне нравится Беббанбург, – сказал Рагнар. – Я хочу его получить.

– Он мой, – упрямо заявил я.

– А ты – мой, – ответил он, – значит, Беббанбург тоже мой. Ты – мой, Утред, потому что я купил тебя, а значит, могу сделать с тобой, что захочу. Могу сварить тебя на обед, если пожелаю... Правда, в тебе столько мяса, что не насытится даже ласка. А теперь сними этот шлюхин наряд, отдай мне башмаки и шлем и ступай работать.

И я снова стал рабом и счастливым мальчишкой. Иногда, когда я рассказываю свою историю, меня спрашивают, почему я не сбежал от язычников и не отправился на юг, в земли, где не было датчан, но эта мысль просто не приходила мне в голову. Я был счастлив, я был жив, я был с Рагнаром, и этого мне было довольно.

* * *

К началу зимы прибыли новые датчане: пришло тридцать шесть кораблей, на которых было полно воинов.

Суда на зиму вытащили на берег, а команды со щитами и оружием отправились пешком туда, где собирались провести несколько следующих месяцев. Датчане раскидывали сеть над восточной Нортумбрией – не слишком частую, но все-таки целую сеть гарнизонов.

Они не смогли бы остаться, если бы им не позволили, но те олдермены и таны, что не погибли в Эофервике, теперь стояли на коленях, и мы сделали датским королевством, несмотря на Эгберта на его шутовском троне. Только на западе, в самой пустынной части Нортумбрии, не было датчан, но в той части страны не было и сил, способных бросить им вызов.

Рагнар занял земли к западу от Эофервика, в холмах. Он поселился там с женой и остальными домочадцами, и Равн с Гудрун тоже жили с ним, а все команды кораблей Рагнара расселились в близлежащих долинах.

Прежде всего пришлось заняться переустройством дома. Дом принадлежал раньше английскому тану, погибшему в Эофервике, но в нем не было большого зала; то было примитивное деревянное строение, покрытое ржаной соломой и папоротником, так густо поросшее травой, что издаലെка дом походил на вытянутый холм. Мы сложили новую пристройку, не для себя, а для тех коров, овец и коз, которых оставляли на зиму, чтобы они принесли на следующий год приплод. Остальных животных забили – большую часть работы проделали Рагнар и его дружина, но когда в загоне осталось всего несколько голов скота, Рагнар протянул топор Рорику, своему младшему сыну.

– Одним четким быстрым ударом, – приказал он, и Рорик попытался выполнить приказание отца, но оказался недостаточно силен и меток.

Животное забилось, истекая кровью, и его пришлось держать шестерым мужчинам, чтобы Рагнар сделал все, как следует. Тушу начали свежевать, а Рагнар протянул топор мне.

– Посмотрим, получится ли у тебя.

Передо мной поставили корову. Кто-то схватил ее за хвост, и она покорно опустила голову, а я взмахнул топором, ясно помня, куда каждый раз бил Рагнар. Тяжелое лезвие попало точно в цель, перерубило позвоночник у основания черепа, и корова шумно рухнула на пол.

– Мы еще сделаем из тебя датского воина, – сказал довольный Рагнар.

После забоя скота работы стало меньше.

Англичане, жившие в долине, принесли Рагнару дань мясом и зерном, как приносили и своим английским правителям. По их лицам было невозможно прочесть, что они думают о Рагнаре и его датчанах, но беспокойства местные жители не причиняли, и Рагнар позаботился о том, чтобы не беспокоить их.

Местному священнику разрешили остаться и отправлять службы в церкви – деревянном сарае, украшенном крестом, а Рагнар выносил решения в спорных вопросах, но всегда советовался с англичанином, знакомым с местными нравами.

– Нельзя жить где-то, если люди не хотят, чтобы ты там жил, – сказал он мне. – Они могут убить твою скотину, отравить твои колодцы, и ты никогда не узнаешь, кто это сделал. Надо либо перебить всех, либо научиться ладить с ними.

Небо становилось бледнее, а ветер прохладнее. Падали сухие листья. Основная работа теперь заключалась в том, чтобы кормить оставшуюся скотину и следить, чтобы пленница не становилась ниже. Мы, человек десять мальчишек, ходили в лес, и я научился мастерски орудовать топором, узнав, как свалить дерево минимальным количеством ударов. Самые большие стволы обычно стаскивали в селение на волах и лучшие оставляли для строительства, а остальные пилили и кололи на дрова.

То было время игр, и мы, дети, построили в лесу собственный большой зал из бревен, крытых папоротником, с барсучьим черепом, прибитым к крыше вместо черепа кабана, венчавшего крышу дома Рагнара. В нашем игрушечном зале мы с Рориком дрались за право быть королем, а Тайра, восьмилетняя сестра Рорика, неизменно становилась хозяйкой дома. Она пряла там же, в лесу, – потому что, если бы не напряла к концу зимы нужное количество шерсти, ее бы наказали – и наблюдала, как мы, мальчишки, разыгрываем потешные сражения на деревянных мечях.

Почти все мальчики были детьми слуг или рабов и обычно требовали, чтобы я был английским старейшиной, а Рорик – датским военачальником. Мне в подчинение доставались самые маленькие и слабые, поэтому мы почти всегда проигрывали, а Тайра, унаследовавшая материнские волосы цвета белого золота, смотрела и пряла, вертя веретено левой рукой и вытягивая правой нитку из овечьей шерсти.

Все женщины пряли и ткали. Рагнар говорил: пятерым женщинам или дюжине девочек нужно прясть всю зиму, чтобы можно было соткать новый парус для корабля. Кораблям вечно требовались новые паруса, поэтому женщины работали не покладая рук. Еще они готовили еду, варили ореховую скорлупу, чтобы красить нитки, собирали грибы, дубили шкуры, приносили мох, которым все подтирались, скатывали воск в свечи, солодили ячмень и восхваляли богов.

Богов и богинь было множество: некоторые жили только в нашем доме, другим поклонялись одни женщины, зато третьи были могущественны и вездесущи – например, Один и Тор. Но датским божествам редко поклонялись так, как христиане поклонялись своему Богу. Люди зывали к Тору, Локи, Одину, Викру или к другому великому богу, обитавшему в Асгарде (видимо, так называлось небо датских богов), но датчане никогда не собирались в церквях, как собирались мы в Беббанбурге по субботам и в дни святых. И поскольку у датчан не было священников, у них не было ни мощей, ни священных книг. Я не скучал ни по тому ни по другому.

Хотел бы я скучать по Свену, но его отец, Кьяртан, поселился в соседней долине, и Свен довольно быстро обнаружил наш замок в лесу. Когда первые морозы прихватили сухие листья, а ягоды на боярышнике и остролисте заблестели, мы обнаружили, что место наших игр разгромлено. Больше мы не разделялись на два войска, потому что теперь приходилось сражаться с приятелями Свена, которые на нас нападали. Некоторое время стычки проходили довольно безобидно – в конце концов, то была просто игра, только побеждал в ней обычно Свен. Он украл с нашей крыши барсучий череп, который мы заменили лисьим, и Тайра кричала мальчишкам, затаившимся в лесу, что она намазала лисью голову ядом. Нам показалось, что она здорово придумала, но на следующее утро наш игрушечный замок оказался сожженным дотла.

– Сожжение, – горестно сказал Рорик.

– Сожжение?

– Такое бывает у нас в Дании, – пояснил Рорик. – Ты идешь к дому врага и сжигаешь его дотла. Важно помнить одно: надо убедиться, что все погибли. Если кто-нибудь выживет, он будет мстить, поэтому надо напасть ночью, окружить дом и перебить всех, кто попытается выбраться из огня.

Но у Свена не было собственного дома. Конечно, у его отца дом имелся, и мы целый день вынашивали планы мести, обсуждая, как все спалим и проткнем копьями всю семью. Разумеется, то была просто мальчишеская болтовня и ничего подобного мы не сделали, а вместо этого построили новый зал, подальше в лесу. Он был не таким красивым, как старый, не так надежно укрывал от непогоды... Вообще-то, то был просто грубый шалаш из ветвей и папоротника, но мы все равно прибили к новой крыше череп горностая и уверили себя, что у нас по-прежнему есть собственное королевство в холмах.

Но Свену требовалась окончательная победа. Прошло несколько дней после того, как мы закончили постройку, и вот однажды я пришел в новый дом с Рориком и Тайрой. Тайра пряталась, а мы с Рориком спорили, где делают лучшие мечи. Он утверждал – в Дании, я уверял – в Англии, но оба мы были слишком малы и глупы, чтобы знать: лучшие клинки привозят из Франкии.

Спустя некоторое время нам надоело спорить, и мы взяли заостренные ясеневые шесты, служившие нам копьями, чтобы поохотиться на дикого кабана: кабаны иногда бродили по лесу с наступлением сумерек. Мы бы не осмелились убить кабана, эти звери были слишком крупными, но мы играли в великих охотников, и, когда два великих охотника уже готовились уйти в лес, на нас напал Свен. С ним пришли только два его приятеля, но у Свена вместо деревянного меча был настоящий клинок длиной в руку. Сталь сверкала в свете зимнего дня, когда он кинулся на нас, завывая как ненормальный.

Видя ярость в его глазах, мы с Рориком бросились бежать, а он гнался за нами, продираясь через кусты, как дикий кабан, которого мы мечтали добыть. Мы спаслись от клинка только потому, что бегали гораздо быстрее, но через миг услышали крик Тайры.

Мы прокрались обратно, опасаясь меча, который Свен, видимо, захватил из отцовского дома, а когда добрались до нашей жалкой постройки, увидели, что Тайры там нет. Веретено валялось на полу, к шерсти пристали сухие листья и ветки.

Свен всегда был слишком самоуверенным. Он оставил в лесу такой след, что выследить его было легче легкого, и спустя некоторое время мы услышали голоса, пошли на них, перелезли через поросший березами гребень холма и спустились в долину врага – Свену даже не хватило ума выставить часового. Вместо этого, упиваясь победой, он пришел прямо на поляну, которая, видимо, служила ему лагерем, потому что посреди нее был сложен очаг. Помню, я еще подумал, почему же мы не догадались сложить такой очаг.

Свен привязал Тайру к дереву и сорвал с нее верхнюю часть платья. Смотреть там было не на что, ведь она была всего лишь маленькой девочкой восьми лет от роду, оставалось еще лет пять до того, как она сделалась бы девушкой. Но она была хорошенькой, вот почему Свен ее раздел.

Я видел, что товарищи Свена не в восторге. В конце концов, Тайра была дочкой ярла Рагнара! То, что началось как игра, становилось опасным, но Свен продолжал хорохориться. Он желал доказать, что не ведает страха. Он понятия не имел, что мы с Рориком затаились в кустах, но мне кажется – если бы даже знал, наплевал бы на это.

Он бросил меч у очага, встал перед Тайрой и спустил штаны.

– Потрогай, – приказал он.

Один из его товарищей проговорил что-то, чего я не расслышал.

– Она никому не скажет, – уверенно заявил Свен, – и тогда мы ей ничего не сделаем. – Он снова посмотрел на Тайру. – Я не побью тебя, если ты потрогаешь!

И тут я выскочил из укрытия. Я не был храбрецом. Но товарищи Свена потеряли вкус к игре, сам он стоял со спущенными штанами, болтавшимися на икрах, а меч его валялся без ножен в центре поляны. Я схватил меч и двинулся на Свена, который чудом сумел удержаться на ногах, повернувшись ко мне.

– Я потрогаю! – заорал я и замахнулся длинным мечом, целясь в его член.

Но меч оказался тяжелым, а я никогда еще не держал в руках настоящего клинка. Вместо того чтобы нанести удар туда, куда я целил, я проехался острием по его голому бедру и распорол кожу. Потом снова поднял меч, собрав все силы, и ткнул его в бок, но основной удар приняла на себя его одежда. Свен с криком упал, его приятели меня оттащили, а Рорик кинулся отвязывать сестру.

Больше ничего не произошло. Свен истекал кровью, но сумел-таки натянуть штаны, и друзья помогли ему уйти, а мы с Рориком отвели Тайру домой.

Дома Равн услышал ее плач и наши взволнованные голоса и потребовал умолкнуть.

– Утред, – сказал старик сурово, – подожди пока у загона. Рорик, расскажешь, что произошло.

Я ждал снаружи, пока Рорик рассказывал о случившемся. Потом Рорик вышел, и меня позвали внутрь рассказать о сегодняшнем происшествии. Сигрид обнимала Тайру; и она, и Гудрун были в ярости.

– Ты рассказал то же, что и Рорик, – заключил Равн, когда я замолчал.

– Потому что это правда, – ответил я.

– Похоже на то.

– Он ее изнасиловал! – настаивала Сигрид.

– Нет, – твердо произнес Равн, – благодаря Утреду, нет.

Всю историю услышал и Рагнар, когда вернулся с охоты. Поскольку я выглядел в ней героем, я не стал оспаривать главную ложь: Свен не собирался насиловать Тайру, он просто не посмел бы. Его дурь почти не знала границ, но все-таки границы были. Изнасиловать дочь ярла Рагнара, военачальника его отца, – такое было бы глупым даже для него. Но Свен все равно стал нашим врагом, и на следующий день Рагнар повел в соседнюю долину, к Кьяртану, шесть человек. Нам с Рориком дали лошадей и велели сопровождать отряд.

Признаюсь, я испугался. Я чувствовал, что несу ответственность за происходящее – ведь именно я затеял игры в лесу... Но Рагнар воспринял все иначе.

– Не ты меня оскорбил, а Свен. – Он говорил мрачно, без своей обычной жизнерадостности. – Ты все сделал правильно, Утред. Ты вел себя как датчанин.

Большой похвалы не существовало, хотя я чувствовал: Рагнар расстроен, что на Свена бросился я, а не Рорик. Но я был старше и сильнее младшего сына Рагнара, значит и должен был драться.

Мы ехали через замерзший лес, и я гадал, зачем два воина Рагнара везут длинные ветки орешника, слишком тонкие, чтобы служить оружием. Но задавать вопросы я не стал, потому что слишком волновался.

Дом Кьяртана стоял между двух холмов у реки, пересекающей пастбище, где паслись овцы, козы и коровы. Сейчас большая часть животных была забита, а несколько оставшихся общипывали последнюю травку.

День был солнечным, хоть и холодным.

Собаки залаяли при нашем приближении, но Кьяртан и его работники прикрикнули на них и пинками прогнали на задний двор, где рос недавно посаженный ясень – судя по его виду, дереву не суждено было пережить грядущую зиму. В сопровождении четырех человек, без оружия, Кьяртан вышел навстречу всадникам. Рагнар и его воины вооружились с ног до головы, у них имелись щиты, мечи, боевые топоры, кольчуги; Рагнар носил шлем моего отца, который купил после битвы за Эофервик. То был великолепный шлем, отделанный серебром, и я подумал, что на Рагнаре он смотрится лучше, чем на отце.

Кьяртан-рулевой был крупным мужчиной, выше Рагнара, с таким же плоским широким лицом, как у Свена, с маленькими подозрительными глазками и огромной бородой. Он покоился на ореховые прутья и, видимо, понял их значение, потому что невольно прикоснулся к молоту-амулету на серебряной цепочке у себя на шее.

Рагнар придержал лошадь и презрительно швырнул на землю меч, который я принес с поляны, где Свен издевался над Тайрой. Теперь по закону меч принадлежал Рагнару. То было ценное оружие с серебряной обмоткой на рукояти, но Рагнар кинул меч к ногам Кьяртана, словно какой-нибудь серп.

– Твой сын оставил это на моей земле, – сказал он. – Я хочу поговорить с ним.

– Мой сын – хороший мальчик, – решительно произнес Кьяртан. – Придет время, он славно послужит тебе на веслах и будет сражаться в клине.

– Он меня оскорбил.

– Он не хотел ничего дурного, господин.

– Он меня оскорбил, – хрипло повторил Рагнар. – Он видел наготу моей дочери и показывал ей свою.

– И был за это наказан, – проговорил Кьяртан, недобро поглядев на меня. – Пролилась кровь.

Рагнар резко взмахнул рукой, и ореховые ветки полетели на землю. Это явно был его ответ, которого я не понял, зато понял Кьяртан, и Рорик тоже: наклонившись ко мне, он зашептал:

– Это значит, что теперь отец Свена должен сражаться за него.

– Как это?

– Они обозначат ветками круг на земле и будут биться внутри.

Но никто не двинулся, чтобы выложить ветками круг. Вместо этого Кьяртан ушел в дом и привел Свена, который вышел, хромая, с перевязанной правой ногой. Он казался до смерти напуганным, и неудивительно: Рагнар и его дружинники явились во всем блеске – сияющие воины, викинги.

– Говори, что должен, – велел Кьяртан сыну.

Свен посмотрел на Рагнара.

– Я прошу прощения, – пробормотал он.

– Не слышу, – оскалился Рагнар.

– Я прошу прощения, господин, – сказал Свен, дрожа от страха.

– Прощения за что? – спросил Рагнар.

– За то, что сделал.

– И что же ты сделал?

Свен не нашелся что ответить, вместо этого зашаркал ногами и опустил голову. Темные тени поднялись с далекого болота: два ворона летели в долину.

– Ты поднял руку на мою дочь, – сказал Рагнар. – Привязал ее к дереву и сорвал с нее платье.

– Только наполовину, – пробормотал Свен и в довершение своих страданий получил от отца тяжелую затрещину.

– Игра, – обратился Кьяртан к Рагнару, – то была просто игра, господин.

– Ни один мальчишка не смеет играть в такие игры с моей дочерью, – заявил Рагнар.

Я редко видел его разгневанным, но сейчас он был именно таким, мрачным и суровым. Жизнерадостный человек, чей смех эхом отдавался по всему дому, исчез без следа. Он спешил, выхватил меч, свой боевой меч – Сокрушитель Сердец – и направил на Кьяртана.

– Что? Ты оспариваешь мое право?

– Нет, господин. Но он хороший мальчик, сильный, работающий, и славно послужит тебе.

– Он видел то, чего не должен был видеть.

Рагнар подкинул Сокрушитель Сердец, а когда меч перевернулся, сверкая на солнце, поймал его за рукоять. Теперь он держал оружие так, как держат кинжал, а не как меч – развернув клинком к себе.

– Утред! – От этого окрика я вздрогнул. – Он сказал, что сорвал платье только наполовину. Это правда?

– Да, господин.

– Значит, полагается и половина наказания, – проговорил Рагнар и ударил рукоятью меча прямо в глаз Свену.

Рукояти наших мечей были тяжелыми, иногда украшенными камнями, но какими бы красивыми они ни были, они все равно оставались увесистыми кусками металла. Рукоятка Сокрушителя Сердец, оплетенная серебряной проволокой, выбила Свену правый глаз и превратила глазницу в кровавое месиво, а Рагнар плюнул на Свена и убрал клинок в выстланные овечьей шкурой ножны.

Свен корчился, хныча, держась руками за выбитый глаз.

– Мы квиты, – сказал Рагнар Кьяртану.

Кьяртан колебался. Он был зол, смущен и обижен, но в поединке с ярлом Рагнаром ему было бы не победить.

– Квиты, – согласился он.

– И ты больше не служишь мне, – холодно добавил Рагнар.

Мы поехали домой.

* * *

Настала суровая зима, реки замерзли, снег засыпал их русла, и мир сделался тихим, белым и холодным. На краю леса появлялись волки, солнце в полдень становилось бледным, словно весь его жар выстудил северный ветер.

Рагнар наградил меня серебряным браслетом, первым в моей жизни.

Кьяртана вместе с семьей отослали прочь. Он больше не командовал кораблем Рагнара, не пользовался щедротами Рагнара, теперь он стал человеком без господина и, отправившись в Эофервик, вступил в городской гарнизон. То не было почетной работой: любой честолюбивый датчанин предпочел бы служить хозяину вроде Рагнара, который мог сделать его богатым; воинам же, охранявшим Эофервик, подобных возможностей не представлялось. В их обязанности входило наблюдать за плоскими полями вокруг города и следить, чтобы король Эгберт ничего не замыслил.

Я вздохнул с облегчением, когда Свен уехал. А еще я страшно радовался своему браслету. Датчане любили браслеты. Чем больше их было у человека, тем больше его уважали, потому что они означали успех. У Рагнара имелись браслеты из золота и браслеты из серебра, браслеты в виде драконов и браслеты, украшенные сияющими камнями; когда он шел, они звякали на ходу.

Браслетами расплачивались, когда не было денег. Помню, как датчанин снял браслет и порубил топором на куски, а потом клал кусочки на весы купца, пока серебра не оказалось достаточно. Я видел это в широкой долине, в селении, где жило много молодых воинов Рагнара и куда привозили товары торговцы из Эофервика. Датчане обнаружили в долине небольшое английское поселение, но им требовалось много места для новых домов, и они сожгли ближайшую ореховую рощу – вот почему Рагнар назвал это место Сюннигтвайт, «место, расчищенное огнем». Само собой, у деревни имелось английское название, но оно тут же забылось.

– Мы собираемся остаться в Англии, – сказал мне как-то Рагнар по пути домой из Сюннигтвайта, где мы закупали припасы.

Кони осторожно шагали между сугробами, из которых кое-где торчали черные ветки, по тропинке, утопающей в снегу. Я вел двух лошадей, навьюченных мешками с дорогой солью, и, по обыкновению, засыпал Рагнара вопросами: куда улетают зимой ласточки, зачем эльфы насылают на нас икоту, почему Ивара прозвали Бескостным.

– Потому что он такой тощий, это же ясно, – ответил Рагнар. – Кажется, его можно скатать, как плащ.

– А почему у Уббы нет прозвища?

– Есть. Его зовут Убба Ужасный.

Рагнар захохотал, потому что сам только что придумал это прозвище, и я тоже засмеялся, потому что был счастлив. Рагнару нравилось быть со мной, из-за светлых волос люди часто принимали меня за его сына, и это мне льстило. Рорик собирался ехать с нами, но в тот день заболел, и женщины заваривали для него травы и пели заклинания.

– Он часто болеет, – сказал Рагнар, – не то что Рагнар.

Он имел в виду своего старшего сына, который помогал охранять владения Ивара в Ирландии.

– Рагнар крепкий как бык, – продолжал ярл, – никогда не болеет! Он как ты, Утред.

Рагнар улыбнулся, подумав о старшем сыне, по которому скучал.

– Он завоюет земли, и владения его будут процветать. Но Рорик? Наверное, придется отдать ему эту землю. Он же не может вернуться в Данию.

– Почему?

– В Дании плохая земля, – объяснил Рагнар. – Она плоская и песчаная, на тамошних полях нет даже дерьма. А за водой – огромные крутые горы с клочками земли, на которых можно работать до изнеможения и все равно подохнуть с голоду.

– За какой водой? – не понял я – и тогда ярл пояснил, что датчане явились сюда из страны, разделенной на две части, и обе эти части окружены бесчисленными островами. Ближайшие к Англии острова, откуда он сам, очень плоские и песчаные, а другие, на востоке, за широкой водой, сплошь из гор.

– Еще там живут свеи.

– Свеи?

– Народ. Вроде нас. Они поклоняются Тору и Одину, но говорят по-другому. – Он пожал плечами. – Мы ладим со свеями и норвежцами.

Свеи, норвежцы, даны были северянами, викингками, но мою землю захватили именно датчане. Правда, Рагнару я этого не сказал. Я научился скрытности, хотя, скорее всего, был просто сбит с толку. Нортумбрийцы или датчане? С кем я? Кем хочу быть?

– А вдруг, – начал я, – остальные англичане не захотят, чтобы мы здесь оставались?

Я нарочно сказал «мы».

Он засмеялся.

– Пусть англичане хотят что угодно! Но ты же видел, что случилось с Йорвиком.

Так датчане называли Эофервик. Почему-то название «Эофервик» казалось им трудным, и они произносили «Йорвик».

– Кто был там самым храбрым бойцом? – спросил Рагнар. – Ты! Ребенок! Со своим крошечным мечом ты вызвал меня на бой. Это был ножик, а не меч, но ты пытался меня убить! Я чуть не лопнул со смеху.

Он подался вперед и ласково потрепал меня по волосам.

– Конечно, англичане не хотят, чтобы мы остались, – продолжал он, – но что они могут поделать? В следующем году мы захватим Мерсию, потом Восточную Англию и, наконец, Уэссекс.

– Мой отец всегда говорил, что Уэссекс – сильное королевство, – сказал я.

На самом деле отец ничего подобного не говорил, он презирал жителей Уэссекса за чрезмерную набожность, но я старался раздражить Рагнара.

Мне это не удалось.

– Уэссекс – богатое королевство, – ответил он, – но богатство не делает его сильным. Не золото делает королевство сильным, а люди. – Рагнар улыбнулся. – Мы – датчане. Мы не проигрываем, мы побеждаем, и Уэссекс падет.

– Правда?

– Сейчас там очередной слабый король, сын его еще совсем ребенок, и, если король умрет, люди, скорее всего, сделают новым королем его брата. Нам это на руку.

– Почему?

– Потому что брат его тоже слабак. Его зовут Альфред.

Альфред. Я впервые услышал имя Альфреда Уэссекского, и ничто во мне не встрепенулось. Да и с чего бы?

– Альфред, – продолжал Рагнар насмешливо. – Все, о чем он думает, как бы поиметь очередную девчонку, и это хорошо! Только не передавай Сигрид мои слова – но нет ничего дурного в том, чтобы обнажить свой клинок, когда подворачивается такая возможность. Только Альфред половину времени проводит за этим занятием, а вторую половину просит своего бога простить ему грех. Как бог может возражать против хорошего соития?

– А откуда ты знаешь, что Альфред так делает? – спросил я.

– Шпионы, Утред, шпионы. Чаще всего – купцы. Они болтают с людьми в Уэссексе, поэтому мы знаем все об Этельреде и его брате Альфреде. А еще Альфред почти всегда болен.

Рагнар помолчал, наверное задумавшись о своем младшем сыне, который тоже сейчас болел.

– Слабый род, – продолжал он. – Англосаксам стоило бы избавиться от них и посадить на трон настоящего человека, но они этого не сделают, и, когда Уэссекс падет, Англии не станет.

– А вдруг они найдут сильного короля? – спросил я.

– Не найдут, – уверенно ответил Рагнар. – В Дании короли – сильные люди, а если их сыновья оказываются слабыми, королем становится отпрыск другого рода. Но в Англии думают, будто трон выходит у женщины между ног. Вот и слабак вроде Альфреда стал королем только потому, что его отец был королем.

– У вас в Дании тоже есть короли?

– С дюжину. Я и сам мог бы называться королем, если бы захотел, только Ивару и Уббе это может не понравиться, а с ними приходится считаться.

Я ехал молча, прислушиваясь к топоту конских копыт и хрусту снега, и размышлял о словах Рагнара, что больше не будет Англии, что земли ее станут датскими.

– А что будет со мной? – наконец спросил я.

– С тобой? – Он удивился такому вопросу. – С тобой, Утред, будет то, что ты сам сотворишь. Ты вырастешь, научишься владеть мечом, узнаешь, как сражаться в клине, научишься грести, восхвалять богов, а потом будешь использовать эти знания себе на благо или во вред.

– Я хочу получить Беббанбург, – сказал я.

– Тогда ты должен его взять. Возможно, я помогу тебе, но не теперь. Прежде мы должны отправиться на юг, а до того, как мы отправимся на юг, мы должны убедить Одина принять нашу сторону.

Я все еще не понимал датской религии. Датчане относились к ней гораздо легкомысленнее, чем мы в Англии относились к своей. Правда, женщины их нередко молились, а время от времени после удачной охоты кто-нибудь посвящал богам добычу, прибивая окровавленную звериную голову над дверью: то был знак, что в доме состоится праздник в честь Тора или Одина. Но сам праздник, хоть и считался поклонением божеству, ничем не отличался от всех остальных пьянок.

Лучше всего мне запомнился праздник Йоль, потому что на нем появился Веланд. Он пришел в самый холодный день зимы, когда снег падал большими хлопьями, – пришел пешком, с мечом на поясе, с луком за плечами, в обносках, и почтительно встал на колени перед домом

Рагнара. Сигрид почти силком затащила его в дом, накормила и дала эля, но, поев, он все равно вышел на снег, чтобы там дожидаться Рагнара, охотившегося в холмах.

Веланд был похож на змею, таково было мое первое впечатление. Он напоминал дядю Эльфрика, худого, скользкого, себе на уме, и я невзлюбил его с первого взгляда. Но, увидев, как он распростерся в снегу перед приехавшим Рагнаром, я почувствовал еще и укол страха.

– Меня зовут Веланд, – сказал он, – я ищу господина.

– Ты немолод, – заметил Рагнар. – Почему же у тебя нет господина?

– Он погиб, когда корабль его утонул.

– Кто он был?

– Снорри, господин.

– Который Снорри?

– Сын Эрика, сына Гримма, из Бирки.

– А ты, значит, не утонул? – сказал Рагнар, спешившись и отдав мне поводья.

– Я тогда был на берегу, господин. Я болел.

– Чей ты? Какого рода?

– Я сын Годфреда, господин, из Хайтабу.

– Хайтабу! – сморщился Рагнар. – Торговец?

– Я воин, господин.

– Почему ты пришел ко мне?

Веланд пожал плечами.

– Говорят, ты хороший хозяин, даришь браслеты, но если прогонишь меня, я пойду к кому-нибудь другому.

– И ты умеешь пользоваться своим мечом, Веланд, сын Готфреда?

– Как женщина умеет пользоваться своим языком, господин.

– Неужто так хорошо? – спросил Рагнар, словно не в силах сдержать насмешку.

Он разрешил Веланду остаться, отправив в Сюннигтвайт найти пристанище; когда же я сказал, что мне не нравится Веланд, Рагнар пожал плечами и ответил, что чужака нужно поддерживать. Мы тогда сидели дома, почти угорев от дыма, вившегося под балками.

– Нет ничего хуже, Утред, чем не иметь господина, – сказал Рагнар. – Дающего браслеты, – прибавил он, тронув собственные украшения.

– Я не верю ему, – заметила Сигрид, лепившая булочки у очага. Рорик уже выздоровел и помогал ей, а Тайра, как обычно, пряла. – Мне кажется, он изгой, – добавила Сигрид.

– Может быть, – согласился Рагнар, – но моему кораблю все равно, кто сидит на веслах.

Он потянулся за готовой булочкой и получил по рукам от Сигрид, которая сказала, что эти булочки специально для Йоля.

Праздник Йоль был самым главным праздником в году: целая неделя угощений, эля, меда, поединков, смеха и пьяных, блюющих на снег. Люди Рагнара съехались в Сюннигтвайт, где устраивали конские состязания, боролись, соревновались в метании копья, топора и камней.

А еще было мое любимое состязание – перетягивание каната, когда мужчины и мальчишки разбивались на две группы, стараясь затащить соперников в ледяной ручей. Я заметил, пока боролся с мальчиком на год старше меня, что Веланд за мной следит. Теперь Веланд выглядел гораздо приличнее, не носил больше лохмотьев, а носил плащ на лисьем меху.

В тот Йоль я впервые напился – так, что меня не слушались ноги. Я лежал и стонал, потому что ужасно болела голова. Рагнар при виде этого взревел от смеха и заставил меня пить мед до тех пор, пока меня не стошнило.

Само собой, Рагнар выиграл состязание питухов, а Равн прочитал длинный стих о некоем древнем герое, убившем чудовище, а потом убившем и мать этого чудовища, которая была еще страшнее сына, но я был слишком пьян и почти ничего не запомнил.

После празднования Йоля я узнал кое-что новое о датчанах и их богах. Рагнар приказал выкопать огромную яму на поляне в лесу за домом. Мы с Рориком помогали копать: рубили топором корни и оттаскивали землю. Рагнар требовал рыть все глубже и глубже и успокоился только тогда, когда, встав на дно ямы, ничего из нее не увидел. В эту яму, рядом с которой возвышался курган вынутой земли, вел пологий скат.

На следующую ночь мужчины из дружины Рагнара, одевшись и вооружившись, словно на войну, и не взяв с собой женщин, отправились к яме. Мы, мальчишки, несли факелы, пламя которых трепетало под деревьями; дрожащие тени поглощала тьма.

Слепой Равн ждал в яме, стоя напротив спуска и нараспев восхваляя Одина. Время тянулось и тянулось; слова, резкие и ритмичные, словно удары барабана, описывали, как великий бог сотворил мир из тела великана Имира, как забросил на небо солнце и луну, как гномы выковали в подземных мастерских его копье Гунгнир – величайшее оружие на свете. Пока длился рассказ, люди продолжали собираться у ямы. Они покачивались в ритме стиха, кто-то повторял отдельные фразы, и, признаюсь, я скучал не меньше, чем тогда, когда Беокка начинал бормотать на своей латыни. Поглядывая в лес, я наблюдал за теньями и гадал, кто там движется во мраке, и думал о скедугенганах.

Я часто вспоминал о скедугенганах, Движущихся Тенях. Впервые мне о них рассказывал беббанбургский кузнец Элдвульф, велел ничего не говорить Беокке. Я и не говорил, а Элдвульф рассказывал мне, как до прихода Христа в Англию, давно, когда в Англии поклонялись Вотану и другим богам, все хорошо знали о Движущихся Тенях: почти невидимые, они молча блуждали по всей земле – таинственные существа, способные менять форму. Вот только что они были волками, а потом вдруг становились людьми или орлами... Они не были ни живыми, ни мертвыми, а просто тварями из мира теней, ночными охотниками.

Я смотрел на темные деревья, и мне хотелось, чтобы там, в тени, таились скедугенганы – существа, о которых знаю только я; сила, которой испугаются датчане и которая вернет мне Беббанбург, столь же могущественная, как магия, даровавшая победу датчанам.

Конечно, то были просто детские мечты. Когда ты мал и слаб, ты мечтаешь об обладании волшебной силой, а когда становишься взрослым и могучим, заставляешь слабых мечтать о том же. Ребенком я жаждал силы скедугенганов. Я помню, какое волнение охватило меня той ночью, какое желание овладеть силой Движущихся Теней, – пока негромкое ржание не заставило меня снова обратить внимание на яму.

Люди у спуска расступились, и из темноты вышла странная процессия: жеребец, баран, собака, гусь, бык и кабан. Каждое животное вел воин Рагнара, а замыкал вереницу английский пленник, человек, работавший в полях, с такой же, как у животных, веревкой на шее.

Я узнал жеребца – лучшего коня Рагнара, огромного, черного, по имени Всполох. Рагнар любил этого коня, и все-таки Всполоха вместе с остальными животными принесли в ту ночь в жертву Одину.

Это сделал сам Рагнар.

Обнаженный до пояса – шрамы на его груди были ясно видны в свете пламени, – он убил животных топором, одного за другим. Всполох умер последним. Он выкатил глаза, показывая белки, когда его тянули по скату в яму, и упирался, напуганный запахом крови, стекающей по земляным склонам. Рагнар подошел к нему с лицом, мокрым от слез, поцеловал Всполоха в морду и убил одним верным и сильным ударом между глаз. Жеребец упал, взбрыкнув ногами, и мгновенно умер.

В заключение умер человек, это было не так волнующе, как смерть коня. Стоя в кровавом месиве, Рагнар поднял окровавленный топор к небу и прокричал:

– Один!

– Один! – эхом ответили все мужчины, потрясая копьями и мечами над дымящейся ямой.

– Один! – прокричали они снова, и тут я увидел Беланда-змею, глядящего на меня с другой стороны освещенной факелами кровавой ямы.

Все тела вытащили и подвесили на деревьях. Кровь жертв досталась обитателям подземного мира, а их плоть – богам наверху. Потом мы засыпали яму, сплясали на ней, чтобы утрамбовать землю, и по кругу пошли фляги с элем и меха с медом. Мы пили под висящими тушами и призывали Одина, грозного бога, потому что Рагнар с дружиной отправлялся в поход.

Я подумал о клинках мечей над кровавой ямой, подумал о пирующем на трупах боге, который должен благословить этих людей, и понял, что вся Англия падет, если не найдет столь же сильного волшебства, как магия этих могучих людей. Мне было всего десять лет, но в ту ночь я понял, кем стану.

Я присоединюсь к скедугенганам и стану Движущейся Тенью.

Глава вторая

Весной 868 года, когда мне было одиннадцать, «Летучего змея» спустили на воду. На воду, но не в море – на реку. «Летучий змей» был судном Рагнара – прекрасный корабль с дубовой обшивкой, с резной змеиной головой на носу, с головой орла на корме и с треугольным медным флюгером, украшенным нарисованным черной краской вороном. Флюгер прикрепили на верхушку мачты, хотя она пока лежала на двух деревянных подпорках на дне длинного корабля.

Воины Рагнара гребли и пели, их раскрашенные щиты висели вдоль бортов. Гребцы пели о том, как могущественный Тор ловил ужасного Змея Мидгарда, кольцом опоясавшего землю, как змей заглотил крюк с насаженной на него бычьей головой и как великан Хюмир, испугавшись гигантского змея, перерезал снасть. То была славная история, и под ритм этой песни мы поднимались по реке Трент, притоку Хамбера, текущему из самого сердца Мерсии. Мы держали путь на юг, против течения, но путешествие оказалось легким и мирным: пригревало солнышко, берега реки были усыпаны цветами.

Часть дружины ехала верхом по восточному берегу, держась вровень с нами, а за нами шла флотилия кораблей с головами чудовищ. Армия Ивара Бескостного и Уббы Ужасного – войско северян, датских воинов, – шла в поход.

Вся Восточная Нортумбрия теперь принадлежала им, Западная Нортумбрия находилась в вассальной зависимости, а дальше они собирались завоевать Мерсию, королевство, лежащее в самом центре английских земель. Территория Мерсии простиралась на юг от реки Темез, отделявшей ее от Уэссекса; с запада королевство окаймляли горы, где жили валлийские племена, а на востоке оно граничило с полями и болотами Восточной Англии. Мерсия, хотя и не такая богатая, как Уэссекс, была богаче Нортумбрии, и река Трент вела в самое сердце королевства, а «Летучий змей» был наконечником датского копья, нацеленного в это сердце.

Рагнар хвастал, что «Летучий змей» пройдет не только по такой неглубокой речке, но и по луже, и почти не преувеличивал. Издалека корабль выглядел длинным, изящным, похожим на лезвие ножа, но с борта было видно, что от киля днище широко расходится в стороны и корабль не разрезает воду, как кинжал, а лежит на ней, словно пустая площадка. Даже когда на борту находилось человек сорок-пятьдесят с оружием, щитами, запасом провизии и эля, осадка оставалась небольшой. Время от времени длинный киль царапал по гравии, но мы следовали плавным изгибам реки, и глубины хватало. Поэтому мачту и сняли: проходя повороты, мы скользили под нависшими деревьями, и мачта могла бы за них зацепиться.

Мы с Рориком сидели на носу вместе с его дедом Равном, и наша работа заключалась в том, чтобы рассказывать старику обо всем, что мы видим. Это были в основном цветы, деревья, камыш, речные птицы и форель, отправляющаяся на нерест. Деревенские ласточки вернулись из теплых краев и носились над водой, а городские сустились по берегам, собирая глину

для гнезд. Заливались певчие птицы, голуби ворковали в молодой листве, зловещие соколы безмолвно парили под рваными облаками. Вслед нам глядели лебеди, а порой мы видели детенышей выдры, играющих под бледными ивами: при нашем приближении зверьки с плеском уплывали. Иногда мы проходили мимо поселений – деревянных домиков, крытых соломой, но там уже никто не жил.

– Мерсия нас боится, – сказал Равн. Он распахнул свои белые слепые глаза навстречу ветру. – И правильно делает. Мы – воины.

– У них тоже есть воины, – возразил я.

Равн засмеялся.

– Думаю, воином у них можно назвать одного из трех, а то и меньше, а в нашей армии, Утред, каждый мужчина – воин. Тот, кто не хочет сражаться, сидит дома в Дании, возделывает землю, пасет овец, выходит в море за рыбой, но не поднимается на корабль, чтобы отправиться на войну. А в Англии? Всех заставляют идти на битву, но только у одного из трех или даже из четырех хватает духу сражаться. Остальные – просто земледельцы, которые мечтают удрать с поля боя. Мы здесь как волки в овечьем загоне.

«Смотри и учись», – велел мне отец, и я учился. Что еще делать мальчишке, у которого даже не начал ломаться голос? Только один из трех – воин; помни о Движущихся Тенях; опасайся удара из-под щита; река может стать дорогой, ведущей в центр королевства... Смотри и учись.

– И у них слабый король, – продолжал Равн. – Бургред, вот как его зовут, и у него кишка тонка для битвы. Конечно, он будет сражаться, ведь мы его к тому вынудим, и позовет на помощь друзей из Уэссекса, но в глубине своей жалкой души сознает, что проиграет.

– Откуда ты знаешь? – спросил Рорик.

Равн улыбнулся.

– Всю зиму, мальчик, наши торговцы провели в Мерсии. Продавали меха, янтарь, покупали железо и солод, а еще вели разговоры с местными и слушали. А потом вернулись и рассказали обо всем, что узнали.

«Перебить торговцев», – подумал я.

Почему я так подумал? Я любил Рагнара. Любил гораздо больше, чем своего отца. Я как пить дать должен был умереть, но Рагнар спас меня, баловал и относился ко мне как к сыну. Он называл меня датчанином, а мне нравились датчане, хотя уже тогда я понимал, что не стану одним из них. Я – Утред Беббанбургский, я помню крепость у моря, птиц, с криками летающих над волнами, буревестников, парящих над белыми барашками прибоя, тюленей на скалах, волны, разбивающиеся об утесы. Я помню людей той земли: они звали моего отца господином, но рассказывали ему о своей родне, говорили с ним, как с соседом. Все семьи, жившие на расстоянии дня пути от нас, были знакомы друг с другом.

Беббанбург был и оставался моим домом. Рагнар отдал бы мне крепость, если бы сумел ее взять, но тогда она принадлежала бы датчанам, а я стал бы всего лишь их наемником, олдеременом на привязи. Стал бы не лучше короля Эгберта – не короля, а дрессированной собачки на коротком поводке... К тому же то, что давали датчане, они же могли и забрать, поэтому я должен был вернуть Беббанбург собственными силами.

Знал ли я все это в одиннадцать лет? Наверное, кое-что знал. Это таилось в моем сердце, неоформленное, невысказанное, но твердое как камень. Оно могло быть скрыто, наполовину забыто и нередко отвергнуто, но оно всегда оставалось там.

«От судьбы не уйдешь, – любил повторять Равн, – судьба правит всем». Он даже произносил это по-английски: «Wyrd biðful aræd».

– О чем ты думаешь? – спросил меня Рорик.

– Хорошо бы искупаться, – ответил я.

Весла поднимались и падали, «Летучий змей» шел по реке к Мерсии.

* * *

На следующий день нас встретил небольшой отряд. Мерсийцы перегородили русло поваленными деревьями. Они не до конца перекрыли реку, но гребцам было бы трудно провести корабль через узкий проток между торчащими ветками. Мерсийцев явилось около сотни: два десятка лучников и воинов с копьями ждали у завала, готовые перебить наших гребцов, остальные выстроились «стеной щитов» на восточном берегу. Рагнар засмеялся при виде этого, и я узнал кое-что новое: датчане радуются предстоящей битве. Рагнар вопил от восторга, налегая на рулевое весло и направляя корабль к берегу, шедшие за нами корабли тоже причалили, а всадники, ехавшие вровень с нами по берегу, спешили.

Я видел с носа «Летучего змея», как команды в спешке выскочили на берег, натягивая кольчуги и кожаные нагрудники. А что видели мерсийцы? Они видели молодых людей со всклокоченными волосами, растрепанными бородами и жадными взорами. Людей, бросающихся в битву, словно в любовные объятия. Если датчане не имели возможности драться с врагом, они дрались между собой. У многих не было ничего, кроме чудовищной гордости, боевых шрамов и отлично заточенных мечей, но со всем этим они могли получить все, что пожелали бы.

Мерсийская «стена» не выстояла даже до начала битвы. Увидев, что врагов больше, мерсийцы пустились наутек под насмешливое улюлюканье воинов Рагнара, которые после поснимали кольчуги и нагрудники и с помощью топоров и сыромятных ремней разобрали завал. Понадобилось несколько часов, чтобы убрать деревья, а затем мы снова двинулись в путь.

Вечером корабли пристали к берегу, датчане развели костры и выставили часовых. Все спали с оружием, но никто нас не потревожил, и, продолжив путь на заре, мы скоро добрались до города с толстыми земляными стенами и высоким частоколом. Рагнар предположил, что в этом поселении мало воинов, а на стенах их вообще не было видно, поэтому он снова направил корабль к берегу и повел отряд к городу.

Земляной вал и деревянный частокол оказались в хорошем состоянии, и Рагнар пришел в восторг, решив, что весь гарнизон ушел к реке с нами сражаться, а не отсиживается за надежной стеной. Но оказалось, что мерсийские воины уже далеко – они бежали на юг, оставив ворота открытыми. Дюжина городских жителей стояли на коленях перед деревянной аркой, простирая к нам руки в мольбе о пощаде; трое из них оказались монахами, склонившими головы с тонзурами.

– Ненавижу монахов, – бодро сообщил Рагнар.

Он держал в руке меч, Сокрушитель Сердец, и при этих словах со свистом рассек клинком воздух.

– Почему? – спросил я.

– Монахи – как муравьи, – ответил он. – Черные, ползающие без толку туда-сюда. Ненавижу. Поговори с ними от моего имени, Утред. Спроси, что это за место?

Я спросил, и оказалось, что перед нами город Гегнесбург.

– Скажи им, – велел Рагнар, – что я – ярл Рагнар, по прозвищу Бесстрашный, и я ем детей, когда мне не дают золота и серебра.

Я перевел. Коленопреклоненные люди подняли глаза на Рагнара. Тот стоял с распущенными волосами, а это всегда означало, что он в настроении убивать, – хотя жители этого и не знали. Воины Рагнара, ухмыляясь, выстроились за его спиной с топорами, мечами, копьями, щитами и боевыми молотами.

– Вся еда, какая есть, ваша, – перевел я ответ седобородого старика. – Только он говорит, что еды мало.

Рагнар улыбнулся, шагнул вперед и, все еще улыбаясь, махнул мечом, наполовину снеся старику голову. Я отскочил назад, не потому, что испугался, просто не хотел, чтобы кровь забрызгала мою одежду.

– Одним ртом меньше, – бодро сказал Рагнар. – А теперь спроси остальных, сколько у них еды.

Седобородый старик стал теперь краснобородым, он задыхался и корчился в агонии. Постепенно его конвульсии затихли, он просто лежал и, умирая, укоризненно смотрел мне в глаза. Никто из его товарищей не пытался ему помочь, все были слишком напуганы.

– Сколько у вас еды? – спросил я.

– Еда есть, господин, – сказал один из монахов.

– Сколько? – повторил я.

– Достаточно.

– Он говорит, еды достаточно, – перевел я Рагнару.

– Меч, – произнес Рагнар, – отличный способ, чтобы выяснить правду. А что есть у монахов в церкви? Сколько серебра?

Монах предложил, чтобы мы посмотрели сами, сказав, что можем забрать все, что найдем. Все, что мы найдем, будет нашим, все-все. Я перевел эти сбивчивые заверения, и Рагнар снова улыбнулся.

– Он говорит неправду, так?

– Разве? – удивился я.

– Он хочет, чтобы я сам посмотрел, потому что знает: я ничего не найду. Значит, они спрятали все свои богатства или увезли. Спроси, спрятали ли они серебро.

Я спросил, и монах покраснел.

– У нас бедная церковь, – сказал он, – никаких сокровищ.

Он смотрел широко раскрытыми глазами, пока я переводил ответ, а когда Рагнар шагнул вперед, попытался вскочить и бежать. Но Рагнар схватил монаха за рясу, и Сокрушитель Сердец перебил монаху позвоночник. Умирая, тот дергался, как выброшенная на берег рыба.

Серебро, разумеется, нашлось. Уцелевший монах сказал, где оно, и Рагнар вздохнул, вытирая меч о рясу мертвеца.

– Какие дураки, – произнес он грустно. – Они бы остались жить, если бы сразу сказали правду.

– А если бы у них действительно не было сокровищ? – спросил я.

– Тогда они сказали бы правду и умерли, – ответил Рагнар – это показалось ему забавным. – Что вообще делают монахи, не считая того, что укрывают от датчан сокровища? Это муравьи, оберегающие серебро. Найди их муравейник, раскопай – и станешь богачом.

Он перешагнул через свои жертвы.

Я был поражен тем, с какой легкостью Рагнар убил незащищенных людей, но Рагнар не уважал тех, кто раболепствует и лжет. Он ценил врага, который сражается, выказывая доблесть, но не тех, кто трусливо елозит, как убитые им у ворот Гегнесбурга, – такие люди не заслуживали даже презрения, они были для него хуже скотов.

Мы собрали провиант со всего Гегнесбурга, потом заставили монахов выкопать богатства. Сокровищ оказалось немного: две массивные серебряные чаши, три серебряных блюда, медное распятие с серебряным Христом, вырезанные из кости ангелы, поднимающиеся по лестнице, и мешок серебряных монет. Рагнар разделил монеты между своими воинами, затем мечом порубил на куски серебряные блюда и чаши и тоже раздал. В резной кости не было никакого проку, поэтому он просто разбил ее мечом.

– Странная религия, – сказал Рагнар. – Они поклоняются только одному богу?

– Одному, – ответил я, – но он делится на три.

Это ему понравилось.

– Ловкий ход, но бесполезный. У этого тройного бога есть и мать, верно?

– Мария, – ответил я, шагая за ним, пока он обследовал монастырь в поисках другой поживы.

– Интересно, она так и родила его тремя частями? – задумался он. – И как этого бога зовут?

– Не знаю.

Раньше я знал имя, потому что Беокка мне говорил, но не смог вспомнить.

– Трое вместе составляют Троицу, – продолжал я, – но это не имя бога. Обычно они зовут его просто Господь.

– Все равно что звать собаку собакой, – со смехом заявил Рагнар. – А кто такой Христос?

– Один из трех.

– Тот, который умер, да? А потом вернулся к жизни?

– Да, – сказал я и вдруг испугался, что христианский Бог наблюдает за мной и готовит мне ужасное наказание за грехи.

– Боги это могут, – с воодушевлением согласился Рагнар. – Умирать и воскресать. Они же боги.

Посмотрев на меня, он понял, что я боюсь, и потрепал по волосам.

– Не бойся, Утред, христианский бог здесь не властен.

– Правда?

– Конечно!

Он обыскал сарай на задворках монастыря, нашел хороший серп и сунул за пояс.

– Боги сражаются друг с другом! Это все знают. Посмотри на наших богов! Асы и ваны дрались, как коты, пока не помирились.

Асы и ваны были двумя ветвями рода датских богов и теперь населяли Асгард, хотя когда-то были злейшими врагами.

– Боги сражаются, – продолжал Рагнар серьезно, – и иногда побеждают, а иногда проигрывают. Христианский бог проигрывает – иначе почему мы здесь? Почему побеждаем? Боги вознаграждают нас, если мы проявляем к ним уважение, но христианский бог не помогает своим, так ведь? Они проливают перед ним реки слез, молятся ему, отдают ему свое серебро, а мы приходим и уничтожаем их! У них жалкий бог. Если бы он обладал настоящей силой, нас бы здесь не было, верно?

Это показалось мне логичным. Какой толк поклоняться божеству, если оно тебе не помогает? Нельзя было отрицать, что приверженцы Одина и Тора побеждают, и я суеверно держался за молот Тора, висевший у меня на шее, пока мы возвращались на «Летучий змей».

Мы оставили Гегнесбург разграбленным, его народ рыдающим, амбары опустошенными, и, когда гребли дальше по широкой реке, наш корабль был нагружен зерном, хлебом, солониной и копченой рыбой.

Позже, много позже, я узнал, что Эльсвит, жена Альфреда, родом из Гегнесбурга. Местный олдермен, побоявшийся с нами сражаться, был ее отцом; королева выросла в этом городе и постоянно сетовала, что после ее отъезда датчане разграбили Гегнесбург.

«Бог непременно покарает язычников, которые осквернили мой родной город!» – вечно восклицала она. Я счел за благо не упоминать, что сам был одним из тех язычников.

Мы закончили свой поход в городе, который назывался Снотенгахам – то есть «дом людей Снота». Это поселение было гораздо крупнее Гегнесбурга, но гарнизон его тоже бежал, а оставшиеся встретили датчан с горами провизии и серебра. У всадников было время донести досюда весть о гибели Гегнесбурга, поэтому большой город с крепкими стенами сдался без боя. Датчане всегда радовались, когда подобные вестники сообщали об их приближении.

Командам нескольких кораблей поручили охранять город, а остальные отправились обследовать окрестности. В первую очередь они добыли лошадей, и, когда у всех появились кони, отряды двинулись дальше, грабя, сжигая и разоряя.

– Мы здесь останемся, – сказал мне Рагнар.

– На все лето?

– До конца времен, Утред. Это теперь датская земля.

Еще ранней весной Ивар с Уббой отправили три корабля домой, в Данию, чтобы позвать сюда новых поселенцев, и теперь корабли начали один за другим возвращаться, привозя мужчин, женщин, детей. Вновь прибывшим было позволено занимать любые приглянувшиеся дома, кроме тех, что принадлежали мерсийским старейшинам, которые присягнули на верность датчанам. Один из присягнувших был епископом, молодым человеком по имени Этельбрид; он убеждал свою паству, что датчан послал Бог. Епископ ни разу не объяснил, зачем Бог это сделал, – возможно, не знал и сам. Но в результате этих проповедей его жена и дети остались живы, его дом уцелел, а церкви даже оставили одну серебряную чашу для причастия. Правда, Ивар настоял, чтобы сыновья Этельбрида, близнецы, остались в заложниках на тот случай, если Бог переменит свое мнение насчет датчан.

Рагнар, как и другие вожди датчан, постоянно разъезжал по окрестностям в поисках провизии и любил, чтобы я ездил вместе с ним в качестве переводчика.

Шли дни, и мы все чаще слышали, что огромная армия Мерсии собирается на юге, в крепости Ледекестр, которую Рагнар считал самой лучшей крепостью Мерсии. Ее выстроили римляне, умевшие строить лучше, чем кто-либо в наши дни. В этой крепости Бургред, король Мерсии, собирал войско, вот почему Рагнар так заботился о пополнении наших припасов.

– Они будут нас осаждать, – сказал он, – но мы победим, и Ледекестр станет нашим, как и вся Мерсия.

Он говорил совершенно спокойно, словно не допускал возможности поражения.

Пока я ездил с Рагнаром, Рорик оставался в городе: он снова был болен, его мучили спазмы в животе, такие жестокие, что иногда он разражался бессильными слезами. По ночам его тошнило, он стал бледным, и единственное облегчение ему приносили травяные отвары, которые готовила пожилая служанка епископа. Рагнар переживал за Рорика, но был рад, что мы с его сыном такие хорошие друзья. Рорик не обижался на привязанность отца ко мне и не ревновал. Он знал: со временем Рагнар отвоюет для меня Беббанбург и я вернусь в свою вотчину. Предполагалось, что я останусь другом датчан и Беббанбург станет их оплотом. Я стану ярлом Утредом, Рорик и его старший брат будут владеть соседними землями, а Рагнар сделается крупным правителем, за спиной которого будут его сыновья и Беббанбург. Все мы будем датчанами, и Один будет улыбаться нам, и мир будет вертеться до самой последней битвы, когда боги сразятся с чудовищами. Армия мертвецов выйдет тогда из Валгаллы, из подземного мира вырвутся чудища, и пламя поглотит древо жизни Иггдрасиль. Одним словом, все останется неизменным до самого конца света. Так думал Рорик, и так, без сомнения, думал сам Рагнар. А Равн говорил: «Судьба правит всем».

В разгар лета стало известно, что мерсийская армия наконец-то выступила и король Этельред Уэссекский ведет свое войско в помощь Бургреду. Нам предстояло столкнуться с двумя из трех уцелевших английских королевств. Мы прекратили вылазки по деревням и подготовили Снотенгахам к неминуемой осаде, укрепив частокол на земляном валу и углубив ров под стеной. Мы вытащили корабли на берег, подальше от городских стен, чтобы они не загорелись случайно от зажигательных стрел, а с домов под городской стеной сняли соломенные крыши.

Ивар с Уббой решили держать осаду. Они считали, что надо суметь удержать то, что уже захвачено, а если мы захватим столько земель, что у нас не останется сил на оборону, датское

войско рассеется и будет перебито по частям. Лучше, решили они, позволить врагу подойти и попытаться взять Снотенгахам.

Враги пришли, когда зацвели маки. Сначала появились мерсийские лазутчики, небольшой конный отряд, осторожно обогнувший город, а в полдень потянулись пехотинцы Бургреда – отряд за отрядом, с копьями, топорами, мечами, серпами и косами. Они встали лагерем на почтительном расстоянии от стены и соорудили из веток и дерна нечто вроде городка, раскинувшегося по лугам и невысоким холмикам.

Снотенгахам стоял на северном берегу Трента, то есть река отделяла город от остального королевства; но армия пришла с запада и пересекла Трент южнее Снотенгахамы. Часть войска осталась на южном берегу, чтобы мы не могли перейти реку и отправиться на поиски провианта. Это означало, что остальное войско полностью окружило нас, но англичане не делали попыток атаковать. Мерсийцы ждали прибытия западных саксов, и в первую неделю осады единственным событием стала вылазка горстки лучников Бургреда: они подползли к стене и выпустили в нас несколько стрел, которые застряли в частоколе, став похожими на жердочки для птиц. Проявив таким образом свою воинственность, мерсийцы занялись укреплением лагеря, огородив его валом из срубленных деревьев и кустов терновника.

– Они опасаются, что мы совершим вылазку и перебьем всех, – сказал Рагнар, – поэтому будут сидеть за завалом в надежде уморить нас голодом.

– И у них получится? – спросил я.

– Они не уморили бы даже мышь в пустом горшке, – жизнерадостно заверил Рагнар.

Его щит висел на внешней стороне частокола – один из двенадцати сотен ярко раскрашенных щитов, выставленных на всеобщее обозрение. У нас не имелось двенадцати сотен воинов, но почти у всех датчан было по несколько щитов, и они вывешивали их на стены, чтобы враг подсчитал, сколько человек в гарнизоне. Военачальники датчан укрепили на стенах свои знамена, среди них – флаг Уббы с вороном и орлиное крыло Рагнара. Флаг Уббы представлял собой треугольник из белой материи, обшитый белыми кисточками, на нем изображался ворон с раскинутыми крыльями. Знамя же Рагнара было настоящим орлиным крылом, прибитым к шесту: оно так истрепалось, что Рагнар обещал золотой браслет тому, кто принесет ему новое крыло.

– Если они хотят, чтобы нас здесь не было, – заявил Рагнар, – им надо перейти в наступление, причем в ближайшие три недели, пока их воины не разбежались по домам убирать урожай.

Но вместо того чтобы атаковать, мерсийцы пытались изгнать нас из Снотенгахамы молитвами. Десяток священников, в рясах и с деревянными крестами, а за ними двадцать монахов со священными знаменами с изображением святых выступили из-за изгороди лагеря и прошли вереницей на расстоянии чуть больше полета стрелы. Один из священников кропил святой водой, через каждые несколько шагов все останавливались и призывали на наши головы проклятия.

В тот день на помощь Бургреду прибыло войско западных саксов: жена Бургреда была сестрой Альфреда и Этельреда, короля Уэссекса. В тот же день я впервые увидел на флаге уэссекского дракона. На огромном полотнище из тяжелой зеленой материи белый дракон выдыхал огонь; знаменосец мчался галопом к священникам, и дракон летел вслед за ним.

– Настанет и твой черед, – ровным голосом проговорил Рагнар, обращаясь к дракону.

– Когда?

– Это знают только боги. – Рагнар все еще рассматривал знамя. – В этом году надо покончить с Мерсией, а потом мы отправимся в Восточную Англию и в Уэссекс. Захватить все земли и сокровища Англии – каково, Утред? За три года? За четыре? Хотя для этого потребуются еще корабли.

Он имел в виду команды кораблей – датчан с мечами и щитами.

– А почему бы не пойти на север? – спросил я.

– В Далриаду и Пиктландию? – захохотал он. – Там ничего нет, Утред, только голые скалы, голые поля и голые задницы. Там не лучше, чем у нас дома.

Рагнар кивнул на вражеский лагерь.

– А здесь хорошая земля. Богатая и просторная. Здесь можно растить детей. Здесь можно вырасти сильным.

Он умолк, когда из вражеского лагеря выехала группа всадников и устремилась за знаменосцем с драконом. Даже издали было ясно, что это не простые люди: они ехали на великолепных лошадях, под темными красными плащами сверкали кольчуги.

– Король Уэссекса, – догадался Рагнар.

– Этельред?

– Наверное, он. Ну, теперь посмотрим.

– Что посмотрим?

– Из какого теста сделаны эти западные саксы. Мерсийцы не стали атаковать, посмотрим, окажутся ли люди Этельреда лучше. На заре, Утред, – вот когда они должны напасть. Пойти прямо на нас, приставить лестницы к стене, пожертвовать несколькими воинами, зато дать возможность остальным нас перерезать.

Он засмеялся.

– Так поступил бы я, но этот?

Рагнар презрительно плюнул.

Должно быть, Убба и Ивар рассуждали точно так же: они отправили двух человек следить за объединенной армией мерсийцев и англосаксов, чтобы выяснить, мастерят ли враги лестницы. Предполагалось, что ночью два лазутчика обогнут лагерь противника и найдут место, с которого можно будет все хорошо рассмотреть, но их каким-то образом заметили и схватили. Датчан вывели в поле перед городской стеной и заставили опуститься на колени со связанными за спиной руками. За ними стоял высокий англичанин с обнаженным мечом. Я видел, как он ткнул в спину одного из датчан, а когда тот поднял голову, взмахнул мечом. Точно так же умер второй разведчик, оба тела оставили на поживу воронам.

– Свины, – сказал Рагнар.

Ивар с Уббой тоже наблюдали за казнью.

Я редко видел братьев. Убба обычно сидел дома, Ивара же, похожего на тощее привидение, можно было видеть чаще: он обходил стены на заре и в сумерках, разглядывая врагов. Он редко подавал голос, но теперь что-то горячо говорил Рагнару, указывая рукой на зеленые поля за рекой. Ивар вечно насмешничал, но Рагнар не обижался.

– Он злится, – сказал он мне позже. – Ему нужно выяснить, собираются ли нас атаковать, и он хочет, чтобы кто-нибудь из моих людей отправился следить за лагерем, но после того, что случилось... – Он кивнул на два обезглавленных тела в поле. – Может, мне пойти самому?

– Они будут ждать появления новых лазутчиков, – ответил я.

Мне не хотелось, чтобы Рагнар тоже валялся под городской стеной.

– Вождь должен вести за собой людей, – сказал Рагнар. – Нельзя требовать, чтобы другие рисковали жизнью, если сам не готов рискнуть своей.

– Давай я пойду, – предложил я.

Он засмеялся.

– Какой же вождь поручит мужскую работу мальчишке?

– Я англичанин, – проговорил я. – Они не станут подозревать английского мальчишку.

Рагнар улыбнулся.

– Если ты англичанин, откуда нам знать, скажешь ли ты правду, когда вернешься?

Я схватился за молот Тора.

– Я скажу правду, – заверил я. – Клянусь. К тому же я теперь датчанин! Ты сам говорил! Ты говорил, что я датчанин!

Рагнар посерьезнел и опустился на колени, чтобы заглянуть мне в лицо.

– Ты правда датчанин? – спросил он.

– Я – датчанин, – повторил я – и в тот момент не лгал.

Иногда я не сомневался, что я нортумбриец, тайно бродящий тенью среди датчан, но на самом деле был в смятении. Я любил Рагнара как отца, обожал Равна, боролся, играл, состязался с Рориком, когда тот бывал здоров, и все они считали меня своим. Я просто был выходцем из другого племени. Существовало три главных племени северян: датчане, норвежцы и шведы. Рагнар говорил, что есть и другие, например геты, но не мог сказать, чем именно племена северян отличаются от прочих. А вот сейчас он вдруг засомневался во мне.

– Я датчанин, – настаивал я. – И кто сгодится лучше меня? Я же говорю на их языке!

– Ты еще мальчик, – ответил Рагнар, и я подумал, что он откажет мне, но ему начинала нравиться эта затея. – Никто не станет подозревать мальчика, – продолжил он.

Некоторое время Рагнар пристально смотрел на меня, потом поднялся и бросил взгляд на обезглавленные тела. На отрубленных головах сидели вороны.

– Ты уверен, Утред?

– Уверен.

– Пойду спрошу братьев.

Он так и сделал, и, должно быть, Ивар и Убба согласились, потому что мне разрешили пойти.

Когда стемнело, ворота открыли, и я выскользнул в ночь.

«Наконец-то, – подумалось мне, – я стал Движущейся Тенью!»

Но на самом деле задание не требовало сверхъестественных способностей, потому что лагерные костры мерсийцев и англосаксов освещали мне путь.

Рагнар посоветовал обогнуть главный лагерь и выяснить, нет ли способа зайти сзади, но вместо этого я отправился напрямик к ближайшим кострам за поваленными деревьями, служившими англичанам защитной стеной. За этим темным заслоном виднелись тени часовых вокруг лагеря.

Я волновался. Многие месяцы я тешил себя мыслью о скедугенганах и вот стал одним из них, но в темноте рядом с обезглавленными телами мое воображение рисовало в таком же виде меня самого.

Зачем я это делаю? В глубине души я знал, что могу прийти в лагерь, сказать, кто я такой, и попросить защиты у Бургреда или Этельреда, но я говорил Рагнару правду. Я вернусь и расскажу, что видел. Я дал клятву, а клятва – серьезная вещь для мальчишки, особенно подкрепленная угрозой божественной расплаты. Однажды придет время решать, с кем я, но это время пока не наступило, и я полз через темное поле, ощущая себя маленьким и жалким; сердце часто колотилось в груди, душа трепетала от важности задания.

На полпути к вражескому лагерю я вдруг ощутил, как волосы на моем затылке зашевелились. Мне показалось, будто за мной следят; я развернулся, прислушался, присмотрелся, но не увидел ничего, кроме темных теней в ночи. Как заяц, метнулся я в сторону и снова прислушался: на этот раз кто-то точно шагал по траве.

Я ждал, всматривался, но ничего не увидел и пополз дальше, пока не добрался до заграждения. Снова подождал, не услышал сзади ничего – и решил, что мне почудилось.

Я тревожился, а вдруг не смогу перебраться через мерсийский завал, но беспокойство оказалось напрасным: мальчишке раз плюнуть пробраться между ветвями большого поваленного дерева. И я это сделал медленно и беззвучно и побежал в лагерь, где меня почти сразу остановил часовой.

– Ты кто? – зарычал он.

Я увидел, как блестит в свете костра нацеленное прямо на меня копье.

– Осберт, – назвал я свое прежнее имя.

– Ребенок? – присмотревшись, изумился он.

– Ходил пописать.

– Какого черта, почему бы тебе не делать это рядом со своей палаткой?

– Хозяин не велит.

– Кто твой хозяин?

Копье опустилось, часовой разглядывал меня в неровном свете костра.

– Беокка, – сказал я.

То было первое имя, пришедшее мне на ум.

– Священник?

Я удивился и засомневался, но потом кивнул, и это убедило часового.

– Так возвращайся к нему, – велел он.

– Я заблудился.

– И нужно было идти писать рядом с моим постом! – возмутился он, затем махнул рукой. – Тебе туда.

И я открыто пошел через лагерь, мимо костров, мимо небольших шалашей, в которых храпели воины. На меня гавкнула пара собак. Заржали лошади. Где-то звучала флейта и пел мягкий женский голос. Искры летели от догорающих костров.

Часовой указал мне туда, где стояли западные саксы: я догадался, что это именно они, потому что над большой палаткой, освещенной огромным костром, развевалось знамя с драконом. За неимением лучшего я пошел к той палатке. Я высматривал лестницы, но ничего не увидел.

В одном из шалашей плакал ребенок, в другом стонала женщина, несколько человек пели у костра. Один из них увидел меня и окликнул, но, когда понял, что я просто мальчишка, махнул рукой, веля проходить.

Я был уже недалеко от большого костра, который горел перед входом в палатку с драконом. Обогнув ее, я нырнул в темноту за палаткой, подсвеченной изнутри свечами или лампой. Два воина стояли перед входом, изнутри слышались голоса, но никто не заметил, как я скользнул в темень, все еще высматривая лестницы. Рагнар сказал, что их сложат кучей либо в самом центре лагеря, либо с краю, но я ничего не увидел. Зато услышал рыдания.

Скрытый от света костра, я стоял позади большой палатки и, судя по вони, рядом с отхожим местом. Осторожно выглянув, я увидел на открытом месте между кучей дров и палаткой рыдающего коленопреклоненного человека: он молился и время от времени бил себя в грудь кулаками. Я был поражен и даже напуган, но все-таки лег на живот и пополз в темноте, как змея, чтобы рассмотреть все поближе.

Человек стонал, словно от боли, и воздевал руки к небу, а потом тянул вперед, будто молясь земле.

– Пощади меня, Господи, – услышал я его слова, – пощади. Я грешен.

Потом его стошнило, хотя непохоже было, чтобы он был пьян. После того как его вывернуло, он снова застонал. Я успел лишь заметить, что человек этот молод, – и тут полог палатки поднялся и свет свечей залил поляну.

Я замер, одеревенел, как бревно. Человек, который так убивался, действительно оказался молодым, а поднял полог, к моему изумлению, отец Беокка. Во время разговора с часовым я решил, что по случайному совпадению на свете оказалось два священника с таким именем, но то было вовсе не совпадением. Я действительно видел рыжего косоглазого Беокку здесь, в Мерсии.

– Мой господин, – окликнул Беокка.

Он отпустил полог, и молодого человека снова накрыла тень.

– Я грешен, отец, – сказал тот и перестал рыдать. Возможно, ему не хотелось, чтобы Беокка стал свидетелем его слабости, но голос кающегося был полон скорби. – Я ужасный грешник.

– Все мы грешники, господин.

– Ужасный грешник, – повторил молодой человек, не обращая внимания на утешения Беокки. – А ведь я женат!

– Спасение приходит через раскаяние, господин.

– Тогда, видит Господь, я заслуживаю прощения, потому что раскаяние мое до самых небес. – Он поднял голову к звездам. – Плоть, отец, – застонал он, – плоть!

Беокка пошел в мою сторону, потом остановился и развернулся. Он мог бы сейчас дотронуться до меня, но понятия не имел, что я здесь.

– Бог посылает искушения, чтобы нас испытать, – тихо проговорил он.

– Бог посылает женщин, чтобы нас испытать, – хрипло отозвался молодой человек, – а если мы не выдерживаем испытаний, шлет датчан, чтобы покарать нас за грехопадение.

– Пути Его неисповедимы, – ответил Беокка, – в том нет сомнений.

Юноша, все еще стоя на коленях, склонил голову.

– Мне не следовало жениться, святой отец. Мне нужно было посвятить себя служению церкви. Уйти в монастырь.

– Господь обрел бы в вас преданного слугу, мой господин, но Он избрал для вас иную судьбу. Если ваш брат умрет...

– Упаси Господь! Какой из меня король!

– Ниспосланный Богом, мой господин.

«Так это и есть Альфред», – понял я. Тогда я впервые увидел его и услышал его голос, хотя Альфред об этом так никогда и не узнал. Я лежал в траве и слушал, как Беокка советует принцу противиться искушению. Кажется, Альфред соблазнил служанку, и сразу после этого его настигла физическая болезнь и то, что он назвал «душевной мукой».

– Вам следует, – говорил Беокка, – взять эту девушку к себе на службу.

– Нет! – запротестовал Альфред.

В палатке зазвучала арфа, и оба они смолкли, прислушиваясь к музыке, потом Беокка склонился над несчастным принцем и положил руку ему на плечо.

– Возьмите девушку к себе на службу, – повторил Беокка, – и сопротивляйтесь. Пройдите это испытание перед Господом, чтобы Он увидел вашу силу, и Он вознаградит вас. Благодарите Господа за ниспосланное вам искушение, восхвалите за то, что сумели искушение преодолеть.

– Господь покарает меня, – горько произнес Альфред. – Я поклялся, что больше не стану так поступать. Только не после Осферта.

Осферт? Это имя мне ничего не говорило. Только позже я узнал, что Осферт – незаконный сын Альфреда, рожденный очередной служанкой.

– Я молил спасти меня от искушения, – продолжал Альфред, – молил о том, чтобы боль пронзила меня как предупреждение и пересилила желание. Господь в своей милости послал мне боль, но я все равно жажду. Я самый презренный из грешников.

– Все мы грешники, – сказал Беокка, по-прежнему утешающе сжимая плечо Альфреда. – Все мы падшие пред лицом Господа нашего.

– Но никто не пал так низко, как я, – простонал Альфред.

– Бог видит ваше раскаяние и возвысит вас. Молите об искушении, – горячо продолжал Беокка, – молитесь о нем, преодолите его и потом вознесите хвалу Господу. И Бог вас вознаградит, господин, Он вознаградит вас.

– Прогонит датчан? – горько спросил Альфред.

– Прогонит, мой господин, непременно.

– Но этого не случится, если мы будем сидеть и ждать, – вдруг заявил Альфред так жестко, что Беокка отшатнулся. Альфред встал, нависнув над священником. – Мы должны атаковать!

– Бургред знает, что делает, – успокаивающе сказал Беокка, – и ваш брат тоже. Язычники умрут с голоду, мой господин, если будет на то воля Бога.

Я получил ответ на свой вопрос: англичане не собираются нападать, а надеются взять Снотенгахам измором.

Но я не осмелился сразу отправиться с этим ответом в город, потому что Альфред и Беокка были совсем близко. Поэтому я ждал и слушал, как Беокка молится вместе с принцем. Когда же Альфред успокоился, они оба вернулись к палатке и вошли внутрь.

А я отправился обратно. На дорогу ушло много времени, но никто меня не заметил. В ту ночь я был настоящим скедугенганом, брел в темноте, как призрак, крадучись пробирался к городу, пока до него не осталась сотня шагов, а тогда пустился бегом. Я выкрикнул имя Рагнара, ворота со скрипом открылись, и я оказался в Снотенгахаме.

Когда солнце встало, Рагнар отвел меня к Уббе. К моему изумлению, там же оказался и Веланд. Веланд-змея, который хмуро поглядел на меня, хотя и не так хмуро, как угрюмый Убба.

– И что именно ты сделал? – прорычал Убба.

– Лестниц я не видел... – начал я.

– Что ты сделал? – повторил Убба.

И я рассказал все по порядку: как перешел поле, как мне показалось, будто меня преследуют, как я метался, словно заяц, как пролез через завал и говорил с часовым. В этом месте Убба прервал меня и обратился к Веланду.

– Так?

Веланд кивнул:

– Я видел его за поваленными деревьями, господин, слышал, как он с кем-то говорит.

Так это Веланд меня преследовал? Я посмотрел на Рагнара, и тот пожал плечами.

– Мой господин Убба хотел, чтобы пошел второй человек, – пояснил он, – и предложил Веланда.

Веланд улыбнулся мне – такой улыбкой дьявол мог одарить епископа, входящего в ад.

– Я не мог проникнуть за завал, господин, – сказал он Уббе.

– Но ты видел, как мальчик туда проник?

– И слышал, как он говорил с часовым, господин, хотя не знаю о чем.

– Ты видел лестницы? – спросил Убба Веланда.

– Нет, господин, но я всего лишь обошел вокруг ограждения.

Убба уставился на Веланда, отчего тот смутился и перевел хмурый взгляд на меня, тогда смутился и я.

– Итак, ты прошел за ограждение, – продолжал Убба, – и что ты видел?

Я рассказал, как увидел большую палатку, пересказал подслушанный разговор, поведал, как рыдал Альфред, потому что согрешил, как он хотел атаковать город и как священник заявил, что Бог уморит датчан голодом, если на то будет Его воля. Убба поверил мне: мальчишка, решил он, не смог бы придумать историю про девицу и принца.

К тому же мой рассказ показался ему забавным.

«Альфред, – думал я, – богомольный слабак, кающийся грешник, ничтожество».

Даже Убба улыбнулся, когда я описывал рыдающего принца и серьезного священника.

– Значит, лестниц нет? – спросил Убба.

– Я не видел ни одной, господин.

Он обратил ко мне свою страшную бородатую физиономию, затем, к моему изумлению, снял один из браслетов и кинул мне.

– Ты был прав, – сказал Убба Рагнару. – Он датчанин.

– Он хороший парень, – ответил Рагнар.

– Иногда и приبلудная дворняжка приносит пользу, – проговорил Убба, затем сделал знак старику, сидящему на стуле в углу.

Старика звали Сторри; как и Равн, он был скальдом, а еще колдуном. Убба не делал ничего без его совета. И вот этот Сторри молча взял пригоршню белых палочек, каждая длиной в ладонь, вытянул руку низко над полом, пробормотал молитву Одину и разжал пальцы. Палочки с тихим стуком упали, и Сторри нагнулся, вглядываясь в получившийся узор.

То были руны. Многие датчане спрашивали совета у рун, но Сторри особенно славился умением их читать, а Убба был ужасно суеверен и ничего не предпринимал, не убедившись, что боги на его стороне.

– Ну что? – нетерпеливо спросил он.

Сторри ничего не ответил, он вглядывался в палочки, рассматривая буквы и образованный ими узор. Он обошел палочки кругом, все еще пристально их рассматривая, затем медленно кивнул.

– Лучше и быть не может, – сказал он.

– Мальчик сказал правду?

– Мальчик сказал правду, – ответил Сторри, – но руны говорят о сегодняшнем дне, а не о прошедшей ночи, и говорят мне, что все в порядке.

– Прекрасно. – Убба поднялся и снял с гвоздя меч. – Нет лестниц, значит нет атаки, – сказал он Рагнару. – Можно отправляться.

Они опасались, что англосаксы и мерсийцы пойдут на приступ, пока датчане будут за рекой. Южный берег плохо охранялся осаждающими, они лишь выставили там заслон, чтобы не допустить вылазок за провиантом через Трент.

В тот день Убба повел через реку шесть кораблей, и их экипажи атаковали мерсийцев. Руны не солгали: ни один датчанин не погиб, они добыли лошадей, оружие, доспехи и пленников.

Двадцать пленников.

Мерсийцы казнили двух наших воинов, а Убба убил двадцать англичан. Он сделал это на глазах у врагов, чтобы те видели месть. Обезглавленные тела сбросили в канаву под стеной, двадцать голов, насаженных на копья, выставили над северными воротами.

– На войне будь безжалостным, – сказал мне Рагнар.

– Зачем ты послал Веланда за мной следить? – обиженно спросил я.

– Потому что на этом настоял Убба.

– Потому что ты мне не доверяешь?

– Потому что Убба не доверяет никому, кроме Сторри, – ответил он. – А я тебе верю, Утред.

Птицы клевали головы над стеной Снотенгахама до тех пор, пока не остались только черепа с клочками волос, колышавшимися под летним ветерком. Мерсийцы и западные саксы по-прежнему не нападали. Сияло солнце, река катила волны через город, а корабли стояли на берегу.

Равн, несмотря на слепоту, любил выходить на стену. Он задавал вопросы, а я описывал ему все, что видел. «Все по-прежнему, – обычно говорил я, – враги так и сидят за оградой из поваленных деревьев, над дальними холмами висят облачка, парит сокол, трава колышется под ветром, стайками летают стрижи... Все по-прежнему».

– Расскажи мне лучше о рунах, – однажды попросил я.

– Руны! – засмеялся Равн.

– Они помогают?

Он задумался:

– Если умеешь их читать, то да. Я хорошо читал руны, пока у меня были глаза.

– Значит, помогают! – с жаром откликнулся я.

Равн обвел рукой окрестности, которых не видел:

– Тут повсюду есть знаки, посланные богами, Утред. Если ты увидишь эти знаки, ты сумеешь понять, чего хотят боги. Руны тоже передают волю богов, но вот что я заметил...

Равн смолк, и мне пришлось уговаривать его продолжить. Наконец он вздохнул, словно зная, что не следует дальше говорить, но все-таки сказал:

– Знаки лучше читать умному человеку, а Сторри умен. Осмелюсь заметить, что и я не дурак.

Я не совсем понял, что он имеет в виду.

– Значит, Сторри никогда не ошибается?

– Сторри осторожен и не станет рисковать, а Уббе, хоть он того и не осознает, нравится именно это.

– Так руны – знаки богов?

– Ветер – знак бога, так же как и полет птицы, как падающее перо, как выпрыгнувшая из воды рыба, как форма облака, как твяканье лисицы. Все это знаки, но в итоге голоса богов раздаются в одном-единственном месте. – Он постучал меня по голове. – Здесь.

Я так ничего и не понял и в глубине души был разочарован.

– А я могу читать руны?

– Конечно, но будет разумнее подождать, пока ты подрастешь. Сколько тебе лет?

– Одиннадцать, – ответил я, поборов искушение добавить год.

– Наверное, стоит подождать год-другой, прежде чем начать учиться чтению рун. А может, подождешь лет пять, пока войдешь в брачный возраст?

Такое предложение мне не понравилось – тогда я совсем не интересовался браком. Я даже не интересовался девчонками, хотя мое отношение к ним скоро переменялось.

– Может, женишься на Тайре, – продолжал Равн.

– На Тайре!

Я относился к дочке Рагнара как к товарищу по играм, но не как к возможной жене, и эта мысль рассмешила меня.

Равн улыбнулся моему веселью.

– Скажи-ка, Утред, почему мы оставили тебя в живых?

– Не знаю.

– Когда тебя захватил Рагнар, он думал получить выкуп, но потом решил оставить тебя себе. Мне это показалось глупым, но он был прав.

– Я рад, что он так поступил, – сказал я. Так оно и было.

– Нам нужны англичане, – продолжал Равн. – Нас мало, а англичан много, и, хотя мы захватываем их земли, удержать захваченное можно только с помощью англичан. Нельзя вечно жить в осажденном доме. Нам нужен мир, чтобы растить хлеб и пасти скот, и нам нужен ты. Когда люди увидят, что ярл Утред на нашей стороне, они не станут с нами сражаться. Ты должен жениться на датской девушке, чтобы ваши дети были наполовину англичанами и наполовину датчанами, тогда для твоих детей не будет разницы между теми и другими.

Равн помолчал, размышляя о столь далеком будущем, потом хмыкнул.

– Только постарайся, чтобы они не стали христианами, Утред.

– Они будут поклоняться Одину, – заверил я, снова совершенно искренне.

– Христианство – жалкая религия, – сердито заявил Равн, – бабская вера. Она не делает мужчину сильнее, а превращает его в червя. Я слышу, птицы летят?

– Два ворона, – сообщил я, – летят на север.

– Вот верный знак! – воскликнул он. – Хугин и Мунин летят к Одину!

Хугин и Муни́н были двумя воронами, сидящими на плечах бога и шепчущими ему на ухо. Они делали для Одина то, что я делал для Равна: наблюдали и рассказывали об увиденном. Бог отправлял их летать по всему миру и собирать новости... И в тот вечер вороны сообщили Одину, что дым лагерных костров мерсийцев поредел: этой ночью заглохло меньше костров. Люди разбежались.

– Время сбора урожая, – презрительно заметил Равн.

– А это важно?

– Они называют свою армию фирдом⁶, – пояснил старик, на миг забыв, что я англичанин. – Каждый человек, способный держать оружие, обязан сражаться в фирде, но когда поспеет урожай, перед ними встает угроза голодной зимы, поэтому они отправляются по домам жать рожь и овес.

– Которые мы потом забираем?

Он засмеялся.

– А ты учишься, Утред.

Однако мерсийцы и саксы все-таки надеялись уморить нас голодом. Хотя их армия редела с каждым днем, они не сдавались – до тех пор, пока Ивар не нагрузил телегу едой: сырами, копченой рыбой, свежеспеченным хлебом, соленым мясом. На телегу поставили еще бочонок эля, и на заре дюжина человек оттащили ее к лагерю англичан. Датчане остановились на расстоянии полета стрелы и крикнули часовым, что это подарок королю Бургреду от Ивара Бескостного.

На следующий же день в город прискакал мерсийский всадник с зеленой пышной веткой – знаком перемирия. Англичане хотели начать переговоры.

– Значит, мы победили, – сказал мне Равн.

– Правда?

– Когда армия хочет переговоров, значит она не хочет битвы. Поэтому мы победили.

И он оказался прав.

Глава третья

На следующий день мы установили палатку в долине между городом и английским лагерем, натянув меж деревянными столбами два паруса и закрепив их сыромятными ремнями. Англичане притащили в палатку три стула с высокими спинками и накрыли их дорогой алой материей – то были места для короля Бургреда, короля Этельреда и принца Альфреда. Ивар с Уббой сидели на скамеечках для дойки.

Обе стороны привели с собой человек по тридцать-сорок, и начались переговоры. Начались они с соглашения, что все оружие будет сложено в кучу в двадцати шагах от палатки. Я помогал таскать в условленное место мечи, топоры, щиты и копья, а потом вернулся и стал слушать.

Беокка тоже пришел и, заметив меня, улыбнулся, а я улыбнулся в ответ. Капеллан стоял позади молодого человека, в котором я узнал Альфреда, хотя предыдущей ночью почти его не видел, а только слышал. Альфред единственный из английских вождей не носил на голове золотого обруча, хотя на плаще его красовалась большая, украшенная камнями застежка, на которую плотоядно поглядывал Ивар. Когда Альфред занимал свое место, я успел хорошо рассмотреть принца. Он был тощим, долговязым, подвижным, с бледным вытянутым лицом, длинным носом. Короткая борода, запавшие щеки, поджатые губы, волосы неопределенного цвета, ближе к русым, беспокойный взгляд, изогнутые брови, маленькие руки и хмурый вид. Как я узнал потом, ему было всего девятнадцать, но выглядел он лет на десять старше. Его

⁶ Фирд – военное ополчение, нерегулярная армия.

брату, королю Этельреду, перевалило за тридцать, и у него было такое же вытянутое лицо, но более полное и очень взволнованное. Король Мерсии Бургред оказался тучным человеком с густой бородой, торчащим брюхом и лысой башкой.

Альфред что-то сказал Беокке, и тот, достав пергамент и перо, передал их принцу, а сам встал рядом с небольшим пузырьком с чернилами, чтобы Альфреду было удобно макать перо и писать.

– Что он делает? – спросил Ивар.

– Записывает наш разговор, – ответил переводчик-англичанин.

– Записывает?

– Ну да, ведет запись.

– Он потерял память? – спросил Ивар.

Убба же тем временем достал небольшой ножичек и принялся чистить ногти. Рагнар сделал вид, будто пишет на руке, что позабавило датчан.

– Вы – Ивар и Убба? – спросил Альфред через своего переводчика.

– Да, это мы, – ответил наш переводчик.

Альфред заскрипел пером: короли, его брат и зять, похоже, охотно переложили на плечи принца обязанность задавать вопросы датчанам.

– Вы сыновья Лотброка? – продолжал Альфред.

– Именно, – последовал ответ.

– И у вас есть еще брат? Хальфдан?

– Скажи ублюдку, пусть засунет себе в задницу эту писанину, – прорычал Ивар. – А если сунет туда же перо и залет чернила, сможет гадить черными перьями.

– Мой господин говорит, что мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать его семью, – благоразумно проговорил переводчик, – а чтобы решить вашу судьбу.

– И вашу тоже. – Бургред в первый раз открыл рот.

– Нашу? – ухмыльнулся Ивар, и король Мерсии задрожал под его мертвящим взглядом. – Наша судьба – это залить поля Мерсии вашей кровью, удобрить ее земли вашей плотью, замостить ее вашими костями и избавить ее от вас.

Беседа еще долго велась в том же духе: обе стороны угрожали и спорили, но ведь именно англичане предложили переговоры, именно они хотели мира, и постепенно они перешли к уступкам. На переговоры ушло еще два дня, и большинство слушателей, которым уже все наскучило, валялись на травке под солнцем. Обе стороны ели прямо здесь, и во время одной из таких трапез Беокка опасливо перешел на датскую сторону палатки и осторожно поздоровался со мной.

– Ты растешь, Утред, – сказал он.

– Рад видеть тебя, отец, – почтительно ответил я.

Рагнар все видел, но на его лице не отразилось беспокойства.

– Ты до сих пор пленник? – спросил Беокка.

– Да, – соврал я.

Он поглядел на мои серебряные браслеты: слишком большие для меня, они позвякивали на запястье.

– Не простой пленник, – буркнул капеллан.

– Они знают, что я олдермен, – сказал я.

– Так и есть, видит Бог, хотя твой дядя и отрицает это.

– Я ничего о нем не слышал. – На сей раз я сказал чистую правду.

Беокка пожал плечами.

– Он сидит в Беббанбурге. Женился на вдове твоего отца, и сейчас она беременна.

– Гита! – изумился я. – Беременна?

– Они хотят сына, и если родится мальчик...

Беокка не договорил, все и так было ясно. Я был олдерменом и, хотя Эльфрик занял мое место, все равно оставался его наследником... Если только у него не родится сын.

– Ребенок должен появиться со дня на день, но ты не волнуйся, – проговорил Беокка и, с улыбкой наклонившись ко мне, перешел на заговорщический шепот: – Я привез пергаменты.

Я непонимающе взглянул на капеллана.

– Какие пергаменты?

– Завещание твоего отца! Хартии на землю! – Беокку поразило, что я не сразу понял, о чем речь. – У меня есть доказательства, что ты – олдермен!

– Я и есть олдермен, – заявил я так, словно доказательства ничего не значили. – И всегда им буду.

– Нет, если Эльфрик и дальше будет действовать в том же духе. А если у него родится сын, тот станет наследником.

– Дети Гиты всегда умирали, – возразил я.

– Молись, чтобы и этот ребенок умер! – сердито проговорил Беокка. – Но ты еще олдермен. Я обязан выполнить волю твоего отца, упокой, Господи, его душу.

– Значит, ты ушел от дяди?

– Да, ушел! – с жаром ответил он, явно гордясь тем, что оставил Беббанбург. – Я – англичанин, – продолжал капеллан, его косые глаза сверкали на солнце, – поэтому отправился на юг, Утред, в поисках англичан, готовых драться с язычниками; англичан, способных выполнить волю Бога. И я нашел их в Уэссексе. Они хорошие люди, божьи люди, железные люди!

– А Эльфрик не стал сражаться с датчанами? – спросил я.

Я знал, что он не станет, но хотел услышать подтверждение.

– Твой дядя не хочет неприятностей, – пояснил Беокка, – и вот язычники процветают в Нортумбрии, а свет веры в Господа нашего Христа меркнет с каждым днем.

Он молитвенно сложил руки, парализованная левая подергивалась, прижатая к испачканной чернилами правой.

– И не только Эльфрик смирился. Риксиг из Дунхолма задает датчанам пиры, Эгберт сидит на их троне – должно быть, небеса рыдают при виде такого предательства. Этому надо положить конец, Утред! И вот я поехал в Уэссекс, потому что тамошний король – богобоязненный человек и знает, что только с помощью Господа мы сумеем разбить датчан. Я выясню, не захотят ли в Уэссексе заплатить за тебя выкуп.

Последняя фраза застала меня врасплох: вместо того чтобы обрадоваться, я изумился. Беокка нахмурился.

– Ты не слушал меня?

– Ты хочешь, чтобы меня выкупили?

– Конечно! Ты же благородной крови, Утред, тебя нужно спасти! А Альфред умеет в таких случаях быть щедрым.

– Хорошо бы, – ответил я, понимая, что от меня ждут именно таких слов.

– Тебе следует познакомиться с Альфредом, – с воодушевлением продолжал Беокка. – Он тебе понравится.

Я не имел желания знакомиться с Альфредом после того, как слышал его причитания по поводу соблазненной служанки. Но Беокка настаивал, поэтому я отправился к Рагнару и спросил его разрешения.

Рагнар удивился.

– Зачем косоглазому знакомить тебя с Альфредом? – спросил он, глядя на Беокку.

– Он хочет, чтобы меня выкупили. Думает, что Альфред за меня заплатит.

– Даст хорошие деньги! – Рагнар захохотал. – Иди, иди, – беззаботно бросил он, – всегда полезно посмотреть на врага вблизи.

Беока успел кое-что рассказать об Альфреде и его брате, пока мы с капелланом шли к царственной компании.

– Альфред – главный советник своего брата, – пояснил он. – Король Этельред – хороший человек, только слабонервный. У него, разумеется, есть сыновья, но оба слишком малы...

– Значит, когда Этельред умрет, – спросил я, – королем станет его старший сын?

– Нет, нет! – Беока был явно шокирован. – Этельвольд слишком юн, не старше тебя!

– Но он же сын короля, – настаивал я.

– Когда Альфред был маленьким, – Беока наклонился ко мне и понизил голос, впрочем не скрывая своего восторга, – отец взял его с собой в Рим. Посмотреть на папу! И папа, Утред, приветствовал его как будущего короля!

Священник посмотрел на меня так, словно только что привел неопровержимое доказательство.

– Но он же не наследник, – сказал я, ничего не понимая.

– Папа сделал его наследником! – прошипел Беока.

Гораздо позже я познакомился со священником, бывшим прежде в свите старого короля, и тот сказал, что никто не провозглашал Альфреда королем, что он просто удостоился каких-то ничего не значащих римских почестей. Но сам Альфред до последнего дня твердил, что папа пожаловал ему право наследования – так он оправдывал незаконный захват трона, принадлежавшего по праву старшему сыну Этельреда.

– Но когда Этельвольд вырастет... – начал я.

– Тогда он, конечно, сможет стать королем, – нетерпеливо перебил Беока, – но если его отец умрет раньше, чем Этельвольд войдет в зрелый возраст, королем станет Альфред.

– Тогда Альфреду придется убить Этельвольда, – заметил я, – и его брата тоже.

Беока посмотрел на меня в неприятном изумлении.

– Почему ты так говоришь?

– Ему придется их убить. Ведь мой дядя хочет убить меня.

– Он и вправду хотел тебя убить. Возможно, все еще хочет! – Беока перекрестился. – Но Альфред – не Эльфрик. Нет, нет! Альфред будет относиться к племяннику с христианским милосердием, без сомнения, и это еще одна причина, по которой именно он должен стать королем. Он добрый христианин, Утред, я молюсь, чтобы ты вырос таким же. По воле Божьей Альфред будет королем. И папа это подтвердил! Мы должны повиноваться воле Господа, лишь тогда можно надеяться разбить датчан.

– Только повинуюсь? – переспросил я. Мне казалось, для победы нужны мечи.

– Только повинуюсь, – твердо повторил Беока, – и веруя. Бог дарует нам победу, если мы всем сердцем будем веровать, если станем лучше, если будем Его восхвалять. И Альфред будет поступать именно так! Если он нас возглавит, само небесное воинство придет нам на помощь. Этельвольду такое не под силу, он ленивый, нахальный, докучливый ребенок.

Беока схватил меня за руку и протащил через толпу свитских знатных саксов и мерсийцев.

– Не забудь преклонить перед ним колени, он ведь принц.

Он подвел меня к месту, где сидел Альфред, и я послушно встал на колени, как велел Беока.

– Вот мальчик, о котором я говорил, господин, – сказал священник, – олдермен Утред из Нортумбрии. Он попал в плен к датчанам при падении Эофервика, но он хороший мальчик.

Альфред пристально посмотрел на меня, и, сказать по правде, мне стало не по себе. Со временем я обнаружил, что он умный человек, очень умный, и соображает вдвое быстрее большинства людей. А еще он был очень-очень серьезным и понимал все на свете, кроме шуток. Альфред *все* воспринимал всерьез, даже мальчишку, и изучал меня долго и пристально, словно стараясь проникнуть в глубины моей души.

- Ты хороший мальчик? – наконец спросил он.
- Я стараюсь им быть, мой господин, – ответил я.
- Смотри на меня! – приказал он, потому что я опустил глаза.

Когда я посмотрел на него, Альфред улыбнулся. На его лице не было и тени болезни, на которую он жаловался ночью, и я подумал, что он наболтал тогда спяну – это объясняло бы его жалкие слова. Сейчас он был сама серьезность.

- И как ты стараешься быть хорошим? – спросил он.

– Я стараюсь противиться искушению, господин, – ответил я, вспомнив слова Беокки, сказанные принцу за палаткой.

- Это хорошо, – отозвался он, – очень хорошо. И ты противишься ему?

– Не всегда, – сказал я, немного поколебался, ощущая искушение пошалить, а потом, как обычно, поддался этому искушению. – Но я стараюсь, господин, – продолжал я серьезно, – и повторяю себе, что должен благодарить Господа за посланное мне искушение. А когда Господь дает мне силы противиться, восхваляю его.

Беокка с Альфредом устали на меня так, словно у меня за спиной выросли ангельские крылья. Я всего лишь повторял чушь, которую Беокка втолковывал в темноте принцу, а они решили, что это доказательство моей святости. Я постарался принять смиренный и невинный вид.

– Ты – знамение, посланное мне Господом, – с жаром произнес Альфред. – Ты возносишь молитвы?

- Каждый день, господин. – Я не стал уточнять, что молитвы эти адресованы Одину.

– А что это у тебя на шее? Распятие? – Он указал на кожаный ремешок, а когда я не ответил, подался вперед и вытянул молот Тора, спрятанный у меня под рубашкой. – Бог мой! – воскликнул он и перекрестился. – И еще ты носишь это, – добавил он, кивая на браслеты, покрытые рунами. Должно быть, я выглядел настоящим язычником.

– Меня заставляют это носить, господин, – сказал я, угадав, что он хочет сорвать с моей шеи языческий символ. – И бьют, если я не подчиняюсь, – поспешно добавил я.

- Они часто тебя бьют? – спросил он.

- Все время, господин, – солгал я.

Он скорбно покачал головой, затем выпустил молот.

- Мерзкий символ. Должно быть, тяжелый груз для маленького мальчика.

- Я питаю надежду, господин, что мы сумеем выкупить его, – вмешался Беокка.

- Мы? – переспросил Альфред. – Выкупить?

– Он законный олдермен Беббанбургский, – пояснил Беокка, – хотя дядя его присвоил этот титул. Но его дядя не станет драться с датчанами.

Альфред поглядел на меня в раздумье и нахмурился.

- Ты умеешь читать, Утред?

– Он начинал учиться, – ответил за меня Беокка. – Я учил его, господин, хотя, честно говоря, он был нерадивым учеником. Боюсь, он плохо ладил с буквами. Его тернии⁷ были слишком колючи, а лигатуры⁸ слишком извилисты.

Я говорил, что Альфред не понимал шуток, но эту он любил, хоть она по крепости напоминала разбавленное молоко, а по свежести – засохший сыр. Эту шутку любили все, кто знал грамоту, и Беокка с Альфредом хохотали, словно только что сами ее придумали. Тернии и лигатуры были буквами нашего алфавита.

– Его тернии были слишком колючи, – повторял Альфред, заливаясь смехом, – а лигатуры слишком извилисты. Его «бэ» не бубнили, а его «ка»...

⁷ Тернии – знак д.

⁸ Лигатура – написание двух (реже – нескольких) букв одним знаком.

Тут он замолчал, вдруг смутившись. Он хотел сказать, что мои «ка» косили, но вспомнил о Беокке и сконфуженно посмотрел на него.

– Мой дорогой Беокка...

– Никаких обид, мой господин!

Беокка был счастлив; таким счастливым он бывал, погружаясь в какой-нибудь занудный текст о святом Катберте, крестившем буревестников или читавшем молитвы перед морскими котиками. Священник пытался и меня заставить читать эту чушь, но я никогда не заходил дальше самых коротких слов.

– Тебе повезло, что ты так рано начал учиться, – обратился ко мне Альфред, снова становясь серьезным. – Сам я начал читать только в двенадцать лет!

Судя по его тону, меня должно было поразить это сообщение, и я послушно изобразил изумление.

– То была большая ошибка моего отца и мачехи, – продолжал Альфред сурово, – они должны были начать учить меня гораздо раньше.

– Зато сейчас вы читаете как настоящий ученый, мой господин, – сказал Беокка.

– Я стараюсь, – ответил Альфред скромно, но ему явно польстили слова священника.

– И по-латыни тоже! – продолжал Беокка. – Утред, его латынь гораздо лучше моей!

– Полагаю, так и есть. – Альфред улыбнулся ему.

– И у него такой красивый почерк, – продолжал Беокка. – Такой разборчивый, аккуратный почерк!

– И ты тоже должен стараться, юный Утред, – твердо проговорил Альфред. – Мы и впрямь предложим за тебя выкуп, с Божьей помощью. Ты послужишь моему дому и перво-наперво должен будешь научиться как следует читать и писать. Тебе это понравится!

– Да, мой господин, – ответил я. Я попытался говорить с вопросительной интонацией, но мой ответ прозвучал как простое согласие.

– Ты научишься читать, – пообещал мне Альфред, – научишься молиться, научишься быть добрым христианином, а когда подрастешь, решишь, кем хочешь стать.

– Я хочу служить вам, – солгал я, думая, что он просто бледнолицый, занудный, помешанный на религии слабак.

– Это похвально. И кем же ты намерен мне служить?

– Воином, господин, чтобы драться с датчанами.

– Если так будет угодно Господу, – отозвался он, явно разочарованный моим ответом. – Видит Господь, нам нужны воины, хотя я изо дня в день молю, чтобы датчане познали Христа, узрели свои грехи и покончили со своими злодеяниями. Молитва будет услышана, – истово продолжал он, – молитва, пост и послушание! И если Бог ответит на наши молитвы, Утред, нам не понадобятся воины. Зато королевству всегда нужны хорошие священники. Я сам хотел избрать эту стезю, но Господь судил иначе. Нет высшего призвания, чем служение Богу. Я могу быть принцем, но в глазах Господа остаюсь червем, тогда как Беокка – бесценный алмаз!

– Да, господин, – отозвался я, не зная, что тут еще сказать.

Беокка старался принять скромный вид.

Альфред наклонился, сунул молот Тора мне под рубашу и положил руку мне на голову.

– Благословит тебя Господь, дитя, – сказал он, – пусть лик Его сияет тебе, освободит тебя от невзгод и вернет благословенную свободу.

– Аминь, – заключил я.

Они отпустили меня, и я вернулся к Рагнару.

– Ударь меня, – попросил я.

– Что?

– Дай мне по голове.

Он поднял глаза, увидел все еще наблюдающего за мной Альфреда – и ударил сильнее, чем я ожидал. Я упал, улыбаясь.

– И зачем мне было это делать? – поинтересовался Рагнар.

– Я сказал им, ты со мной жестоко обращаешься, – пояснил я, – все время лупишь.

Я знал, что Рагнара это позабавит, так и вышло. Он дал мне еще тумака, на всякий случай.

– И чего эти болваны хотели? – спросил он.

– Они хотят выкупить меня, научить читать и писать, а потом сделать из меня священника.

– Священника? Как тот косоглазый доходяга с рыжими волосами?

– Именно.

Рагнар засмеялся.

– Может, я и соглашусь. Это будет для тебя наказанием за то, что про меня наврал!

– Пожалуйста, не надо, – взмолился я, гадая, как я вообще когда-то мог мечтать вернуться к англичанам.

Променять свободу Рагнара на суровое благочестие Альфреда – какой ужасный удел! К тому же я привык презирать англичан. Они не сражались, они молились, вместо того чтобы точить мечи, – неудивительно, что датчане захватывали их земли.

Альфред предложил за меня выкуп, но Рагнар запросил неслыханно высокую цену, хотя и не такую высокую, какую назначили Бургреду Убба и Ивар.

Мерсия была повержена. У Бургреда, несмотря на его огромное брюхо, кишка была тонка драться с датчанами, которые становились все сильнее по мере того, как его силы таяли. Может, его ввели в заблуждение щиты на стенах Снотенгахамы, но он, похоже, решил, что не сможет противостоять датчанам, и сдался. Хотя не только наши силы в Снотенгахаме убедили его так поступить. Новые отряды датчан пересекли границы Нортумбрии, опустошая мерсийские земли, сжигая церкви, убивая монахов и монахинь, и сейчас конные отряды кружили вокруг армии Бургреда и регулярно нападали на его фуражиров.

И вот Бургред, устав от постоянной борьбы, обреченно согласился на все унижительные требования, а взамен ему позволили остаться королем Мерсии, но и только. Датчане оставили свои гарнизоны в его крепостях, они были вольны захватить любые мерсийские земли, войско Бургреда было обязано по первому требованию воевать на стороне датчан, а сам Бургред обязался заплатить немалую сумму серебром за привилегию сохранить трон, потеряв при этом королевство.

Увидев, что их мнения никто не спрашивает, Этельред с Альфредом через день уехали на юг с остатками своей армии, а сам союз лопнул, как бычий пузырь. Так пала Мерсия.

Сначала Нортумбрия, затем Мерсия. Всего за два года половина Англии перестала существовать, а датчане еще только начали завоевание.

* * *

Мы снова опустошали земли. Отряды датчан разъезжали по всей Мерсии, убивая всех, кто сопротивлялся, забирая то, что нравилось, оставляя гарнизоны во всех крупных крепостях и отправляя на родину гонцов за новыми кораблями. Больше кораблей, больше людей, больше семей и больше датчан, чтобы заселить огромные земли, павшие к их ногам.

Я начал думать, что мне никогда не придется сражаться за Англию, потому что, пока я вырасту, от нее ничего не останется. Поэтому я решил стать датчанином. Разумеется, это меня смущало, но я недолго об этом размышлял.

Когда мне исполнилось двенадцать, я начал учиться по-настоящему. Меня часами заставляли стоять с мечом и выставленным перед собой щитом, пока не начинали болеть руки; меня учили разным ударам, заставляли упражняться в метании копья и практиковаться убивать на

свиньях. Я научился закрываться щитом, ронять его, чтобы отразить удар снизу, ударять тяжелым умбоном щита в лицо противнику, разбивая ему нос и заставляя заливаться слезами. Я научился работать веслом. Я рос, становился крепче, у меня начал ломаться голос, и я впервые получил пощечину от девушки. Я выглядел как датчанин. Посторонние по-прежнему принимали меня за сына Рагнара, потому что у меня были такие же светлые волосы, длинные, завязанные на затылке в хвост, и Рагнар радовался этим ошибкам, хотя давал понять, что я не заменю ему Рагнара-младшего или Рорика.

– Если Рорик выживет, – горько говорил он, потому что Рорик до сих пор болел, – тебе придется сражаться за свое наследство.

Поэтому я усердно учился сражаться, а в ту зиму – и убивать.

Мы вернулись в Нортумбрию. Рагнару там нравилось, хотя он мог заполучить куда лучшие земли в Мерсии. Ему нравились северные холмы, глубокие долины и темные густые леса. В эти леса, когда по утрам начали похрустывать первые заморозки, он повел меня на охоту. Человек двадцать и вдвое больше собак рыскали по лесу, пытаясь напасть на след кабана. Я остался с Рагнармом, мы оба были вооружены тяжелыми копьями.

– Кабан может тебя убить, Утред, – предупредил Рагнар, – может распороть тебя от живота до шеи, если ты неправильно ударишь копьем.

Копье, как я знал, должно попасть точно в грудь или, если повезет, в горло. Я знал, что не смогу убить кабана, но если он вдруг появится, мне придется попытаться. Крупный секач бывает вдвое тяжелее взрослого мужчины, у меня не хватило бы сил завалить такого зверя, но Рагнар хотел, чтобы я нанес хотя бы первый удар. Сам же он будет сзади и в случае опасности придет на помощь.

И вот это случилось. С тех пор я убил не одну сотню кабанов, но первого помню до сих пор: маленькие глазки, воплощенная ярость и целеустремленность, вонь, торчащая грязная щетина и глухой удар копья, входящего глубоко в грудь, – меня отшвырнуло назад, словно меня пнул восьминогий конь Одина, и тогда Рагнар тоже ударил копьем, пробив толстую шкуру. Зверь заверещал, принялся рыть копытом, охотничьи собаки завывали, а я поднялся на ноги, изо всех сил навалился на копье, стиснув зубы, – и ощутил, как жизнь кабана изошла из него по ясеновому древку.

Рагнар отдал мне клык того кабана, и я носил его на шее вместе с молотом Тора. После этого много дней я не мечтал ни о чем другом, кроме охоты, хотя мне запретили охотиться на кабана, если Рагнара не было рядом. Зато мы с Рориком, когда он чувствовал себя хорошо, ходили с луками на оленей.

В один из таких походов на холме у кромки леса рядом с болотом, на котором таял снег, меня едва не подстрелили. Мы с Рориком пробирались через подлесок, и стрела, просвистев в дюйме от меня, ударила в ближайший ясень. Я развернулся, вскинув лук, но никого не увидел. А потом мы услышали, как кто-то бежит вниз по холму меж деревьев, и помчались следом, но тот, кто стрелял, оказался быстрее нас.

– Случайность, – сказал Рагнар, когда мы рассказали ему о происшедшем. – Кто-то заметил движение, решил, что это олень, и выстрелил. Такое бывает.

Рагнар осмотрел стрелу, которую мы принесли, но на ней не было никаких опознавательных знаков. Обычная стрела: древко из граба, гусиные перья и железный наконечник.

– Случайность, – повторил Рагнар.

Зимой мы вернулись в Эофервик и несколько дней чинили суда. Я научился раскалывать дубовые бревна с помощью клина и киянки, отделяя длинные полосы светлого дерева, которыми заменяли прогнившие доски. Весной пришло еще больше кораблей, появилось еще больше мужчин, и с ними – Хальфдан, младший брат Ивара и Уббы. Он высадился на берег, кипя энергией, высокий человек с большой бородой и сердитыми глазами. Обнял Рагнара, хлопнул меня по плечу, дал щелчка Рорику, пообещал перебить всех христиан в Англии и

отправился к братьям. Они втроем задумывали новый поход, чтобы очистить от сокровищ Восточную Англию, и, когда потеплело, мы были готовы.

Половине армии предстояло двигаться по суше, другой же половине, в которую входили и люди Рагнара, – морем. Я с нетерпением ждал настоящего похода. Незадолго до выступления к Рагнару явился Кьяртан, а с ним – его сын Свен: вместо выбитого глаза на злобном лице зияла багровая дыра. Кьяртан опустился перед Рагнаром на колени и склонил голову.

– Я хочу отправиться с тобой, господин, – сказал он.

Кьяртан сделал ошибку, взяв с собой Свена, потому что Рагнар, обычно великодушный, посмотрел на мальчишку с отвращением. Я назвал его мальчишкой, но на самом деле Свен был уже почти мужчиной и обещал стать очень крупным, широким в груди, высоким и могучим.

– Может, ты и мог бы пойти со мной, – ответил Рагнар бесстрастно.

– Прошу тебя, господин, – произнес Кьяртан.

Ему с трудом дались эти слова, потому что Кьяртан был гордецом, но в Эофервике не обрел богатства, не заслужил ни одного браслета, ничем не прославился.

– Но на моих судах нет места, – холодно произнес Рагнар и отвернулся.

Я заметил полный ненависти взгляд Кьяртана.

– Почему он не может пойти с кем-нибудь другим? – спросил я Равна.

– Потому что все знают, что он оскорбил Рагнара, и посадить его на весла – значит навлечь на себя гнев моего сына. – Равн передернул плечами. – Кьяртану лучше вернуться в Данию. Когда человек теряет доверие господина, он теряет все.

Но Кьяртан со своим одноглазым сыном, вместо того чтобы вернуться на родину, остались в Эофервике, а мы отправились в поход. Сначала шли по течению реки Уз, потом по Хамберу и наконец остановились на ночь. На следующее утро мы сняли с бортов щиты, подождали, пока прилив поднимет суда, и принялись грести на восток, к большому морю.

Я выходил в море в Беббанбурге, ходил с рыбаками ставить сети у Фарнских островов, но это было совсем другое дело. «Летучий змей» качался на волнах, как птица, вместо того чтобы разгребать их, как пловец. Мы вышли из реки и воспользовались северо-западным ветром, чтобы поднять большой парус. Весла вытянули из уключин, которые потом закрыли деревянными заслонками, парус забился, захлопал, поймал ветер – и повлек нас на юг.

Всего по воде двигалось восемьдесят девять кораблей – флотилия убийц с драконьими головами. Экипажи соревновались друг с другом в скорости и кричали обидные слова отставшим.

Рагнар привалился к рулевому веслу, его волосы развевались по ветру, на лице играла улыбка, широкая, как океан. Кожаные ремни скрипели, корабль иногда словно выпрыгивал из воды и неся по гребню волн, оставляя за собой веера брызг. Сначала мне было страшновато, потому что «Летучий змей» кренился под ветром, почти заваливаясь на подветренный борт, но на лицах остальных я не видел страха, поэтому тоже научился радоваться этой дикой гонке и вопил от восторга, когда нос ударялся о волны, а колючие струи зеленой воды обрушивались на палубу.

– Как я это люблю! – крикнул мне Рагнар. – Надеюсь, в Валгалле для меня найдутся корабль, море и ветер!

Берег был еле виден; низкая зеленая полоса справа по борту иногда прерывалась дюнами, но ни разу – холмами или лесом. Когда солнце село, мы повернули к берегу, и Рагнар приказал свернуть парус и вытащить из уключин весла.

Мы явились в многоводные земли, в страну болот и камыша, птичьих криков и длинноногих цапель, угревых садков и канав, мелких каналов и вытянутых озер... И я вспомнил, что отец называл жителей Восточной Англии лягушками. Мы находились на краю их владений, там, где заканчивалась Мерсия и начиналась Восточная Англия, представлявшая собой мешанину воды, грязи и отмелей.

– Это место называют Гевэском, – сказал Рагнар.

– Ты здесь бывал?

– Два года назад. Отличная земля для набега, Утред, но вода предательская. Слишком мелко.

Гевэск действительно был очень мелок, и Веланд с борта «Летучего змея» стал измерять глубину, спуская кусок железа на веревке за борт. Весла опускались, только когда Веланд говорил, что глубины достаточно, и так мы ползли в свете заходящего солнца на запад, а за нами следовали остальные корабли. Тени удлинились, красное солнце освещало разинутые пасти драконов и змей и орлиные головы на носках кораблей. Весла опускались так медленно, что успевали высохнуть в промежутке между двумя гребками. Мы долго двигались по зыбким водам, багровым от света умирающего солнца, а ночью бросили якорь и переночевали на борту.

На заре Рагнар велел нам с Рориком залезть на мачту. Рядом с нами стоял корабль Уббы, его люди тоже карабкались к раскрашенному флюгеру на верхушке мачты.

– Что видно? – крикнул нам Рагнар.

– Три всадника смотрят на нас, – ответил Рорик, указывая на юг.

– И еще видна деревня, – добавил я, махнув в ту же сторону.

Для людей на берегу мы были воплощением самых темных кошмаров. Они видели только густой лес мачт и резные головы чудовищ на носках наших кораблей. Мы были армией, явившейся на кораблях-драконах, и жители знали, что их ждет. Я увидел, как три всадника развернули коней и галопом помчались на юг.

Мы двинулись дальше. Теперь впереди по извилистой протоке шел корабль Уббы; я видел на его носу колдуна Сторри и знал, что тот бросает руны и предсказывает судьбу.

– Сегодня, – хищно сказал Рагнар, – ты узнаешь, что значит быть викингом.

Быть викингом означало быть захватчиком. Сам Рагнар уже много лет не совершал морских набегов, сделавшись завоевателем-поселенцем, но сейчас Убба привел флот грабить побрежье, чтобы отвлечь армию Восточной Англии, пока его брат Ивар ведет из Мерсии свое войско.

Итак, в начале лета я узнал, что такое быть викингом.

Мы вытащили корабли на сушу в том месте, где Убба нашел полоску земли с тонким перешейком, который было легко оборонять, а когда суда очутились в безопасном месте на берегу, на перешейке соорудили вал. Затем большой отряд ушел на разведку и вернулся утром с захваченными лошадьми. Верхом на этих лошадях вглубь земли отправились новые отряды, а Рагнар повел своих людей пешком вдоль заросшего берега.

Мы дошли до деревни – я так и не узнал, как она называлась, – и сожгли ее до основания. Там никого не было. Мы сожгли загоны, церковь и пошли дальше по дороге, ведущей прочь от берега. Уже в сумерках мы увидели большую деревню и спрятались в лесу, не разводя костров, а на заре атаковали.

Помню, как мы с воплями выскочили из утреннего полумрака: призрачный кошмар – люди в коже и железных шлемах, с круглыми раскрашенными щитами, с топорами, мечами и копьями. У здешнего люда не было ни оружия, ни доспехов, возможно, они даже не знали, что на их землю пришли датчане, и явно не ждали нас. Все они погибли. Несколько храбрецов попытались защитить церковь, но Рагнар повел на них свой отряд, и они погибли на месте.

Рагнар пинком отворил двери церкви, небольшой постройки, набитой женщинами и детьми. Священник, стоя у алтаря, проклинал Рагнара на латыни, пока датчане пробирались по узкому проходу. Он все еще сыпал проклятиями, когда Рагнар вспорол ему брюхо.

В церкви мы нашли медное распятие, серебряную тарелку с зазубренными краями и несколько монет, а в домах – дюжину хороших котелков, ножницы, серпы и вертелы. Еще мы захватили коров, коз, овец, волов, восемь лошадей и шестнадцать молодых женщин. Одна

женщина кричала, что никуда не пойдет без своего ребенка, и я видел, как Веланд насадил младенца на копье, а затем бросил окровавленный труп в руки матери.

Рагнар отослал женщину прочь, не потому, что пожалел, просто кого-то одного всегда оставляли, чтобы он разнес ужасную новость по округе. «Люди должны бояться датчан, – говорил Рагнар, – тогда они готовы будут сдаться».

Он дал мне горящую головню из костра и приказал:

– Подожди солому, Утред.

И я ходил от дома к дому, поджигая крыши. Подпалив церковь, я пошел к последнему дому, и тут из дверей выскочил мужчина с острой-трезубцем и бросился на меня. Я отскочил в сторону, избежав удара скорее по случайности, чем благодаря расчету, и махнул горячей головней, целясь ему в лицо. Он присел, я отбежал назад, и тут Рагнар бросил мне копье – тяжелое боевое копье, сделанное для того, чтобы не метать, а бить. Оно воткнулось в пыль передо мной, и, поднимая копье, я понял – Рагнар разрешает мне сражаться. Он не дал бы мне погибнуть: два его лучника стояли, держа наготове оружие, но он не стал вмешиваться, когда тот человек снова бросился на меня.

Я отразил удар, отбив ржавую острогу, и шагнул назад, чтобы дать себе больше места. Мой противник был вдвое крупнее и тяжелее меня, даже больше чем вдвое. Он проклинал меня, обзывал дьявольским отродьем, червем из преисподней, а потом снова бросился в бой, и тогда я сделал то, что делал при охоте на кабана. Я шагнул влево, подождал, пока он поднимет оружие, отступил вправо и ударил.

Удар был неточным, у меня не хватило сил опрокинуть его на спину, но копье воткнулось ему в живот. Под натиском врага я отшатнулся и упал, он свалился на меня на боку, потому что из живота его торчало копье, и с полустоном-полурычанием попытался схватить меня за шею. Я вывернулся из-под него, схватил острогу и всадил ему в горло.

На земле были реки крови, во все стороны летели кровавые брызги. Человек дергался, задыхаясь, кровь пузырилась в распоротом горле, я пытался вытащить острогу, но зубцы ее застряли в глотке, поэтому я выдернул копье у него из живота и попытался прекратить его конвульсии, ударив в грудь, но наконечник только скользнул по ребрам. Он издавал ужасные звуки, а я был в панике и понятия не имел, что Рагнар и его воины просто обессилели от смеха, глядя, как я пытаюсь прикончить англичанина. В конце концов то ли у меня это получилось, то ли он сам истек кровью, но, пока он не затих, я все тыкал и резал, и в итоге у него был такой вид, будто на него напала стая волков.

Зато я получил третий браслет, а у Рагнара в дружине были и взрослые воины, у которых имелось всего по три браслета. Рорик завидовал мне, но он был младше, и отец утешал его, говоря, что его время еще придет.

– Каковы ощущения? – спросил меня Рагнар.

– Здорово! – ответил я – и, видит Бог, так оно и было.

Во время того набега я впервые увидел Бриду. Она была примерно моя ровесница – черноволосая, тоненькая, как веточка, с большими темными глазами, с душой дикой, как сокол по весне. Она была среди взятых в плен женщин, и, когда датчане начали делить пленниц, взрослая женщина вытолкнула ее вперед, словно предлагая викингам вместо себя. Брида схватила полено, развернулась и ударила женщину, крича, что та криворожая потаскуха, навозная лепешка! Женщина отшатнулась, упала в крапиву, а Брида продолжала на нее наступать. Рагнар захохотал и отвел девочку в сторону – он любил всех сильных духом. Позже он поручил мне заботиться о девчонке.

– Присмотри за ней, – велел он, – и подожги последний дом.

Так я и сделал.

И еще я понял одну вещь. Начни убивать рано, и совесть не будет мучить тебя. Начнешь убивать в детстве – и превратишься в грозного воина.

Мы забрали добычу на корабли, и в ту ночь, попивая свой эль, я считал себя датчанином. Не англичанином – уже нет. Я был датчанин, у меня было прекрасное детство, во всяком случае, с точки зрения мальчишки. Я рос среди мужчин, я был свободен, бегал, где хотел, не знал никаких законов, мне не докучали священники, мне не запрещали драться, и я редко бывал один.

Именно потому, что я редко бывал один, я и остался в живых.

* * *

С каждым новым набегом лошадей становилось все больше – значит все больше воинов могли отправляться в новые набеги, исследовать новые места, привозить все больше серебра и пленников.

Наши шпионы наблюдали за приближением армии короля Эдмунда, который правил Восточной Англией. Как и Бургред из Мерсии, он был готов безвольно нам сдаться, но все-таки ему пришлось выслать войско, чтобы сохранить королевство, поэтому мы следили за дорогами и ждали.

Брида держалась рядом со мной. Рагнар очень ее полюбил, возможно, потому, что она вела себя дерзко и единственная не плакала, попав в плен. Она была сиротой, жила в доме у тетки – той женщины, которую ударила, – и ненавидела ее. Спустя несколько дней Бриде уже гораздо больше нравилось среди датчан, чем среди своих. Она стала рабыней, которой полагалось оставаться в лагере и готовить еду, но на заре, когда мы отправлялись в набег, побежала за нами и забралась в седло позади меня. Рагнар, которого это позабавило, позволил ей ехать с отрядом.

В тот день мы отправились далеко на юг, прочь от плоских болотистых земель, в низкие, поросшие лесом холмы, среди которых лежали жирные уголья и еще более жирные монастыри.

Брида смеялась, когда Рагнар убил аббата.

Пока датчане собирали добычу, она взяла меня за руку и повела по невысокому склону к ферме, которую викинги уже очистили от всего ценного. Ферма принадлежала монастырю, и Брида знала здесь все уголки, потому что тетка часто ходила в этот монастырь молиться.

– Она хотела детей, – пояснила Брида, – но у нее была только я.

Потом указала на дом, наблюдая за моей реакцией.

По словам Бриды, ферму построили римляне, – хотя мы с ней плохо понимали, кто же такие эти римляне, знали только, что они жили в Англии, а потом ушли. Я уже повидал много римских построек в Эофервике, но те дома были полуразрушены, кое-как замазаны глиной, покрыты соломой, а этот выглядел так, словно римляне только что отсюда ушли.

Ферма поражала воображение. Каменные стены, прекрасная кладка, квадратные, тесно подогнанные кирпичи, плотно уложенная фигурная черепица крыши, за воротами – двор, по периметру – галерея с колоннами. На полу самой большой комнаты из тысяч маленьких цветных камешков была выложена удивительная картина: я разинул рот при виде рыбы, тянущей колесницу, в которой стоял бородатый человек с трезубцем... С подобным трезубцем мне пришлось иметь дело в деревне Бриды. Вокруг среди изогнутых веток резвились зайцы. На стенах были и другие картинки, но выцветшие и попорченные водой, протекающей сквозь щели в старой крыше.

– Это дом аббата, – пояснила Брида, потом провела меня в маленькую комнату с кроватью, рядом с которой в луже крови лежал слуга. – Он привел меня сюда, – продолжала она.

– Аббат?

– И велел мне снять всю одежду.

– Аббат?! – снова спросил я.

– Я убежала, – она рассказывала обо всем как о чем-то само собой разумеющемся, – и тетка меня избила, сказав, что я должна была его ублажить, тогда бы он нас наградил.

Мы прошлись по дому, и я все удивлялся, что мы больше не умеем так строить. Мы знали, как вкапывать в землю столбы, как устанавливать балки и перекрытия, как настилать на них крышу из ржаной соломы или камыша, но столбы вскоре подгнивали, солома рассыпалась в труху и дома проседали. Даже летом в наших жилищах было по-зимнему темно, круглый год мы задыхались от дыма, а зимой там еще и воняло скотиной. Этот же дом был светлым, чистым, и вряд ли корова хоть раз роняла лепешку на того человека в колеснице. От таких мыслей мне стало грустно. Как же мы докатились до дымной темноты и неужели нам никогда больше не создать ничего столь же совершенного, как этот небольшой дом?

– Римляне были христианами? – спросил я Бриду.

– Не знаю. А что?

– Ничего.

Я подумал – раз боги вознаграждают тех, кого любят, было бы неплохо узнать, какие боги любили римлян. Я надеялся, что они поклонялись Одину. Хотя, насколько мне было известно, сейчас римляне – христиане, ведь папа живет в Риме, а Беокка говорил, что папа – глава всех христиан, самый святой человек. Папу звали Николай, насколько я помнил.

Бриде было глубоко наплевать на римских богов. Она опустилась на колени, исследуя дыру в полу, которая, похоже, уходила в погреб, такой маленький, что туда было не пролезть.

– Может, там живут эльфы? – предположил я.

– Эльфы живут в лесу, – возразила она.

Решив, что у аббата могут быть спрятаны сокровища, она взяла у меня меч, чтобы расширить дыру. То был не совсем меч, скорее, очень длинный нож, но его дал мне Рагнар, и я с гордостью его носил.

– Не сломай клинок, – сказал я.

В ответ она показала мне язык и принялась выковыривать из дыры раствор. Я же вернулся во двор взглянуть на бассейн. Он был грязным и позеленевшим, но когда-то, я не сомневался, был наполнен прозрачной водой. Посреди бассейна на небольшом камушке сидела лягушка, и я снова вспомнил, как называл отец жителей Восточной Англии: жалкие лягушки.

В ворота вошел Веланд, остановился, облизнул губы и слегка улыбнулся.

– Что, потерял свой тесак, Утред?

– Нет, – ответил я.

– Меня послал Рагнар, – сказал он, – мы уезжаем.

Я кивнул, но ничего не ответил. Я знал, что Рагнар протрубит в рог, когда настанет время уезжать.

– Идем же, парень, – сказал он.

Я снова молча кивнул.

Его темные глаза скользнули по пустым окнам дома, потом он посмотрел на бассейн.

– Это лягушка, – спросил он, – или жаба?

– Лягушка.

– Во Франкии, – сказал он, – считают, что лягушек можно есть. – Он подошел к бассейну, и я сделал шаг в сторону, чтобы нас по-прежнему разделяла каменная чаша. – А ты ел лягушек, Утред?

– Нет.

– Хочешь попробовать?

– Нет.

Он сунул руку в кожаный мешок, свисающий с перевязи меча, надетой поверх порванной кольчуги. Теперь у него имелись деньги, два браслета, хорошие башмаки, железный шлем,

длинный меч и кольчуга, хотя и требующая починки, но все равно гораздо лучше тех лохмотьев, в которых он впервые явился в дом Рагнара.

– Получишь монету, если поймашь лягушку, – сказал он, подбрасывая серебряный пенни.

– Я не хочу ловить лягушку, – проговорил я угрюмо.

– А я хочу. – Он ухмыльнулся и выхватил меч – клинок просвистел по деревянным ножнам.

Потом Веланд шагнул в бассейн – вода не доходила даже до верха его башмаков. Лягушка поскакала прочь, шлепая по зеленой тине, но Веланд не смотрел на нее, он смотрел на меня, и я знал, что он хочет меня убить, но почему-то не мог двинуться.

Я был ошеломлен и в то же время не удивился. Веланд никогда не нравился мне, я никогда ему не доверял. Я понял, что его послали меня убить, но он не сумел этого сделать, потому что до сего момента я всегда был на людях. Когда же Брида увела меня от остальной дружины Рагнара, Веланд решил воспользоваться подвернувшимся случаем.

Улыбаясь мне, он дошагал до середины бассейна, подошел еще ближе, поднял меч... И тут я наконец очнулся и помчался по галерее с колоннами. В дом я бежать не хотел, там была Брида, и я понимал, что Веланд убьет и ее, если увидит. Он выскочил из бассейна и кинулся за мной. Я завернул за угол галереи, и тут он меня перехватил. Я рванул назад, надеясь добраться до ворот, но он это понял и встал между воротами и мной. Его башмаки оставляли на римских плитках мокрые следы.

– В чем дело, Утред? – спросил он. – Лягушек боишься?

– Что тебе надо?

– Ага, растерял наглость, олдермен? – Он надвигался на меня, вода мечом из стороны в сторону. – Твой дядя шлет тебе привет и надеется, что ты будешь гнить в аду, пока он поживает в Беббанбурге.

– Так ты из... – начал я, но и так было ясно, что Веланд служит Эльфрику, поэтому я не потрудился закончить фразу, а отскочил назад.

– Наградой за твою смерть будет столько серебра, сколько весит новорожденный ребенок, – сказал Веланд. – Должно быть, ребенок уже родился, и дядя с нетерпением ждет твоей смерти. Я почти добрался до тебя той ночью под Снотенгахамом, едва не убил стрелой прошлой зимой, но ты вывернулся. Однако на сей раз все получится, и быстро. Твой дядя велел сделать это быстро, поэтому встань на колени, просто встань на колени. – Он махал мечом вправо-влево, со свистом рассекая воздух. – Я еще не дал мечу имя, – продолжал он. – Наверное, теперь буду звать его Убийцей Сирот.

Я отпрыгнул вправо, затем влево, но он был проворен, как хорек, и преградил мне путь. Я понимал, что загнан в угол, он тоже понимал это и улыбался.

– Я сделаю все быстро, – сказал он, – обещаю.

И тут Веланда ударил по шлему кусок черепицы. Он не был ранен, но от неожиданности отшатнулся и стал озираться по сторонам. Второй кусок попал ему в живот, третий – в плечо, и Брида закричала с крыши:

– Назад, через дом!

Я побежал. Меч просвистел в каком-то дюйме от меня, я подлетел к двери, промчался по колеснице, запряженной рыбиной, нырнул во вторую дверь, в третью, увидел открытое окно и выскочил в него. Брида спрыгнула с крыши, и мы с ней понеслись к недалекому лесу.

Веланд гнался за нами, но остановился, когда мы скрылись под деревьями.

Тогда он повернул на юг и ушел. Он сбежал, потому что знал, что с ним сделает Рагнар... А я, увидев Рагнара, почему-то заплакал. Почему? Не знаю, наверное, потому, что получил доказательства: Беббанбург потерян, мой милый дом занят врагом, у которого сейчас, возможно, уже родился сын.

Брида получила браслет, и Рагнар дал всем понять, что, если кто-нибудь ее тронет, он лично располосует обидчика колуном. Обратно она ехала на коне Веланда.

А на следующий день пришли враги.

* * *

Равн плыл с нами, и я снова стал его глазами, описывая, как армия Восточной Англии строится на невысоком клочке сухой земли к югу от нашего лагеря.

– Сколько знамен? – спросил он.

– Двадцать три, – ответил я, сосчитав.

– Что на них нарисовано?

– В основном кресты, – сказал я, – и какие-то святые.

– Жалкий человек, король Эдмунд, – заметил Равн. – Как-то раз он пытался сделать меня христианином.

Старик хмыкнул, вспомнив об этом.

Мы сидели на носу одного из причаливших к берегу судов: Равн – на стуле, мы с Бридой – у его ног, а мерсийские близнецы, Кеолнот и Кеолберт, пристроились чуть поодаль. Они были взятыми в заложники сыновьями епископа Этельбрида из Снотенгахамы: хотя отец их приветствовал приход датской армии, человек делается более искренним в своих чувствах, если его сыновей берут в заложники. Так сказал Равн.

Заложников из Мерсии и Нортумбрии было около дюжины – все сыновья знатных людей, и всем им грозила смерть, если бы их отцы попытались предпринять что-нибудь против датчан. В армии находились и простые англичане, воины, – если бы не язык, они не отличались бы от датчан. Большинство из них были либо преступниками, либо людьми без хозяев, и все – отчаянными бойцами, как раз такими, каких не хватало англичанам, чтобы дать отпор врагу. А теперь эти люди сражались на стороне датчан против короля Эдмунда.

– К тому же король – дурак, – насмешливо добавил Равн.

– Почему? – спросил я.

– Он позволил нам зимовать у себя, до того как мы захватили Эофервик, – пояснил Равн. – А мы взамен пообещали не убивать его священников.

Старик негромко засмеялся.

– Что может быть глупее. Если бы от их бога была хоть какая-то польза, мы бы и так не смогли их убить.

– А почему он позволил вам там зимовать?

– Потому что так было легче, чем с нами сражаться, – пояснил Равн.

Он говорил по-английски, потому что дети, кроме меня, не знали датского, хотя Брида очень быстро все схватывала. У нее был ум, как у лисички, быстрый и изворотливый.

Равн улыбнулся.

– Глупый король Эдмунд думал, что весной мы уйдем и больше не вернемся, но вот мы здесь.

– Он не должен был так поступать! – заявил один из близнецов.

Я не отличал их друг от друга, но оба раздражали меня своим патриотизмом, хотя отец их и переметнулся к врагам. Им было десять лет, и они вечно упрекали меня за любовь к датчанам.

– Конечно, не должен, – согласился Равн.

– Он должен был на вас напасть! – сказал Кеолнот... или Кеолберт.

– И тогда потерпел бы поражение, – ответил Равн. – Мы жили в обнесенном стенами лагере. А он платил деньги, чтобы мы не беспокоили его.

– Я как-то раз видела короля Эдмунда, – ввернула Брида.

– Где, девочка? – спросил Равн.

– Он приезжал в монастырь молиться, – ответила она, – и пердел, опускаясь на колени.

– Без сомнения, бог оценил его подношение, – надменно произнес Равн и нахмурился, потому что близнецы тут же принялись издавать соответствующие звуки.

– А римляне были христианами? – спросил я, вспомнив, как восхитила меня римская ферма.

– Не всегда, – ответил Равн. – Когда-то у них были собственные боги, но римляне отреклись от них, стали христианами и после того уже не знали ничего, кроме поражений. Где сейчас наши воины?

– Все еще идут, – объяснил я.

Убба собирался разбить лагерь и вынудить Эдмунда атаковать на вытянутом перешейке, чтобы уничтожить его армию под нашей короткой земляной насыпью. Но вместо этого англичане выстроились южнее предательской низменности, приглашая перейти в наступление нас.

Уббе и хотелось так поступить. Он заставил Сторри бросить палочки с рунами, и ходили слухи, будто руны дали двусмысленный ответ, поэтому Убба осторожничал. Он был могучим воином, но всегда медлил перед битвой. Однако руны не предсказали полного провала, и он повел армию туда, где она теперь и стояла, – на клочок суши, откуда к невысокому холму вели две дороги. Знамя Уббы, знаменитый ворон на треугольном полотнище, виднелось между двух дорог, каждую из которых защищал мощный клин англичан. Какую бы дорогу ни выбрал Убба, горстке наших воинов пришлось бы сражаться с целой толпой, и, должно быть, Убба засомневался, потому что медлил с решением.

Я описал все это Равну.

– Негоже терять людей, даже если в результате мы победим, – проговорил старик.

– Но если мы убьем много их воинов? – спросил я.

– У них много людей, у нас – мало. Если мы убьем тысячу их воинов, завтра у них будет новая тысяча, а если мы потеряем сотню, нам придется ждать прибытия кораблей, чтобы заменить погибших.

– Новые корабли придут, – сказала Брида.

– Не думаю, что они явятся в нынешнем году, – возразил Равн.

– Да нет, они уже идут! – Брида махнула рукой, и я увидел четыре судна, пробирающиеся через лабиринт низких островков и бухточек.

– Говори, – нетерпеливо потребовал Равн.

– Четыре корабля, – сказал я, – движутся с запада.

– С запада? Не с востока?

– С запада, – подтвердил я. Это означало, что они идут не с моря, а с одной из четырех рек, впадающих в Гевэск.

– Носы? – продолжал Равн.

– На носсах нет драконов, – сказал я, – просто деревянные шесты.

– Весла?

– Десять с каждого борта, а может, одиннадцать. Но там больше людей, чем весел.

– Английские корабли! – воскликнул Равн изумленно, потому что у англичан почти не было судов, кроме небольших рыбацких лоханок и нескольких похожих на бочонки торговых кораблей.

Но эти четыре были военными, длинными и изящными, как и суда датчан. И они шли вперед через путаницу шхер, чтобы атаковать стоящий у берега флот Уббы. Я увидел дым, поднимающийся с палубы первого судна, и понял, что там есть жаровня – значит, они хотели сжечь корабли датчан и таким образом поймать Уббу в ловушку.

Но Убба тоже увидел суда, и датская армия немедленно устремила назад, в лагерь. Головной английский корабль начал обстреливать зажигательными стрелами ближайшее судно

датчан, на борту которого были часовые, но, поскольку охранять драккары обычно оставляли больных и раненых, те не могли защититься от атаки с воды.

– Мальчики! – проорал один из часовых.

– Бегите, – велел нам Равн, – бегите!

Брида, которая считала, что она ничем не хуже мальчишек, побежала вместе со мной и близнецами. Мы прыгнули на берег и помчались по кромке воды к датскому кораблю, над которым сгустился дым. Теперь уже с двух английских судов летели горящие стрелы, а два оставшихся пытались пройти вперед, чтобы добраться до остальных датских кораблей.

Наша работа заключалась в том, чтобы тушить огонь, пока часовые метали копья в англичан. Я нагребал щитом песок и засыпал им огонь. Английские корабли были уже близко, и я видел, что они построены из свежего сырого дерева. Рядом со мной упало копье, я схватил его и метнул обратно, но слишком слабо: оно ударилось о весло и плюхнулось в воду. Близнецы даже не пытались тушить огонь, и я ударил одного из них, пригрозив как следует поколотить, если они не примутся за работу. Однако спасти корабль было уже поздно: он пылал со всех сторон, поэтому мы побежали к следующему.

Два десятка горящих стрел воткнулись в его скамьи, еще одна угодила в свернутый парус, и двое из мальчиков-заложников упали мертвыми у кромки воды.

Головной английский корабль уже подошел к берегу, на его носу столпились люди с копьями, топорами и мечами.

– Эдмунд! – орал он. – Эдмунд!

Нос судна ткнулся в песок, англичане прыгнули на берег и кинулись убивать датских часовых. Огромные топоры опускались, кровь брызгала на землю, ее смывали мелкие волны. Я схватил Бриду за руку и оттащил в сторону, шлепая по мелководью, где из воды выскакивали испуганные серебристые мальки.

– Мы должны спасти Равна, – сказал я.

Брида засмеялась: она любила хаос.

Причалили уже три корабля, их команды высадились на берег, и теперь англичане добивали часовых. Последнее судно еще только приближалось, плюя горящими стрелами, но войско Уббы уже вернулось в лагерь, и датчане с воплями мчались на англичан.

Несколько человек остались под знаменем с орлом на земляном валу, чтобы в случае чего не дать королю Эдмунду захватить лагерь, а все остальные с воем вершили месть. Датчане любили свои корабли. «Корабль, – говорили они, – словно женщина или меч, тонкий и прекрасный, за него стоит даже умереть и, конечно, за него стоит сражаться».

Восточные англичане, которые так хорошо начали атаку, допустили ошибку, потому что наступил отлив и теперь им было не увести свои суда по обмелевшему заливу. Несколько датчан обороняли уцелевшие корабли, осыпая единственное непричалившее судно градом стрел, копий и метательных топоров, пока остальные сражались на берегу.

То была настоящая резня. Работа датчан. Битва, достойная того, чтобы ее воспевали скальды. Кровь уносил отлив, кровь плескалась в волнах, люди кричали и падали, а над ними клубился дым от горящих судов, такой густой, что солнце казалось красным над покрасневшим песком, и в этом дыму неистовые датчане были ужасны.

Тогда я впервые увидел Уббу в бою и восхищался им, несущим смерть мрачным воином, певцом клинка. Он не сражался в клине, он на скакивал на врагов, ударяя щитом по одному, пока его боевой топор рубил другого; он казался непобедимым. В какой-то миг его со всех сторон окружили английские воины, а потом раздался яростный крик, грохот железа о железо, и Убба выбрался из свалки. Лезвие его топора было в крови, борода – тоже, он швырнул своих врагов в кровавые волны и теперь озирался в поисках новых жертв.

Рядом с ним бился Рагнар, и воины Рагнара тоже рубили врагов у кромки воды, с ненавистью вопя на людей, которые сожгли их корабли.

Когда крики и резня прекратились, мы насчитали шестьдесят восемь мертвых англичан, но это были не все погибшие, потому что некоторые бежали в море и утонули, пошли на дно под весом доспехов и оружия. Единственному английскому судну удалось уйти – то был корабль смерти, по его новенькой обшивке текла кровь.

Победители сплясали на трупах, а потом сложили в груды захваченное оружие.

Тридцать погибших датчан сожгли вместе с полуобгоревшим судном. Пострадало шесть датских кораблей, но Уббе досталось три английских, успевших причалить к берегу. Рагнар заявил, что это дерьмо, а не корабли.

– Чудо, что они вообще держатся на воде, – сказал он, пиная ногой плохо пригнанные доски обшивки.

«Но англичане хорошо атаковали», – подумал я. Они наделали ошибок, но они дали щелчка гордым датчанам и сожгли их драккары. Если бы король Эдмунд перешел через стену, окружавшую лагерь, все могло бы закончиться поражением датчан. Но король Эдмунд этого не сделал. Наоборот, пока его воины гибли в дыму, он ушел прочь.

Он думал, что датская армия придет с моря, но оказалось, что настоящие силы двигались по суше, и король только что узнал, что Ивар Бескостный вторгся на его земли.

А Убба был в бешенстве. Несколько английских пленников принесли в жертву Одину: их крики должны были дать понять богу, что мы нуждаемся в его помощи.

На следующее утро, оставив дымящиеся черные скелеты сгоревших судов на берегу, мы направили драккары на запад.

Глава четвертая

Король Восточной Англии Эдмунд теперь считается святым, одним из тех благословенных, чьи души вечно пребывают в тени Бога. Во всяком случае, так мне говорили священники. «На небесах, – говорили они, – святые занимают особое место, они живут в огромном зале Господа и все время поют ему хвалы». Вечно. Сидят и поют хвалы. Беока постоянно твердил, что это чудесное времяпрепровождение, но мне оно кажется чрезвычайно тоскливым. Датчане же считают, что их мертвецов валькирии уносят в Валгаллу, пиршественный зал Одина, и там воины проводят дни в битвах, а ночи – в пирах и забавах. Но я не осмелился сказать священникам, что это мне кажется гораздо лучшей загробной наградой, чем вечное пение под бряцанье золотых арф. Как-то раз я спросил одного священника, есть ли на небесах женщины.

– Конечно есть, мой господин, – ответил он, обрадованный, что я проявил интерес к догматам, – многие из благословенных святых – женщины.

– Я говорю о женщинах, с которыми можно спать, епископ.

Он сказал, что будет за меня молиться. Наверное, и впрямь молится.

Не знаю, был ли король Эдмунд святым. Но дураком точно был. Он дал датчанам убежище перед их нападением на Эофервик, и не только убежище. Он платил им, давал им пищу, поставял лошадей в их армию – и все это за обещание, что весной они уйдут из Восточной Англии и не тронут ни одного священника. Датчане сдержали обещание, а когда спустя два года вернулись, став гораздо сильнее, король Эдмунд решил с ними сражаться. Он видел, что случилось с Мерсией и Нортумбрией, и должен был понимать, что его королевство ожидает та же участь... Поэтому собрал войско, помолился Богу и вышел на битву.

Сначала он явился биться с нами на побережье, затем, услышав, что Ивар обогнул по суше залитые водой просторы к западу от Гевэска, развернулся и двинулся к нему навстречу. Тогда Убба повел наш флот вверх по Гевэску; мы поднимались по одной из рек до тех пор, пока русло не сделалось совсем узким и грести стало невозможно. После этого суда потащили на канатах, бредя по пояс в воде, а когда нельзя было больше сделать ни шагу, оставили суда под охраной, и войско пошло по бесконечному болоту. Очень не скоро мы выбрались на твер-

дую землю, не зная, куда именно попали, зная только, что, если держать на юг, мы выйдем к дороге, по которой навстречу Ивару движется Эдмунд. А стоит перекрыть эту дорогу, как король окажется зажатым между нашей армией и армией Ивара.

Так и случилось. Ивар дал бой, клин на клин, но мы ничего об этом не знали, пока не появились первые беглецы, удирающие на восток. Наткнувшись на новый клин, они предпочли рассеяться по полю, вместо того чтобы сражаться, и мы их переловили. Пленники рассказали, что Ивар без труда разбил Эдмунда; это подтвердилось на следующий день, когда появились первые всадники армии Ивара.

Король Эдмунд бежал на юг. Восточная Англия была большой страной, он запросто мог бы укрыться в какой-нибудь крепости или удрать в Уэссекс, но вместо этого положился на Бога и остановился в небольшом, затерянном среди болот монастыре в Дисе. Возможно, король решил, что там его не найдут. Я слышал, что какой-то монах наобещал, будто Бог закроет монастырь стеной непроницаемого тумана, в котором язычники заблудятся, но туман так и не появился, вместо него пожаловали датчане.

Ивар, Убба и их брат Хальфдан прискакали в Дис с половиной армии, в то время как вторая половина усмиряла Восточную Англию, то есть насилвала, жгла и убивала до тех пор, пока люди не смирились, что случалось довольно скоро. Восточная Англия пала так же быстро, как Мерсия, и единственной неприятной вестью для датчан была весть о волнениях в Нортумбрии. Ходили слухи о восстании, во время которого погибли датчане, и Ивар хотел разобраться в этом, но не осмелился так быстро покинуть только что завоеванную Восточную Англию. Поэтому в Дисе он предложил Эдмунду остаться королем, каким остался Бургред в Мерсии.

Переговоры состоялись в монастырской церкви, которая оказалась большой деревянной постройкой, хоть и с соломенной крышей, зато с кожаными панелями на стенах, разрисованными аляповатыми картинками. На одной изображалось, как голые люди спускаются в ад, где их пожирает громадный змей с клыкастой пастью.

– Нидхёгг, – с содроганием произнес Рагнар.

– Нидхёгг?

– Змей, обитающий в Нифльхейме, – пояснил он, тронув свой амулет-молот.

Я знал, что Нифльхейм – это северный ад, где, в отличие от ада христианского, царит ледяной холод.

– Нидхёгг пожирает мертвецов, – продолжал Рагнар, – а еще грызет древо жизни. Он хочет погубить весь мир, чтобы настал конец времен.

Он снова дотронулся до молота на шее.

Еще одно полотно, за алтарем, изображало Христа на кресте, а рядом висело третье кожаное полотнище, заворотившее Ивара. Обнаженный человек в одной набедренной повязке был привязан к столбу, в него стреляли лучники. Не меньше двух десятков стрел пронзили бледное тело, но человек сохранял благостное выражение лица и слегка улыбался, как будто, несмотря на все свои беды, был вполне доволен жизнью.

– Кто это? – спросил Ивар.

– Благословенный святой Себастьян, – ответил через переводчика сидевший перед алтарем король Эдмунд.

Ивар, не сводя угрюмых глаз с картины, пожелал услышать историю целиком, и Эдмунд рассказал, как благословенный святой Себастьян, римский воин, отказался отречься от своей веры, и тогда император приказал расстрелять его из луков.

– Но он остался жив! – с восторгом продолжал Эдмунд. – Он выжил, потому что Господь защитил его, Господь всемилостивый!

– Остался жив? – с недоверием уточнил Ивар.

– И тогда император приказал до смерти забить его дубинами, – завершил рассказ переводчик.

– Значит, он все-таки умер?

– Он отправился на небеса, – заявил король Эдмунд, – значит остался жив.

Убба влез в разговор, желая, чтобы ему объяснили, что же происходит на небесах, и Эдмунд живо обрисовал их прелести. Но Убба с отвращением плюнул, поняв, что небеса – это Валгалла, лишенная всех увеселений.

– И христиане мечтают попасть на такие небеса? – с недоверием спросил он.

– Конечно, – сказал переводчик.

Убба презрительно хмыкнул.

С ним и его братьями явилось столько датских воинов, что они даже не смогли втиснуться в церковь, а вся свита Эдмунда состояла из двух священников и шести монахов. Все слушали, как Ивар объявляет свое решение. Король Эдмунд останется жить, будет править Восточной Англией, но в главной крепости останется датский гарнизон. Датчанам дадут любые земли, которые им понравятся, за исключением королевских угодий. Эдмунд обязуется предоставлять датской армии лошадей, снабжать деньгами и провиантом, а королевское войско (то, что от него осталось) должно подчиняться приказам датчан. У Эдмунда нет сыновей, зато у его оставшихся в живых вассалов – есть, и эти сыновья станут заложниками, чтобы жители Восточной Англии соблюдали условия, предложенные Иваром.

– А если я отвечу «нет»? – спросил Эдмунд.

Ивар удивился.

– Тогда мы все равно заберем земли.

Король посоветовался со своими священниками и монахами. Эдмунд был высоким, тощим и лысым, как яйцо, хотя ему было не больше тридцати лет, с выпученными глазами, поджатыми губами и вечно нахмуренным лбом. Благодаря своему белому балахону он и сам походил на священника.

– А что будет с Божьей церковью? – наконец спросил он Ивара.

– А что с ней такое?

– Ваши люди разбили алтари, убили слуг Господа, осквернили Его образы и украли Его драгоценности!

Король по-настоящему рассердился: вцепившись одной рукой в подлокотник своего кресла, другой он размахивал в такт своим обвинениям.

– Твой Бог не может сам о себе позаботиться? – поинтересовался Убба.

– Наш бог – могущественный бог, – заявил Эдмунд, – создатель мира, но он позволяет существовать злу, чтобы испытать нас!

– Аминь, – пробормотал один из священников, пока переводчик передавал Ивару слова короля.

– Он привел сюда вас, язычников с севера! – сказал, словно выплюнул, король. – Иеремия предсказывал это!

– Иеремия? – На этот раз Ивар растерялся.

У одного из монахов имелась книга – первая, которую я увидел за многие годы, – и он открыл кожаную обложку, перевернул негнущиеся страницы и передал книгу королю. Тот вынул из кармана маленькую указку из слоновой кости, чтобы водить ею по нужным словам.

– *Quia malum ego*, – пророкотал он, водя светлой указкой по строкам, – *adduco ab aquilone et contritionem magnam!*

Тут он замолчал и сверкнул на Ивара глазами. Некоторые датчане, потрясенные неистовостью слов короля, хоть и не поняли ни единого, стали прикасаться к своим амулетам. Священники Эдмунда глядели на нас с укором. В стрельчатое окно влетел воробей и присел на секунду на перекладину высокого распятия, стоящего на алтаре.

На мрачном лице Ивара ничего не отразилось, и наконец до переводчика, который был одним из священников Эдмунда, дошло, что страстные слова короля не имеют для нас ни малейшего смысла.

– «Ибо приведу я зло с севера, – перевел он, – и с ним погибель».

– Так сказано в книге! – яростно произнес Эдмунд, возвращая том монаху.

– Можешь оставить себе свою церковь, – небрежно произнес Ивар.

– Этого мало, – заявил Эдмунд и встал, чтобы придать внушительности своим словам. – Я буду править этими землями, я буду терпеть ваше присутствие, коли так суждено, я буду давать вам лошадей, еду, деньги и заложников – но только если вы, все до единого, преклоните колени перед Богом. Вы должны креститься!

Эти слова не перевел ни датский переводчик, ни переводчик короля, и в итоге Убба вопросительно взглянул на меня.

– Надо будет встать в бочку с водой, – сказал я, вспомнив, как Беокка крестил меня после гибели брата, – а потом тебя еще польют водой сверху.

– Они хотят меня помыть? – поразился Убба.

Я пожал плечами.

– Так они обычно делают, господин.

– Вы станете христианами! – сказал Эдмунд, раздраженно взглянув на меня. – Креститься можно и в реке, мальчик. Не обязательно в бочке.

– Они хотят помыть вас в реке, – пояснил я Ивару и Уббе, и датчане захохотали.

Ивар задумался. Постоять несколько минут в реке было не так уж сложно, особенно если потом он сможет быстро вернуться в Нортумбрию и выяснить, что там произошло.

– Я смогу поклоняться Одину после этого омовения? – спросил он.

– Конечно нет! – сердито заявил Эдмунд. – Есть только один Бог!

– Богов много, – возразил Ивар, – много! Это знают все!

– Есть только один Бог, и вы обязаны ему служить.

– Но побеждаем мы, – терпеливо, словно ребенку, втолковывал Ивар, – значит наши боги сильнее вашего.

Король содрогнулся, услышав такое богохульство.

– Ваши боги – ложные, – сказал он, – они порождение дьявола, они зло, которое приводит тьму в этот мир, а наш Бог велик, всемогущ и светел.

– Докажи, – предложил Ивар.

После этого повисла тишина. Король, его священники и монахи уставились на Ивара в явном замешательстве.

– Докажи, – повторил Ивар, и датчане зашумели, поддерживая его идею.

Король Эдмунд заморгал, явно растеряв свой пыл, затем его осенило, и он указал на кожаное полотнище, изображающее святого Себастьяна в виде мишени для лучников.

– Наш Бог спас святого Себастьяна от стрел! – сказал Эдмунд. – Разве этого доказательства недостаточно?

– Но он все равно умер, – заметил Ивар.

– Только потому, что на то была воля Божья.

Ивар обдумал это утверждение.

– Значит, твой Бог защитит тебя от моих стрел? – поинтересовался он.

– Да, если на то будет Его воля.

– Так давай попробуем, – предложил Ивар. – Мы будем в тебя стрелять, и, если ты останешься жив, мы помоемся в реке.

Эдмунд уставился на датчанина, гадая, не шутит ли он, а когда понял, что Ивар говорит серьезно, заволновался. Король разинул рот, но снова закрыл его, ничего не сказав. Тут один из монахов что-то забормотал, должно быть пытаясь убедить короля, что Бог посылает ему

испытание ради укрепления церкви, что свершится чудо – и тогда датчане станут христианами и все мы сделаемся друзьями, а закончим тем, что вместе будем распевать на небесах. Короля его доводы не вполне убедили (если, конечно, монах толковал именно об этом), но датчанам уже хотелось увидеть чудо, и теперь у Эдмунда не осталось выбора.

Несколько человек оттеснили монахов и священников, кто-то отправился за луками и стрелами.

Король, угодивший в ловушку собственной веры, встал на колени перед алтарем и молился так горячо, как едва ли когда-нибудь молился человек. Датчане посмеивались. Я был в восторге. Наверное, я надеялся увидеть чудо, не потому, что был христианином, а просто мне этого хотелось. Беокка часто рассказывал мне о чудесах, подчеркивая, что они – истинные доказательства превосходства христианства, но я ни разу не видел ни одного. Никто в Беббанбурге не ходил по воде, там не вылечился ни один прокаженный, и сияющие ангелы не парили в ночном небе... Но сейчас, наверное, я увижу силу Бога, о которой постоянно толковал мне Беокка.

Брида же просто хотела посмотреть, как умрет Эдмунд.

– Готов? – спросил Ивар у короля.

Эдмунд поглядел на своих монахов и священников, и мне стало любопытно, не захочет ли король предложить кому-нибудь из них заменить его в испытании божественной силы. Потом он нахмурился и поглядел на Ивара.

– Я принимаю твоё предложение, – провозгласил он.

– Насчет того, что мы в тебя стреляем?

– Насчет того, что я останусь здесь королем.

– Но ты же сначала хотел меня помыть.

– Мы можем обойтись и без этого, – заявил Эдмунд.

– Нет. Ты заявил, что твой бог всемогущ, что он единственный, и я хочу получить доказательства. Если ты прав, мы все помоемся в реке. Идет?

Этот вопрос был обращен к датчанам, которые одобрительно взревели.

– Только не я, – сказал Равн, – я не полезу в реку!

– Мы все помоемся! – прорычал Ивар – и я понял, что он всерьез заинтересован в результате грядущего испытания, даже больше, чем в скором и окончательном перемирии с Эдмундом. Всем людям необходима поддержка бога, и Ивар пытался выяснить, неужели все эти годы поклонялся не тому божеству.

– Ты в доспехах? – спросил он Эдмунда.

– Нет.

– Лучше проверить, – вмешался Убба, поглядев на роковую картину. – Разденьте его, – приказал он.

Король и монахи протестовали, но датчане настояли на своем, и Эдмунда раздели догола.

Брида развеселилась.

– Какой он хилый, – сказала она.

Эдмунд, ставший теперь предметом насмешек, изо всех сил старался выглядеть величественно. Священники и монахи встали на колени, молясь, а шесть лучников выстроились в дюжине шагов от своей мишени.

– Сейчас узнаем, – сказал Ивар, сдерживая смех, – такой же сильный английский бог, как датские боги? Если это так и король останется жив, все мы станем христианами, все до единого!

– Только не я, – снова проговорил Равн, но тихо, чтобы Ивар не услышал. – Расскажи мне, что происходит, Утред.

Рассказ мой длился недолго. Шесть стрел попали в цель, король закричал и упал, дергаясь, как пойманный лосось, потом в него вонзилось еще шесть стрел. Кровь залила алтарь. Эдмунд еще немного подергался, и лучники продолжали стрелять, хотя целились куда попало,

потому что едва стояли на ногах от смеха. Они стреляли, пока король не стал похож на дикобраза, так густо утыкали его оперенные стрелы. К тому времени он был мертв. Его белая кожа стала красной от крови, рот широко раскрылся. Он был мертв.

Его Бог гнусно предал его. Конечно, в наши дни никто так не говорит, вместо этого детей учат, что храбрый Эдмунд выступил против датчан, потребовал от них отречься от язычества, за что и был убит. Поэтому теперь он святой мученик, счастливо вознесшийся на небеса, но правда в том, что он был дураком и сам обрек себя на гибель.

Священники и монахи запричитали, и тогда Ивар приказал убить заодно и их. После же постановил, что ярл Годрим, один из его вождей, будет править Восточной Англией, а Хальфдан совершит несколько вылазок, дабы отбить у местных жителей охоту сопротивляться. Годриму с Хальфданом оставили треть армии, чтобы держать Восточную Англию в узде, а все остальные отправились усмирять взбунтовавшуюся Нортумбрию.

Восточной Англии больше не существовало.

Уэссекс остался последним английским королевством.

* * *

Мы вернулись в Нортумбрию: половину пути прошли на веслах, половину – под парусом, ведя «Летучего змея» вдоль побережья, затем снова пошли на веслах по рекам против течения, миновали Хамбер, затем Уз и наконец увидели стены Эофервика. Здесь мы вытащили корабль на сухой берег, чтобы судно не сгнило зимой.

Ивар и Убба возвращались вместе с нами, поэтому по реке двигалась целая флотилия. Весла опускались и поднимались, на носках вместо снятых драконьих голов торчали зеленые дубовые ветки, означавшие, что мы возвращаемся с победой. Мы привезли домой много сокровищ. Датчане очень ценили сокровища. Люди шли за своими ярлами, потому что знали: их вознаградят серебром, а после захвата трех из четырех королевств Англии у датчан накопились целые состояния, и некоторые даже решили отвезти часть денег домой, в Данию. Большинство же остались, потому что самое богатое королевство еще не было завоевано, и люди думали, что станут богатыми, как боги, когда падет Уэссекс.

Ивар с Уббой возвращались в Эофервик в ожидании неприятностей. Они развесили щиты по бортам своих кораблей, но, какие бы бури ни тревожили Нортумбрию, на городе они не отразились. Король Эгберт, правивший от имени датчан, даже сердито заверил, что никаких волнений и не было. Архиепископ Вульффер утверждал то же самое.

– Везде есть разбойники, – высокомерно проговорил он, – может, вы об этом слышали?

– А может, это вы глухие, раз не слышали о волнениях, – проворчал Ивар.

И он оказался прав, потому что, когда разнеслись слухи о возвращении армии, от олдеремена Риксига из Дунхолма примчались гонцы. Дунхолм был большой крепостью на высоком утесе, который огибала река Виир. Утес и река делали Дунхолм почти таким же неприступным, как Беббанбург, и там правил Риксиг, который ни разу не поднимал меча на датчан. Когда мы атаковали Эофервик, когда погиб мой отец, Риксиг сказался больным и его люди остались дома, но теперь он послал слуг сообщить Ивару, что у Гируума перебили отряд датчан. Это произошло в знаменитом монастыре, где человек по имени Бёда написал историю английской церкви, которую вечно нахваливал мне Беокка. Он говорил, что, когда я научусь читать как следует, я сам смогу насладиться этим произведением. Мне до сих пор еще только предстоит это удовольствие, но в Гирууме я побывал и видел место, где была написана книга, потому что Рагнару поручили отправиться туда и выяснить, что же произошло.

Похоже, шестеро датчан, все люди без хозяев, отправились в Гируум и потребовали, чтобы им показали сокровища монастыря. Когда монахи сказали, у них нет ни пенни, шестеро начали убивать, но монахи дали им отпор, а поскольку монахов было два десятка и им еще

помогали горожане, шестеро датчан были убиты, насажены на колья и оставлены гнить на берегу. Если бы на этом все и закончилось! Рагнар признавал, что те датчане сами виноваты, вот только монахи, ободренные успехом, двинулись на запад по реке Тайн и напали на датское поселение, где было всего несколько человек, слишком старых или больных, чтобы идти дальше с армией. Монахи изнасиловали и перебили там около двадцати женщин и детей, утверждая, что ведут священную войну. К стихийно собравшейся армии присоединялось все больше народу, но олдермен Риксиг, испугавшись мести датчан, отправил своих людей на усмирение восстания и схватил много бунтарей, включая дюжину монахов, которые теперь сидели под замком в крепости над рекой.

Все это сообщили гонцы Риксига и подтвердили те, кто пережил бойню, в том числе девочка возраста Тайры. Она рассказала, что монахи по очереди изнасиловали ее, а потом насильно окрестили. Она сказала, что с ними были и монахини, которые побуждали мужчин к насилию, а потом принимали участие в убийствах.

– Змеиное гнездо, – сказал Рагнар.

Я еще никогда не видел его таким злым, даже после случая со Свеном. Мы откопали несколько погибших датчан, все они были раздеты и в крови. Всех их пытали перед смертью.

Мы нашли священника и заставили назвать самые большие мужские и женские монастыри Нортумбрии. Среди них, конечно, был Гируум, а еще один большой женский монастырь сразу за рекой и другой – на юге, там, где река Виир впадала в море. Много монахинь жили в Стреоншеле, неподалеку от Эофервика, а на острове, который Беокка всегда называл священным, находился монастырь Линдисфарена. Существовало и много других монастырей, но Рагнару было достаточно самых главных.

Он отправил гонцов к Уббе и Ивару, предлагая их людям обесчестить всех монахинь Стреоншела и убить всех, кто принимал участие в мятеже, а сам отправился в Гируум. Все монахи были перебиты, все постройки, кроме каменных, сожжены, все сокровища захвачены – а под церковью оказались спрятаны серебро и золото.

Помню, мы нашли и большую стопку пергаментных листов, сплошь исписанных мелкими черными буквами. Тогда я не понял, что это за листы, и теперь тоже не знаю, что в них было написано, потому что их сожгли. Когда от Гируума ничего не осталось, мы отправились на юг, к монастырю в устье Виира, и там повторилось то же самое. Затем мы перешли через Тайн и разгромили женский монастырь на северном берегу; тамошние монашки, возглавляемые аббатисой, специально изрезали себе лица, зная, что мы идем. Чтобы избежать бесчестия, они изранили щеки и лбы и встретили нас все в крови, причитающие и страшные. Не знаю, почему они не сбежали, а вместо этого остались ждать своей смерти, проклиная датчан и прося небеса покарать врагов.

Я никогда не говорил Альфреду, что участвовал в знаменитом уничтожении северных монастырей. Эту историю до сих пор приводят как пример ярости и вероломства датчан; каждый ребенок в Англии знает историю о монашках, изрезавших лица до кости, чтобы избежать изнасилования благодаря своему уродству... Что помогло им не больше, чем молитвы Эдмунда помогли королю спастись от стрел.

Помню, однажды на Пасху я услышал проповедь об этих самых монахинях и с трудом удержался, чтобы не сказать, как все было на самом деле. Священник утверждал, будто датчане обещали не трогать монахов и монахинь Нортумбрии, что уже было неправдой. Он говорил, будто для резни не было причин, – еще одна очевидная ложь. А еще он рассказал сказку, как монахини помолились и Господь закрыл ворота монастыря непроницаемой вуалью и как датчане бились об эту завесу, но не смогли за нее проникнуть; а я гадал, зачем же, если у монахинь был такой незримый щит, они калечили себя. Видимо, они знали, как завершится история, ведь датчане якобы привели из ближайшей деревни маленьких детей и грозились перерезать им глотки, если завеса не исчезнет, что и случилось.

Ничего подобного не было. Мы приехали, они вопили, самых молодых изнасиловали, затем убили. Но убили не всех, что бы там ни гласила легенда. По крайней мере двое были очень хорошенькими и без всяких порезов на лицах, и обе остались с воинами Рагнара, одна даже родила ребенка, который вырос и стал прославленным датским воином. Впрочем, монахи никогда не отличались правдивостью, и в ту Пасху я не стал ничего говорить. На самом деле мы никогда не убивали всех до единого, Равн научил меня всегда оставлять хоть одного в живых, чтобы было кому разнести ужасную весть.

Когда монастырь сгорел, мы отправились в Дунхолм, и Рагнар поблагодарил олдермена Риксига, хотя тот явно был потрясен размахом мести датчан.

– Не все монахи и монахини участвовали в нападении, – с упреком сказал он.

– Все они – зло, – настаивал Рагнар.

– Их монастыри – дома для молитв и очищения, для того, чтобы учиться, – говорил олдермен.

– Скажи-ка, – потребовал Рагнар, – какой толк в молитве, очищении и учении? От молитв разве растет рожь? Очищение наполняет сети рыбой? Учение строит дома или пашет землю?

Риксиг не ответил на эти вопросы, как и местный епископ – робкий человек, не возражавший ни против резни, ни против того, чтобы Риксиг послушно передал своих пленников датчанам, которые умертвили их самыми разными способами. Рагнар был искренне убежден, что христианские монастыри – рассадники зла, места для совершения мерзких обрядов, направленных на то, чтобы убедить народ сопротивляться датчанам, и не видел причин их шадить. Самый известный монастырь, Линдисфарена, пристанище святого Катберта, был первым из разграбленных датчанами, и случилось это два поколения назад. Говорят, именно тогда по небу металась драконы, смерчи хлестали море, молнии ударили в холмы, но я не видел подобных чудес, пока мы продвигались на север.

Я был взволнован. Мы приближались к Беббанбургу, и я гадал, осмелится ли мой дядя, фальшивый олдермен Эльфрик, выйти из крепости, чтобы защитить монахов Линдисфарены, которых всегда оберегала наша семья. Все мы, команды трех кораблей, больше сотни человек, ехали верхом, потому что год подходил к концу, а датчане не любили ходить по воде в плохую погоду. Мы обогнули Беббанбург и двинулись по холмам, время от времени видя между деревьями деревянные стены крепости. Я глядел на них, на бурное море за ними и мечтал.

Мы пересекли прибрежную низменность и подъехали к полоске песка, откуда начиналась дорога на Линдисфарену. Но сейчас был прилив, дорогу залила вода, и нам пришлось ждать. Мы видели, как с другого берега на нас смотрят монахи.

– Остальные скоты прячут сокровища, – сказал Рагнар.

– Если там что-нибудь осталось, – заметил я.

– У них всегда что-то остается, – мрачно произнес Рагнар.

– Когда я был здесь в последний раз, – вставил Равн, – мы захватили целый сундук золота! Чистого золота!

– Большой сундук? – спросила Брида.

Она сидела позади Равна, работая его глазами. Она повсюду ездила с нами и уже хорошо говорила по-датски. Считалось, она приносит удачу мужчинам, которые ее любят.

– Большой, как твоя грудь! – сказал Равн.

– Значит, маленький, – разочарованно произнесла Брида.

– Мы захватили золото и серебро, – вспоминал Равн, – а еще моржовые бивни. Откуда они их раздобыли?

Море отступало, волны откатывались назад по длинной отмели, и мы двинулись в путь между вежами, указывающими дорогу. Монахи разбежались. Тонкие струйки дыма говорили, где именно на острове находятся фермы, и я не сомневался, что хозяева этих ферм сейчас сжигают все свое добро.

- Кто-нибудь из монахов тебя знает? – спросил меня Рагнар.
- Возможно.
- Тебя это смущает?

Меня это смущало, но я сказал, что нет. Дотронулся до молота Тора, и где-то в глубине моей души шевельнулось беспокойство – а вдруг Бог, христианский Бог, глядит на меня сейчас. Беокка постоянно твердил, будто Господь видит и записывает все наши поступки, и мне пришлось напомнить себе, что христианский Бог проигрывает, а Один, Тор и остальные датские боги побеждают в войне на небесах. Смерть Эдмунда служила тому доказательством, поэтому, сказал я себе, я в безопасности.

Монастырь находился в южной части острова, откуда была видна скала, на которой стоял Беббанбург. Монахи жили в маленьких лачугах, крытых мхом и ржаной соломой и теснившихся вокруг небольшой церкви. Аббат, человек по имени Эгфрит, вышел нам навстречу с деревянным крестом. Он говорил по-датски, что было необычно, и не выказывал ни малейшего страха.

– Приветствую вас на нашем маленьком островке, – сказал он бодро. – Между прочим, у нас в лазарете лежит один из ваших соотечественников.

Рагнар уперся руками в обтянутую бараньей шкурой луку седла.

– Какое мне до этого дело? – спросил он.

– Это доказывает миролюбивость наших намерений, господин, – сказал Эгфрит.

Он был старым, седоволосым, худым, почти не имел зубов, отчего речь его была пришепетывающей и невнятной.

– У нас скромный монастырь, – продолжал он, – мы выхаживаем больных, помогаем беднякам и служим Богу.

Он оглядел ряды датчан, мрачных людей в шлемах, со щитами у левого колена, мечами, топорами и копьями. Небо низко нависало в тот день, тяжелое и угрюмое, трава потемнела от мелкого дождика. Два монаха вышли из церкви с деревянным ящиком, поставили его перед Эгфритом и отошли.

– Вот все наши сокровища, – сказал Эгфрит, – забирайте.

Рагнар кивнул мне, я спешился, прошел мимо аббата и открыл ящик, наполовину заполненный серебряными монетами. Большинство из них были резаными и все без исключения тусклыми, из плохого металла. Я пожал плечами, обернувшись к Рагнару, – то было жалкое подношение.

– А ты ведь Утред! – сказал Эгфрит. Он пристально глядел на меня.

– И что с того? – с вызовом спросил я.

– Я слышал, ты погиб, господин, – ответил он, – но, слава Богу, это не так.

– Ты слышал, что я погиб?

– Будто бы тебя убил датчанин.

Мы говорили по-английски, и Рагнар захотел узнать, о чем речь. Я перевел.

– Датчанина звали Веланд? – спросил Рагнар Эгфрита.

– Да, так его зовут, – подтвердил аббат.

– Зовут?

– Веланд и есть тот, кого мы лечим от ран, господин. – Эгфрит снова посмотрел на меня, будто не веря, что я жив.

– Каких еще ран? – захотел знать Рагнар.

– На него напал человек из крепости, господин. Из Беббанбурга.

Рагнар, разумеется, пожелал услышать всю историю.

Похоже, Веланд вернулся в Беббанбург, заявил, что меня убил, и получил свою награду серебряными монетами. Из крепости его провожало полдюжины человек, в том числе Элдвульф, кузнец, рассказывавший мне сказки в своей кузнице. Элдвульф напал на Веланда

и ударил по плечу топором, прежде чем его оттащили. Веланда привезли сюда, а Элдвульфа, если он еще жив, держат в Беббанбурге.

Если аббат Эгфрит думал, что в Веланде его спасение, он просчитался. Рагнар ухмыльнулся.

– И ты дал Веланду приют, хотя знал, что он убил Утреда? – спросил он.

– Это дом Господа, – сказал Эгфрит, – мы даем пристанище всем.

– Даже убийцам? – спросил Рагнар, потянулся к затылку и распустил кожаный шнурок, стягивавший волосы. – Тогда скажи мне, монах, сколько твоих людей отправилось на юг помогать своим товарищам убивать датчан?

Эгфрит заколебался, что само по себе было ответом. Рагнар выхватил меч, и тут монах обрел голос.

– Некоторые ушли, господин, – сказал он, – я не смог остановить их.

– Не смог их остановить? – переспросил Рагнар, мотнув головой так, что мокрые волосы хлестнули его по лицу. – Но ты здесь главный?

– Я аббат, господин.

– Значит, ты мог их остановить. – Рагнар разозлился, наверное вспомнив тела, которые мы выкопали под Гируумом, в том числе тело маленькой датской девочки, на бедрах которой все еще была кровь. – Убить их, – велел он своим людям.

Я не принимал участия в убийстве. Я стоял на берегу, слушал крики птиц, смотрел на Беббанбург и слышал, как клинок вершит свою работу. Брида подошла и встала рядом со мной. Она взяла меня за руку и уставилась за серые, покрытые барашками воды и на огромную крепость на утесе.

– Это твой дом? – спросила она.

– Да.

– Он называл тебя господином.

– Я и есть господин.

Она прижалась ко мне.

– Думаешь, христианский бог нас видит?

– Нет, – сказал я, удивляясь, как она угадала, что я задаюсь именно этим вопросом.

– Он никогда не был нашим богом, – сказала она сердито. – Мы поклонялись Вотану, Тору и Эостре⁹, другим богам и богиням, а потом явились христиане, и мы забыли наших богов, но теперь пришли датчане, чтобы вернуть нас к ним.

Она резко замолчала.

– Это Равн тебе рассказал?

– Кое-что рассказал, но остальное я поняла сама. Это война между богами, Утред, война между христианским богом и нашими богами, а когда в Асгарде война, боги заставляют и нас на земле сражаться за них.

– Мы победим, как ты думаешь? – спросил я.

Вместо ответа она указала на мертвых монахов, лежащих на мокрой траве в окровавленных рсях.

После того как они были убиты, Рагнар вытащил Веланду из постели. Тот явно был при смерти, от его раны дурно пахло, он дрожал, но прекрасно понимал, что с ним происходит. Мы нашли под кроватью его награду – мешок отличного серебра весом с новорожденного младенца и, прибавив серебро к жалкой лепте монастыря, разделили между воинами.

Сам Веланд валялся на окровавленной траве, переводя взгляд с меня на Рагнара.

– Хочешь его убить? – спросил меня Рагнар.

– Да, – ответил я, потому что иного ответа быть не могло.

⁹ Эостре – англосаксонская богиня весны и плодородия, именно от ее имени происходит английское слово Easter, Пасха.

Я вспомнил, как все начиналось, вспомнил день, когда увидел Рагнара танцующим на веслах у этого берега, вспомнил, как на следующее утро он привез в Беббанбург голову моего брата.

– Мне нужна его голова, – сказал я.

Веланд пытался заговорить, но сумел выдать только стон. Он не сводил глаз с меча Рагнара.

Рагнар передал меч мне.

– Он острый, – сказал он, – но ты поразишься тому, сколько на это требуется силы. Топором было бы проще.

Теперь Веланд смотрел на меня. У него стучали зубы, его передергивало. Я ненавидел его. С самого начала я его не любил, а теперь ненавидел, но все равно меня корбило при мысли об убийстве, хотя он и так был полумертв. Я уже знал: одно дело – убить в бою, отправив душу храброго бойца в пиршественный зал богов, но совсем другое – лишить жизни беззащитного человека. Должно быть, Веланд уловил мои колебания, потому что попытался вымолить себе жизнь.

– Я буду тебе служить, – сказал он.

– Пусть негодай помучается, – ответил за меня Рагнар. – Отправь его к подземной богине, только дай ей знать, что он идет, заставь его страдать.

Не думаю, чтобы он сильно страдал. Он и без того был настолько плох, что даже от моих слабых ударов тут же потерял сознание, но все равно у меня ушло много времени, чтобы его убить. Я изрубил его. Меня всегда поражало, сколько усилий требуется, чтобы убить человека. В песнях скальдов все получается легко, но так бывает редко. Мы – упрямые создания, мы цепляемся за жизнь, нас тяжело уничтожить. Наконец душа Веланда все же отправилась восвояси, а я рубил, пилил, колот и сумел-таки отделить окровавленную голову от тела. Его рот был перекошен агонией, и в этом было хоть какое-то утешение.

Я попросил у Рагнара кое-что еще, зная, что он не откажет. Я взял несколько пожертвованных бедняками монет из нашей добычи, потом пошел в одну из больших монастырских построек и отыскал скрипторий, где монахи переписывали книги. До того как жизнь моя переменялась под Эофервиком, я приходил сюда с Беоккой, и иногда монахи давали мне испорченные куски пергамента и чудесные краски.

Именно краски мне сейчас и требовались. Они хранились в горшочках, в основном в виде порошка, но некоторые были уже смешаны с клеем. Еще мне был нужен кусок ткани, и я нашел его в церкви: квадрат белой материи, чтобы накрывать Святые Дары. Вернувшись обратно в скрипторий, я нарисовал углем на белой ткани волчью голову, потом взял чернила и принялся закрашивать контуры.

Мне помогала Брида, оказавшаяся гораздо лучшей рисовальщицей, чем я. Она сделала волку красный глаз и красный язык, разбавила черные чернила белой и синей краской, чтобы нарисовать шерсть, а потом мы привязали знамя к кресту погибшего аббата. Рагнар тем временем осматривал небольшое собрание монастырских святых книг, выдирая из обложек металлические вставки, украшенные камнями. Когда он покончил с обложками, а мое знамя было готово, мы подожгли все деревянные дома.

Дождь прекратился, едва мы тронулись в путь. Мы пересекли отмель, повернули на юг, и Рагнар по моей просьбе проехал по идущей вдоль берега дороге до того места, где она пересекалась с песками Беббанбурга.

Здесь мы остановились. Я распустил волосы, отдал знамя Бриде, она села на коня Равна, а старик остался ждать вместе с сыном. Затем, с мечом Рагнара у пояса, я поехал к родному дому.

Вместе с Бридой-знаменосцем мы ехали рысью по насыпи. Море выносило белую пену на берег справа от меня, шелестело по песку слева. Я видел людей на стене и над Нижними

Воротами: они наблюдали. Я хлестнул лошадь, пуская ее в галоп, Брида не отставала, знамя несло за нами. Я остановил лошадь там, где дорога поворачивала на север, к воротам, и увидел дядю. Он был здесь, Эльфрик-Предатель, худой, темноволосый, – смотрел на меня со стены над Нижними Воротами. А я смотрел на него, чтобы он понял, кто я такой... а потом швырнул жуткую голову Веланда на землю, туда, куда когда-то упала голова моего брата. Затем кинул туда же серебряные монеты.

Тридцать монет. Сребреники Иуды. Эту христианскую легенду я помнил. Она была из немногих, которые мне нравились.

На стене стояли лучники, но никто из них не стрелял. Они просто смотрели. Я показал дяде нехороший знак: рога дьявола, сложенные из мизинца и указательного пальца, потом плюнул в его сторону, развернулся и поехал обратно. Теперь он знал, что я жив, знал, что я его враг, знал, что я убью его, как собаку, как только представится возможность.

– Утред! – окликнула Брида.

Она оглянулась назад, я тоже развернулся в седле и увидел, что один из воинов перепрыгнул через стену, тяжело приземлился и теперь бежал к нам. То был крупный человек с густой бородой, и я подумал, что не смогу сразаться с таким здоровяком, но потом заметил, что стрелки на стене натягивают луки. Стрелы упали на землю рядом с человеком, которого я теперь узнал: то был Элдвульф, кузнец.

– Лорд Утред! – кричал Элдвульф. – Лорд Утред!

Я развернулся и подъехал к нему, прикрывая от стрел корпусом лошади, но ни одна стрела не упала рядом. Вспоминая тот далекий день, я теперь подозреваю, что лучники намеренно делали промахи.

– Ты жив, господин! – Элдвульф широко улыбался.

– Жив.

– Тогда я пойду с тобой, – решительно заявил он.

– Но как же твоя жена, сын? – спросил я.

– Моя жена умерла в прошлом году, господин, а мой сын утонул на рыбалке.

– Как жаль, – сказал я. Стрела воткнулась в траву, не долетев нескольких метров.

– Вотан дал, Вотан и взял, – проговорил Элдвульф, – и вернул мне моего господина.

Он увидел молот Тора у меня на шее и, будучи язычником, улыбнулся.

Так у меня появился первый приверженец. Кузнец Элдвульф.

* * *

– Он такой мрачный, твой дядя, – рассказывал Элдвульф, пока мы ехали на юг, – угрюмый, как не знаю кто. Даже новорожденный сын его не радуется.

– У него родился сын?

– Эльфрик Младший, так его зовут, совсем еще крошка. Но здоровенький. А вот Гита больна. Она долго не протянет. А как ты, господин? Выглядишь ты хорошо.

– Со мной все в порядке.

– Тебе сейчас двенадцать?

– Тринадцать.

– Уже мужчина. А это твоя женщина? – Он кивнул на Бриду.

– Подруга.

– Мяса на ее костях немного, – заметил Элдвульф, – поэтому пусть остается просто подругой.

Кузнец был крупным человеком лет сорока, его руки, кисти, лицо были в черных пятнышках от бесчисленных укусов искр от горна. Он шел рядом с моей лошадью, без усилий держась с ней вровень, несмотря на свой уже не юный возраст.

– Расскажи мне о датчанах, – попросил он, с подозрением поглядывая на воинов Рагнара.
– Они служат ярлу Рагнару, – сказал я, – тому, который убил моего брата. Рагнар хороший человек.

– Который убил твоего брата? – Элдвульф, кажется, пришел в смятение.

– Судьба правит всем, – ответил я. Это было правдой и в то же время спасало от развернутого ответа.

– Ты его любишь?

– Он мне как отец. Тебе он понравится.

– Но он же датчанин, господин. Они, конечно, поклоняются правильным богам, – нехотя признал кузнец, – но я бы хотел, чтобы они ушли.

– Почему?

– Почему? – Элдвульф опять поразился моему вопросу. – Потому что это не их земля, вот почему. Я хочу ходить по ней и ничего не бояться. Я не хочу кланяться человеку только потому, что у него есть меч. У них один закон, а у нас другой.

– У них нет законов, – возразил я.

– Если датчанин убьет нортумбрийца, – с возмущением заговорил Элдвульф, – что делать человеку? Виры нет, шерифа нет, и лорда, к которому можно пойти за справедливостью, тоже нет.

Он говорил правду. Вира была платой за смертоубийство, и каждый человек имел цену. Мужчина стоил дороже женщины, если только она не была знатной леди, воин стоил дороже земледельца, но цена все равно имелась, и убийца мог избежать смерти, если семья убитого соглашалась принять виру. Шериф отправлял закон, сообщал обо всем олдермену, но с приходом датчан вся эта система исчезла. Больше не было закона, было лишь то, чего требовали датчане. Их такое устраивало, и мне подобная неразбериха шла на пользу, но я понимал, что нахожусь на особом положении. Я стал человеком Рагнара, Рагнар меня защищал, но без него я сделался бы просто изгоем или рабом.

– Твой дядя никого не защищает, – продолжал Элдвульф, – а вот Беокка защищал. Помнишь его? Рыжий священник, с косыми глазами и больной рукой.

– Я видел его в прошлом году, – сказал я.

– Видел? Где?

– Он был с Альфредом, королем Уэссекса.

– Уэссекс! – Элдвульф удивился. – Далеко. Он хороший человек, Беокка, хотя и священник. Он бежал, потому что не мог терпеть датчан. Твой дядя был в ярости. Сказал, что Беокка заслуживает смерти.

«Ясное дело, – подумал я, – ведь Беокка захватил с собой пергаменты, доказывающие, что я законный олдермен».

– Дядя и меня хотел убить, – сообщил я. – Кстати, я еще не поблагодарил тебя за то, что ты пытался отомстить Веланду.

– Твой дядя хотел отдать меня за это датчанам, только никто из датчан не возмутился моим поступком, поэтому он передумал.

– И вот теперь ты среди датчан, – напомнил я. – Привыкай.

Элдвульф немного подумал.

– Почему бы нам не отправиться в Уэссекс? – спросил он.

– Потому что западные саксы хотят сделать из меня священника, – сказал я, – а я хочу быть воином.

– Тогда в Мерсию, – предложил Элдвульф.

– Ею тоже правят датчане.

– Но там живет твой дядя.

– Мой дядя?

– Брат твой матери! – Кузнец поразился, что я не знаю собственной семьи. – Олдермен Этельвульф, если он еще жив.

– Отец никогда не рассказывал о матери.

– Потому что любил ее. Она была красавица, твоя мать, просто золото, умерла при родах.

– Этельвульф, – повторил я.

– Если он еще жив.

Но зачем идти к Этельвулфу, если у меня есть Рагнар? Этельвульф – родня, конечно, но я никогда его не видел и сомневался, что он вообще знает о моем существовании. У меня не было желания его искать и еще меньше хотелось учить грамоту в Уэссексе. Лучше я останусь с Рагнаром, так я и сказал Элдвулфу.

– Он учит меня сражаться, – добавил я.

– Учишься у лучшего, – нехотя признал кузнец. – Хорошим кузнецом тоже можно стать только так: учась у лучшего.

Элдвульф был хорошим кузнецом и, против собственной воли, полюбил Рагнара, потому что тот был щедр и ценил хорошую работу. Там, где мы жили, под Сюннигтвайтом, построили кузницу, и Рагнар заплатил чистым серебром за горн, наковальню, огромные молоты, мехи и щипцы, необходимые Элдвулфу. Зима почти подошла к концу к тому времени, как все было готово; тогда в Эофервике закупили руду, и наша долина огласилась звоном железа о железо.

Даже в самые холодные дни в кузнице было тепло, люди собирались там поболтать и поразгадывать загадки. Элдвульф обожал загадки. Я переводил его речь, а он дурачил датчан. Большинство его загадок были о мужчине и женщине, о том, что они делают вдвоем, и разгадать их было просто, а мне нравились сложные. «Мой отец и моя мать бросили меня на погибель, но одна добрая родственница пригрела и защитила меня, а я убил всех ее детей, но она все равно любила меня и кормила, пока я не взмыл над домами людей и не бросил ее». Я никак не мог разгадать эту загадку, и никто из датчан не мог, а Элдвульф отказывался назвать ответ. Но как-то раз я пересказал загадку Бриде, и она тут же ее решила.

– Кукушка, конечно, – моментально ответила она. И она была права.

Весной кузницу пришлось расширить. Все лето Элдвульф готовил металл для мечей, копий, топоров и лопат. Я как-то раз спросил его, каково ему работать на датчан, а он в ответ пожал плечами.

– Я работал на них и в Беббанбурге, – сказал он, – потому что твой дядя присягнул им на верность.

– Но разве в Беббанбурге есть датчане?

– Ни одного, но они время от времени приезжают, и он привечает их. Твой дядя платит им подать.

Кузнец смолк, услышав вопль, в котором мне почудилась ничем не прикрытая ярость.

Я выскочил из кузницы и увидел Рагнара: он стоял перед домом, а по дороге валила толпа, которую возглавлял всадник. И какой всадник! В кольчуге, с притороченным к седлу прекрасным шлемом, ярко раскрашенным щитом, длинным мечом, со множеством браслетов на руках. Этот молодой человек с длинными светлыми волосами и густой золотистой бородой в ответ на вопль Рагнара зарычал, как дикий зверь. Рагнар кинулся к нему, и мне на мгновение показалось, что юноша сейчас выхватит меч и пришпорит коня, но вместо этого он спрыгнул на землю и побежал в гору, а когда они с Рагнаром встретились, то принялись обниматься и хлопать друг друга по спинам.

Рагнар повернулся к нам: он улыбался так, что от его улыбки стало бы светло даже в Хеле.

– Сын! – крикнул он мне. – Мой сын приехал!

Это был Рагнар Младший, который прибыл из Ирландии со своим экипажем. Хотя он меня не знал, он обнял меня, оторвав от земли, закружил сестру, потрепал по голове Рорика, поцеловал мать, прикрикнул на слуг, надарил всем серебряных цепочек и приласкал собак.

Было приказано готовить пир, и в тот вечер он рассказал нам новости: что у него теперь есть свой корабль, что он приехал всего на несколько месяцев, а Ивар ждет его возвращения в Ирландию весной. Он был так похож на своего отца, что я тут же его полюбил. В доме всегда бывало весело, когда там был Рагнар Младший. Некоторые люди из его команды жили с нами и осенью, нарубив деревьев, пристроили к дому настоящий большой зал – зал, достойный ярла, с высокими перекрытиями и помостом, над которым был прибит череп кабана.

– Тебе повезло, – сказал мне как-то раз молодой Рагнар. Мы с ним крыли новую крышу, укладывая и прилаживая снопы соломы.

– В чем?

– В том, что мой отец не убил тебя в Эофервике.

– Повезло, – согласился я.

– Но он всегда хорошо разбирался в людях, – прибавил Рагнар Младший, передавая мне кувшин с элем. Сидя на коньке крыши, он оглядел долину. – Ему здесь нравится.

– Место хорошее. А как там, в Ирландии?

Он улыбнулся.

– Болота и скалы, Утред, и злые скрэлинги.

Скрэлингами называли тамошних жителей.

– Но дерутся они отменно! И там есть серебро. Чем больше они дерутся с нами, тем больше серебра нам достается. Ты собираешься выпить весь эль или оставишь и мне немного?

Я отдал ему кувшин и глядел, как эль стекает по его бороде, пока он осушает сосуд.

– Мне Ирландия, в общем, нравится, – продолжал он, допив, – но жить я там не хочу. Вернусь сюда. Найду себе земли в Уэссексе. Заведу семью. Разжирею.

– А почему бы тебе не остаться прямо сейчас?

– Потому что Ивар хочет, чтобы я вернулся туда, а Ивар – хороший господин.

– Я его боюсь.

– Хорошего господина и нужно побаиваться.

– Но твой отец не такой.

– Это для тебя, а для тех, кого он убил? Хотел бы ты столкнуться с ярлом Рагнаром Бесстрашным в клине?

– Нет.

– Значит, он тоже страшный, – заключил Рагнар, улыбаясь. – Пойдем захватывать Уэссекс, – сказал он, – найдем мне землю, на которой я буду жиреть!

Мы закончили работу, а потом мне пришлось идти в лес, потому что у Элдвульфа вечно кончался уголь, а только уголь давал достаточно жара, чтобы расплавить железо. Кузнец показывал воинам Рагнара, как жечь уголь, но лучше всего получалось у нас с Бридой, и мы много времени проводили в лесу. Угольные кучи требуют постоянного внимания: каждая должна гореть не меньше трех дней, и мы с Бридой нередко просиживали рядом с ними ночи напролет, глядя, как струйки дыма поднимаются от папоротника и дерна. Такой жидкий дым создавал обманчивое впечатление, но на самом деле внутри кучи горело жаркое пламя, и нам приходилось разгребать кучи и сыпать в них землю, чтобы погасить огонь.

Если получалось, мы жгли ольху. Элдвульф больше всего ценил это дерево, и наша задача заключалась в том, чтобы не дать запылать ольховым поленьям. Из каждых четырех поленьев, которые мы складывали в кучу, одно приходилось выбрасывать, а остальные превращались в легкий, густо-черный, пачкающийся уголь.

Чтобы пережечь кучу, требовалась неделя. Ольху мы старательно укладывали в широкую яму, в центре оставляли отверстие, куда засыпали уголь от предыдущих розжигов. Затем закрывали все папоротником, обкладывали толстым дерном и поджигали через отверстие в центре. Уголь загорался, мы закрывали отверстие, а после требовалось следить за молчаливым

темным огнем. Мы проделывали дырочки в основании ямы, чтобы впустить немного воздуха, но, если ветер менялся, отверстия приходилось закладывать и делать другие.

То была утомительная работа, аппетит у Элдвульфа был просто неумный, но мне нравилось. Всю ночь в лесу, у теплой кучи, как скедунгенган, к тому же вместе с Бридой, с которой мы стали больше чем просто друзьями.

Она потеряла своего первого ребенка здесь же, у угольной кучи. Она даже не знала, что беременна, но однажды ночью у нее начались острые боли. Я хотел побежать за Сигридом, но Брида мне не позволила. Она сказала, догадывается, что это такое, и я беспомощно наблюдал за ее муками и дрожал от страха в темноте до самого рассвета, когда она родила наконец крошечного мертвого младенца, мальчика. Мы похоронили его вместе с последом, Брида дотаскилась до дома, и Сигрид всполошилась – такой у нее был вид.

Напоив Бриду похлебкой из порея и бараньих мозгов, Сигрид велела ей оставаться дома. Должно быть, она подозревала, в чем дело, потому что несколько дней сердилась на меня и сказала Рагнару, что Бриду пора выдавать замуж. Брида и в самом деле вошла в возраст, ей исполнилось тринадцать, а в Сюннигтвайте было несколько молодых воинов, которым требовалась жена. Но Рагнар заявил, что Брида приносит воинам удачу, и захотел, чтобы она ехала с нами в Уэссекс.

– И когда же это? – спросила Сигрид.

– В следующем году, – ответил Рагнар, – или еще через год. Не позже.

– И что тогда?

– Англии больше не будет, – сказал Рагнар. – Она станет нашей.

Последнее королевство из четырех падет, Англия станет Данией, и все мы будем либо датчанами, либо рабами, либо покойниками.

Мы отпраздновали Йоль, и Рагнар Младший победил во всех состязаниях: он дальше всех кидал камни, поборол всех соперников и даже перепил своего отца, упоив того до бесчувствия. Потом наступили темные месяцы, долгая зима, а весной, когда прекратились штормы, Рагнару Младшему пришла пора уезжать. Вечером накануне его отъезда состоялся печальный пир, а на следующее утро он вывел своих воинов из большого зала и ушел с ними по дороге в серое марево. Рагнар провожал сына до самой долины и вернулся в новый зал со слезами на глазах.

– Он хороший человек, – сказал он мне.

– Я его полюбил, – ответил я искренне.

Да, так и было. Прошло много лет, прежде чем мы снова встретились, но я по-прежнему его любил.

После отъезда Рагнара Младшего осталось ощущение пустоты, но мне приятно вспоминать ту весну и то лето, потому что, когда настали долгие дни, Элдвульф выковал мне меч.

– Надеюсь, он будет лучше первого, – грубо сказал я.

– Первого?

– Того, который был у меня, когда мы атаковали Эофервик, – пояснил я.

– Ах, того! Это не моя работа. Твой отец купил его в Беревике, и я ему говорил, что меч плохой, но то был единственный короткий меч. Наверное, уток им резать было бы сподручно, но не сражаться. А что с ним случилось?

– Он согнулся, – ответил я, вспомнив, как хохотал Рагнар над моим оружием.

– Мягкое железо, мальчик, мягкое железо.

Существовало два вида железа, как объяснил кузнец, – мягкое и твердое. У твердого получался хороший режущий край, но оно было ломким, и меч из такого металла мог сломаться от первого же сильного удара. А клинок из мягкого железа мог согнуться, как и случилось с моим детским мечом.

– Значит, нам нужно и то и другое, – пояснил кузнец, готовя железные пруты.

Их было семь. Три – из твердого железа, и сам Элдвульф не вполне понимал, почему оно таким получается, он знал только, что заготовку нужно подержать в горящих углях, вынуть в нужный момент и охладить, тогда металл будет твердым и негнушимся. Остальные четыре прута были длиннее, гораздо длиннее, и Элдвульф держал их в угле не так долго. Эти четыре он вертел, пока каждый из них не превратился в спираль. Они по-прежнему оставались прямыми, но туго скрученными и сделались такой же длины, как и пруты из твердого железа.

– Зачем ты это делаешь? – спросил я.

– Увидишь, – загадочно ответил он, – скоро увидишь.

Итак, он подготовил эти семь пруты, каждый толщиной в мой большой палец. Три – из твердого металла, который Рагнар называл сталью, а четыре – из мягкого, скрученного в тугие спирали. Один из жестких пруты был длиннее и чуть толще остальных, он и стал основой меча, а дополнительная длина требовалась для гарды и рукоятки. Элдвульф начал стучать молотком по этому пруту, превратив его в полосу, похожую на очень тонкий и очень непрочный меч. Потом положил сверху и снизу главного стержня по две спирали из мягкого железа, словно ножны, а оставшиеся два прута положил по бокам, чтобы сделать края. Выглядело все это нелепо, этакий пучок прутьев... Но тут-то и началась главная работа: горн горел, молот стучал, металл раскалялся докрасна, черная окалина съеживалась, сгорая и отпадая, молот мелькал, искры летели, погруженный в воду металл шипел, – и приходилось терпеливо ждать, пока рождающийся клинок охлаждается в лохани с ясеновыми стружками.

Потребовалось несколько дней, чтобы сделать меч. Ковка, охлаждение и нагревание повторялись снова и снова, и я видел, как четыре спирали мягкого железа, теперь слившиеся со сталью, образовали удивительный узор – орнамент из завитков, тянувшихся по металлу дымными струйками. При нормальном освещении завитков было не видно, а в сумерках или на холоде, если подышать на клинок, они проступали. «Змеиный вздох» – так назвала Брида этот призрачный узор, и я решил дать такое имя и мечу – Вздох Змея. Элдвульф завершил работу, сделав бороздки по обеим сторонам вдоль середины клинка. Он сказал, что тогда меч не будет застревать в теле врага.

– Для стока крови, – проворчал он.

Навершие меча он сработал из железа, как и тяжелую гарду, и то и другое было простым, без украшений. Когда все было готово, я вырезал из ясеня накладку на рукоять и хотел украсить ее серебром или позолоченной медью, но Элдвульф отказался.

– Это инструмент, господин, – сказал он, – просто-напросто инструмент. То, что облегчает работу. Он ничем не лучше моего молота. – Кузнец поднял клинок так, что на нем заиграло солнце. – И в один прекрасный день, – продолжал он, наклоняясь ко мне, – ты убьешь им датчанина.

Он был тяжелым, Вздох Змея, слишком тяжелым для четырнадцатилетнего мальчишки, но его сделали на вырост. Его кончик слишком резко сужался, по мнению Рагнара, но это обеспечивало идеальный баланс, потому что избавляло меч от лишнего веса. Но Рагнар, наоборот, предпочитал, чтобы кончик меча перевешивал и им было легче пробивать щиты врагов. Мне же больше нравилась легкость и ухватистость Вздоха Змея; Элдвульф вложил в него все свое мастерство, а это означало, что меч никогда не погнется, никогда не сломается... Так и вышло, потому что меч этот до сих пор у меня.

Ясеновые накладки менялись, края лезвия зазубривались о вражеские клинки, и сейчас меч тоньше, чем тогда, потому что его слишком часто затачивали, но он по-прежнему прекрасен. Иногда я дышу на него и вижу, как проступает на лезвии узор: завитки и струйки дыма, голубой и серебряный цвета проявляются на металле, словно по волшебству. И тогда я вспоминаю ту весну и то лето в лесах Нортумбрии, и думаю о Бриде, и вижу ее отражение в только что выкованном клинке.

Во Вздохе Змея в самом деле заключено волшебство. Элдвульф знал особые заклинания, о которых не рассказывал мне, заклинания кузнеца. Потом Брида забрала меч и ушла с ним в лес на целую ночь; она тоже никогда не рассказывала, что делала с ним, какие женские заклинания на него наложила. Когда мы совершали жертвоприношение в большой яме и убивали человека, коня, барана, быка и селезня, я попросил Рагнара убить назначенного в жертву мужчину Вздохом Змея, чтобы Один знал о существовании этого меча и заботился о нем. Так на меч было наложено заклинание язычника и воина.

Мне кажется, Один действительно заботится о мече, потому что им убито больше народу, чем я могу вспомнить.

Только к концу лета Вздох Змея был готов, а осенью, когда на море начались штормы, мы двинулись на юг. Настало время покончить с Англией, поэтому мы отправились в Уэссекс.

Глава пятая

Мы собрались в Эофервике, и жалкий король Эгберт был вынужден устроить смотр датского войска и пожелать ему счастливого пути. Он подъехал к реке, где стояли в ожидании корабли, а оборванные гребцы выстроились на берегу и насмешливо глядели на него, зная, что он не настоящий король. За Эгбертом ехали Кьяртан и Свен, ставшие его датскими гвардейцами, хотя я подозреваю, что работа этой гвардии заключалась в том, чтобы не только оберегать короля, но и не дать ему бежать. Свен, превратившийся из подростка в мужчину, завязал пустую глазницу шарфом, и они с отцом выглядели довольно внушительно. На Кьяртане была кольчуга, за плечом – тяжелый боевой топор; у Свена имелся длинный меч, плащ из лисьей шкуры и два браслета.

– Они участвовали в резне в Стреоншеле, – сказал мне Рагнар.

Видно, люди, обрушившие свою ярость на монашек большого женского монастыря рядом с Эофервиком, приобрели неплохое состояние.

Кьяртан, у которого на руках болталась дюжина браслетов, посмотрел Рагнару в глаза.

– Я все еще готов тебе служить, – сказал он, хотя и без той униженности, с какой обращался к ярлу в последний раз.

– У меня уже есть новый рулевой, – ответил Рагнар.

Больше он ничего не сказал, и Кьяртан со Свеном проехали дальше, но Свен успел сложить пальцы в недобрый знак.

Нового рулевого звали Токи, уменьшительное от Торбьёрна, он был изумительным мореходом, еще лучшим воином и рассказывал байки о том, как ходил со шведами в удивительные земли, где нет деревьев, кроме берез, где зима на долгие месяцы укрывает землю снегом. Он утверждал, будто тамошний народ ест своих детей, поклоняется великанам и имеет на затылке третий глаз, – и некоторые из нас верили его рассказам.

Мы гребли на юг с последними летними приливами, держась, как обычно, берега и высаживаясь на ночлег на голые берега Восточной Англии. Мы направлялись к реке Темез, и Рагнар говорил, что по ней мы доберемся до северных границ королевства Уэссекс.

Флотилией теперь командовал Рагнар. Ивар Бескостный отправился на завоеванные им земли Ирландии, взяв с собой золото, которое Рагнар послал в подарок старшему сыну, а Убба опустошал Далриаду – земли к северу от Нортумбрии.

– Там немногим можно разжиться, – заметил Рагнар насмешливо, но Убба, как и Ивар, скопил столько богатств, завоевывая Нортумбрию, Мерсию и Восточную Англию, что уже не помышлял об Уэссексе. Хотя, как я расскажу в свое время, позже Убба передумал и отправился на юг.

Но сейчас его и Ивара с нами не было, и главный удар по Уэссексу должен был нанести Хальфдан, их третий брат, который вывел сухопутную часть армии из Восточной Англии, собираясь встретиться с нами где-нибудь на Темезе.

Рагнар не радовался таким переменам. «Хальфдан, – бурчал он, – нетерпеливый дурак, он слишком запальчив!»

Но Рагнар приободрялся, вспоминая мой рассказ об Альфреде. Уэссексом правили люди, возлагающие все надежды на христианского Бога, у которого вовсе не было силы. У нас же имелись Один, Тор, воины и корабли.

Через четыре дня мы поравнялись с устьем Темеза и принялись грести против сильного течения, медленно входя в реку. В первое утро пути можно было видеть только северное побережье Восточной Англии, но к полудню размытой полосой на горизонте появился и южный берег – некогда королевство Кент, а теперь часть Уэссекса. К вечеру берега разделяло расстояние в полмили, но смотреть там было не на что, потому что река несла свои воды по плоской заболоченной местности. Мы по возможности пользовались приливом и стирали руки о весла, когда такой возможности не представлялось; и вот так, поднимаясь против течения, я впервые в жизни попал в Лунден.

Я-то думал, что Эофервик большой город, но по сравнению с Лунденом он казался просто деревней. Раскинувшийся на обширном пространстве, сплошь в дымах от полевых костров, Лунден когда-то был построен в том месте, где сходились Мерсия, Восточная Англия и Уэссекс. Сейчас им правил Бургред Мерсийский, поэтому город был датским, и никто не пытался нас задержать, пока мы приближались к потрясающему мосту, перекинутому через широкий Темез.

Лунден. Я полюбил это место. Не так, как любил Беббанбург, но в Лундене кипела жизнь, какой я нигде больше не видел, потому что и город не был похож на все остальные города. Альфред как-то раз мне сказал, что здесь нашли пристанище все мыслимые пороки, и я с радостью могу подтвердить – так и есть. Альфред молился за спасение Лундена, а я веселился вместе с этим городом и до сих пор помню, как пожирал глазами два холма, на которых он стоял, пока корабль Рагнара боролся с течением, чтобы подойти к мосту. День был серым, по реке барабанили капли дождя, но мне казалось, что Лунден освещен волшебным сиянием.

Вообще-то, на двух холмах стояли два города. Восточный построили римляне, и именно здесь мост начинал свой полет над широкой рекой к заболоченному южному берегу. В этой части Лундена стояли каменные здания, его защищала настоящая стена, не из земли и досок, а каменная, высокая и широкая, опоясанная рвом. Во рву было полно мусора, в стене кое-где виднелись деревянные заплатки, в самом же городе крытые соломой лачуги кое-где лепились к стенам высоких римских домов. Тут жили мерсийцы, хотя большинство опасались здесь селиться. Один из мерсийских королей выстроил на вершине холма замок с каменными стенами и большую церковь – ее нижняя часть была из камня, а верхняя из дерева, но в основном народ, словно боясь римских призраков, обустроивался за стенами: в новом, западном городе из дерева и соломы.

Когда-то в старом поселении имелись верфи и набережные, но они давно сгнили, поэтому к востоку от моста реку загромождали коварные гниющие сваи и обломки причалов, торчащие из реки, словно выбитые зубы. Новый город, как и старый, лежал на северном берегу реки; но лишь на низком западном холме, в половине мили вверх по течению, дома стояли вдоль прибрежной дороги, на усыпанном галькой берегу.

Я никогда еще не видел такого грязного берега, воняющего отбросами и дерьмом, заваленного мусором, из которого торчали ребра брошенных кораблей, и никогда еще не слышал такого громкого вопля чаек, но именно туда шли наши корабли, а значит, сначала нам предстояло миновать мост.

Только богам ведомо, как римляне такое построили. Можно было пройти весь Эофервик из конца в конец, и все-таки это было бы меньше длины лунденского моста. Хотя тогда, в 871 году, мост пришел в негодность и пересечь его из конца в конец не представлялось возможным. Две арки посередине давно обвалились, хотя опоры все еще держались, и вода завивалась вокруг опор белыми водоворотами. Чтобы построить мост, римлянам пришлось вбить ряды свай в дно Темеза и в ненадежную заболоченную землю на южном берегу; сваи эти стояли так близко друг к другу, что вода дыбилась горбом, ударяясь о них и с шумом катясь под пролетами моста. Чтобы причалить к грязному берегу нового города, нужно было проскочить в один из пролетов, но все они были слишком узкими, и корабль с веслами там бы не прошел.

– Интересно будет попробовать, – без выражения произнес Рагнар.

– А у нас получится? – спросил я.

– Они же это сделали, – он указал на корабли, стоящие на берегу за мостом, – значит и мы сможем.

Мы стояли на якоре, дожидаясь, пока подойдут остальные корабли.

– Франки, – продолжал Рагнар, – понастроили таких мостов через все свои реки. И знаешь для чего?

– Чтобы ходить с берега на берег? – предположил я.

Такой ответ напрашивался сам собой.

– Чтобы лишить нас возможности подниматься по этим рекам, – сказал Рагнар. – Если бы я был правителем Лундена, я бы починил мост. Слава англичанам, что они не удосужились этого сделать.

Мы проскочили между опорами, дождавшись верхней точки прилива: перед тем как пойти на убыль, он максимально повысил уровень воды в реке, и сила потоков, омывающих опоры моста, стала меньше. За это короткое время нам удалось провести под мостом семь или восемь судов. Мы гребли, разгоняясь, неслись на полной скорости к пролету, а в самый последний миг поднимали весла, чтобы протиснуться между гниющими сваями. Еще некоторое время судно двигалось по инерции и таким образом проходило под мостом.

Не все корабли удалось провести с первого раза. Я видел, как два едва не погибли: они ударились о сваи, ломая весла, а потом, под проклятия команды, их отнесло течением назад. Однако «Летучий змей» прошел сразу, правда, за мостом потерял скорость, но нам удалось выдвинуть передние весла, чуть сменить курс и, дюйм за дюймом, отползти от коварного пролета. С уже причаливших кораблей нам кинули веревки, оттащили от моста, а оказавшись на спокойной воде, мы смогли подгрести к берегу.

С южного берега, с низких лесистых холмов позади темных болот, за нами наблюдали всадники. То были западные саксы; наверное, они считали корабли, чтобы оценить размеры Великой Армии. Так назвал ее Хальфдан – Великая Армия Датчан, идущая захватить Англию. Но пока мы были чем угодно, только не великой армией. Нам предстояло ждать в Лундене, пока придут другие суда, пока по длинным римским дорогам подтянутся воины с севера. Уэссексу придется подождать, пока датчане соберутся.

И пока тянулось ожидание, мы с Бридой и Рориком исследовали Лунден. Рорик снова был нездоров, и Сигрид не хотела отпускать его с отцом в поход, но Рорик очень просил мать. Рагнар заверил ее, что морской воздух изгонит все болезни, и вот Рорик поехал с нами. Он был бледен, но его не тошнило, и он, как и я, сгорал от желания увидеть город.

Рагнар велел мне оставить на борту браслеты и Вздох Змея – дескать, в городе полно воров.

Сперва мы бродили по новой части Лундена, зловонными переулками, где мужчины обрабатывали кожи, стучали молотками по меди или раскаленному железу, а женщины сидели за ткацкими станками. В одном из дворов резали овец, в лавках торговали горшками, солью, живыми угрями, одеждой, оружием – всем, что только можно было себе представить.

Колокола церковей раздражались оглушительным звоном каждый раз, когда наступало время молитвы или когда покойника несли на городское кладбище. По улицам рыскали стаи собак; повсюду сидели коршуны; дым, словно туман, стелился над соломенными закопченными крышами.

Я видел телегу, до того тяжело нагруженную тростником для крыш, что она была полностью скрыта под ним, и казалось, будто ворох тростника едет сам – скребет по дороге, цепляется за стены домов по обеим сторонам улицы, пока два раба орут и хлещут волов, покрытых кровавой пеной. Люди ругали рабов за то, что воз слишком большой, но те продолжали нахлестывать волов. Когда телега снесла порядочный кусок подгнившей крыши, завязалась драка.

Нищие были повсюду: слепые детишки, безногие женщины, мужчины с мокнущими язвами на щеках. Здесь был народ, говоривший на неведомых языках, люди в странных нарядах, приехавшие из-за моря; а в старом городе, куда мы отправились на следующий день, я видел двух человек с кожей цвета лесного ореха. Равн потом сказал, что они из Блаланда, хотя он не знал толком, где это. Эти люди носили одежду из плотной ткани, имели при себе кривые сабли и разговаривали с работорговцем, у которого во дворе было полно пленных англичан, – пленникам предстояло отправиться в таинственные земли Блаланда.

– А вы трое принадлежите кому-нибудь? – полушутя окликнул нас работорговец.

– Ярлу Рагнару, – ответила Брида, – он будет счастлив тебя навестить.

– Передайте вашему господину мое почтение, – ответил торговец и сплюнул, провожая нас взглядом.

Дома в старом городе были поразительные: римской работы, высокие, крепкие, они впечатляли, несмотря на проломленные стены и провалившиеся крыши. Некоторые имели три и даже четыре этажа, и мы гонялись друг за другом по их пустым лестницам.

Англичане здесь почти не жили, но, по мере того как прибывала армия, дома заселялись датчанами. Брида сказала, что умные люди не станут жить в римском городе из-за привидений, которые обычно водятся в старых домах. Возможно, она была права. В Эофервике я ни разу не видел привидений, но когда она упомянула о призраках, мы забеспокоились и принялись всматриваться в пролет между лестницами – в темный, обнесенный колоннами провал.

Мы провели в Лундене несколько недель и, даже когда пришла армия Хальфдана, не сразу двинулись на запад. Конные отряды отправились за провиантом, но Великая Армия все еще собиралась. Некоторые ворчали, что мы слишком долго ждем, теряем зря драгоценное время, давая саксам возможность подготовиться, но Хальфдан желал дожидаться всех. Западные саксы время от времени приближались к городу; дважды между их всадниками и нашими завязывались схватки, но потом саксы, должно быть, решили, что мы ничего не предпримем до конца зимы (приближался Йоль), и больше их отряды не подходили близко.

– Мы не станем ждать весны, – сказал Рагнар. – Выступим посреди зимы.

– Почему?

– Потому что ни одна армия не воюет зимой, – осклабившись, объяснил он. – Значит, саксы будут сидеть по домам, вокруг огня, и молиться своему немощному богу. А к весне, Утред, вся Англия станет нашей.

В эту зиму все мы работали. Я возил дрова, а когда не тащил в город бревна с заросших лесом северных холмов, упражнялся с мечом. Рагнар попросил Токи, нового рулевого, учить меня управлять судном, и тот оказался хорошим наставником. Но, увидев, как я повторяю основные фехтовальные приемы, Токи велел их забыть.

– В клине и «стене щитов» побеждает жестокость. Будет неплохо знать приемы, и хитрость тоже придется кстати, но побеждает там все-таки жестокость. Возьми вот это. – Он протянул мне тесак с широким лезвием, даже шире, чем мой старый.

Мне не понравился тесак, он был гораздо короче Вздоха Змея и некрасивый, но сам Токи носил точно такой же вместе со своим прекрасным мечом. Он убедил меня, что в клине короткое широкое лезвие лучше всего.

– Там нет места, чтобы размахиваться и рубить, зато можно колоть, а короткому клинку нужно меньше места в общей свалке. Пригнись и ударь, целясь прямо в пах.

Он велел Бриде держать щит, изображая врага. Я встал слева от Токи, и он замахнулся на нее сверху, а она интуитивно подняла щит.

– Стой! – крикнул он, и Брида застыла. – Видишь? – обратился он ко мне. – Твой сосед заставляет врага закрыться щитом, а ты колешь его в живот.

Он научил меня дюжине других приемов, и я часто упражнялся, потому что мне это нравилось. И чем больше я упражнялся, тем крепче становились мои мышцы, тем лучше у меня получалось.

Обычно мы тренировались на римской арене – так называл это место Токи, хотя ни он, ни я понятия не имели, что означает это слово. Арена входила в число удивительных, поражающих воображение построек. Представьте себе огромное поле, окруженное кольцом каменной стены, где из швов кладки пробивается трава. После я узнал, что мерсийцы устраивали здесь фолькмот¹⁰, но Токи сказал, что римляне когда-то использовали арену для боев, в которых гибли люди. Возможно, он рассказал свою очередную байку, но арена была громадной, невообразимо громадной, и от нее веяло тайной. Ее соорудили гиганты, и там мы ощущали себя гномами: вся Великая Армия могла бы запросто на ней уместиться, а еще две такие армии расселись бы на каменных ступенях.

Пришел Йоль, начались праздники, и половина воинов блевали на улицах, а мы так и не выступили. Но вскоре после праздников командиры собрались в замке рядом с ареной. Мы с Бридой, как обычно, были глазами Равна, а он, как всегда, растолковывал нам то, что мы видели.

Совет состоялся в замковой церкви, римской постройке с крышей, похожей на разрезанный пополам бочонок. На своде были нарисованы луна и звезды, но голубая и золотистая краски выцвели и осыпались. Посреди церкви развели огромный костер, от него под крышей клубился дым. Хальфдан стоял за алтарем, вокруг него собрались самые уважаемые ярлы, в том числе уродливый человек с тупым лицом, с большой каштановой бородой, без одного пальца на левой руке.

– Это Багсег, – сказал нам Равн, – он называет себя королем, хотя не лучше всех остальных.

Как оказалось, Багсег пришел из Дании летом и привел восемнадцать кораблей и почти шесть сотен воинов. Рядом с ним стоял высокий угрюмый человек с седыми волосами и подергивающимся лицом.

– Ярл Сидрок, – пояснил Равн. – Наверное, и его сын с ним?

– Такой худой, – сказала Брида, – с сопливым носом.

– Ярл Сидрок Младший. У него вечно течет из носа. А мой сын там?

– Да, – сказал я, – рядом с очень толстым человеком, который что-то шепчет ему и посмеивается.

– Харальд! – сказал Равн. – Я все гадал, явится ли он. Это еще один король.

– Настоящий? – спросила Брида.

– Ну, он называет себя королем, но на самом деле правит несколькими грязными полями и стадом вонючих свиней.

¹⁰ Народное собрание (уст.).

Все эти люди прибыли из Дании, но явились воины и из других мест: ярл Фрэна, который привел отряд из Ирландии, ярл Осберн, чьи воины стояли гарнизоном в Лундене, пока собиралась армия, – всего у этих королей и ярлов набралось больше двух тысяч человек.

Осберн и Сидрок предлагали пересечь реку и ударить с юга. Тогда, утверждали они, Уэссекс окажется разделенным на две части, и восточную часть, бывшее королевство Кент, можно будет захватить быстро.

– В Контварабурге должно быть полно сокровищ, – прикинул Сидрок, – ведь там находится их главная святыня.

– А пока мы идем к этой святыне, – возразил Рагнар, – нас обойдут сзади. Их силы не на востоке, а на западе. Покорим запад, и Уэссекс падет. А когда падет запад, мы сможем захватить Контварабург.

Вот об этом и шел спор. Либо захватить менее защищенную часть Уэссекса, либо атаковать главные крепости на западе. Слово попросили два купца: оба были датчанами, всего две недели назад торговавшими в Редингуме, который стоял в нескольких милях вверх по реке, на границе Уэссекса. Торговцы клялись, будто слышали, что король Этельред и его брат Альфред собирают армии западных графств; по мнению купцов, в объединенной армии будет не меньше трех тысяч человек.

– Из которых только три сотни настоящих воинов, – насмешливо заметил Хальфдан, и в ответ мечи и копья застучали о щиты.

Эхо все еще отдавалось под сводом, похожим на половинку бочонка, когда вошли новые воины под предводительством очень высокого и крепкого человека в черной накидке. Он выглядел весьма внушительно – чисто выбритый, свирепый с виду, явно очень богатый: его черный плащ был заколот громадной брошью из оправленного в золото янтаря, руки сплошь в золотых браслетах, на шее висел на толстой золотой цепочке золотой молот Тора. Все расступались, пропуская его, оказавшиеся с ним рядом умолкали, и чем дальше он шагал по церкви, тем становилось тише, словно недавнее веселье вдруг показалось совершенно неуместным.

– Кто там? – шепотом спросил Равн.

– Кто-то очень высокий, – ответил я, – весь в браслетах.

– Угрюмый, – вставила Брида, – весь в черном.

– А! Ярл Гутрум, – сказал Равн.

– Гутрум?

– Гутрум Невезучий.

– Это при стольких-то браслетах?

– Гутруму можно отдать целый мир, – пояснил Равн, – и он все равно будет считать, что его обделили.

– У него в волосах кость, – удивилась Брида.

– Непременно спросите его, что это такое. – Равн явно развеселился, но больше ничего не сказал о кости. Кажется, это было ребро, окованное золотом.

Я выяснил, что Гутрум Невезучий – датский ярл, зимовавший в Бемфлеоте, местечке на востоке от Лундена, в северной части устья Темеза. Поприветствовав собравшихся вокруг алтаря, он объявил, что привел с собой четырнадцать кораблей. Никто не восхитился. Гутрум, у которого было самое печальное, самое кислое лицо, какое я когда-либо видел в жизни, оглядел собрание с видом подсудимого, ожидающего сурового приговора.

– Мы решили, – прервал неловкое молчание Рагнар, – идти на запад.

Решение еще не было принято, но никто не стал спорить.

– Те корабли, которые уже миновали мост, – продолжал Рагнар, – пойдут вверх по реке, а остальная армия двинется пешком или верхом по суше.

– Мои корабли пойдут вверх по реке, – сказал Гутрум.

– Они миновали мост?

– Они пойдут вверх по течению, – настойчиво повторил Гутрум, и всем стало ясно, что его флот пока еще за мостом.

– Лучше всего выступить завтра, – сказал Рагнар.

В последующие дни вся Великая Армия подтянулась в Лунден, покинув поселения на западе и востоке от города, и чем дольше мы ждали, тем меньше оставалось драгоценных припасов.

– Я иду на кораблях вверх по течению, – безо всякого выражения повторил Гутрум.

– Он боится, – зашептал мне Равн, – что не сможет вывезти на лошадях все богатства. Ему нужны суда, чтобы нагрузить их золотом.

– Зачем брать его с собой? – спросил я.

Было ясно, что никто не любит ярла Гутрума, его приход оказался неожиданным и неуместным, но Равн даже не стал отвечать на мой вопрос. Гутрум уже здесь, а если он здесь, он примет участие в походе. Это было выше моего разума, а еще я никак не мог понять, почему Ивар и Убба не приходят завоевывать Уэссекс. Они и вправду были очень богаты и больше не нуждались в сокровищах, но они годами говорили о покорении западных саксов, а теперь оба просто умыли руки. Гутрум тоже не нуждался ни в сокровищах, ни в землях, но считал, что нуждается, поэтому и пришел. Это было очень по-датски. Люди участвовали в походе, если хотели, а если не хотели – сидели дома. У датчан не было единого правителя. Хальфдан возглавлял Великую Армию, но люди не боялись его так, как двух его старших братьев, поэтому он не мог повлиять на решение других ярлов. Армия, как я понял потом, нуждается в одном предводителе, который ее поведет. Поставь над армией двух начальников, и она станет вдвое слабее.

Прошло два дня, прежде чем корабли Гутрума сумели пройти под мостом. У него были красивые суда, длиннее остальных, с черными змеиными головами на носу и на корме. Многочисленные люди Гутрума носили черную одежду и даже щиты красили в черный цвет. Хотя я считал Гутрума самым неприятным из всех виденных мною людей, я не мог не признать, что войско его производит впечатление. Пусть мы потеряли два дня, зато приобрели черных воинов.

Да и чего нам было опасаться? Великая Армия собралась в разгар зимы, когда никто не воюет, враг нас не ждал, к тому же вражеские король и принц предпочитали молиться, а не сражаться. Перед нами лежал Уэссекс, и было известно, что это богатая страна, одна из самых богатых в мире, может, даже богаче Франкии, населенная монахами и монахинями, чьи монастыри набиты золотом и серебром и просто ждут не дождутся своего часа. Все мы станем богачами.

Итак, мы отправлялись на войну.

* * *

Суда на зимнем Темезе. Суда, скользящие мимо зарослей камыша, голых ив и безлистой ольхи. Мокрые весла сверкают в лучах бледного солнца. На носках наших кораблей укреплены головы чудовищ, чтобы отпугнуть духов той земли, на которую мы вторглись, а это хорошая земля, с богатыми полями, хотя и пустыми в такое время года.

Всех охватило праздничное настроение, которое не портили даже черные корабли Гутрума. Люди прыгали по веслам – точно так, как это делал Рагнар в тот далекий день, когда три его корабля подошли к Беббанбургу. Я тоже попытался, и все очень веселились, когда я свалился в воду. При взгляде с берега это казалось легко – перескакивать с весла на весло, – но стоило гребцу лишь немного шевельнуть веслом, и ты тут же падал, а вода в реке была ужасно холодной. Рагнар заставил меня снять мокрую одежду и надеть его плащ на медвежьем меху, чтобы согреться.

Люди пели, корабли шли против течения, далекие холмы на севере и юге постепенно становились ближе к воде, а вечером мы увидели на горизонте на юге первого всадника – он наблюдал за нами.

В сумерках мы достигли Редингума. На всех трех кораблях Рагнара имелось много лопат, по большей части выкованных Элдвульфом, и первой нашей задачей стало строительство стены. Чем больше прибывало судов, тем больше у нас становилось помощников, и к ночи наш лагерь был обнесен длинным и неровным земляным валом, который вряд ли мог стать препятствием для наступающей армии, потому что представлял собой просто невысокую насыпь. Ее ничего не стоило пересечь, но никто не пришел, чтобы на нас напасть. Уэссекская армия не появилась и на следующее утро, поэтому нам удалось сделать стену выше и крепче.

Редингум стоял в месте впадения реки Кенет в Темез, поэтому наша крепость была защищена двумя реками. Мы опоясали стеной весь городок, покинутый жителями, в чьих домах и разместились большая часть корабельных команд. Сухопутная часть армии пока не прибыла, потому что шла по землям Мерсии, по северному берегу Темеза, в поисках брода, который оказался выше по течению. Наша стена была почти готова, когда они появились. Сперва мы решили, что приближается армия англосаксов, но это оказались люди Хальфдана: они шли с пустынной территории врага.

К тому времени мы успели построить высокую стену, поскольку на юге оказались хорошие леса. Свалив деревья, мы выстроили частокол по всему периметру, который составил восемьсот метров; выкопали под стеной ров и залили его водой, пробив каналы в обе реки, а над рвом перекинули четыре моста – их защищали деревянные форты. Это был основной лагерь. Отсюда нам предстояло – и было необходимо – двинуться вглубь Уэссекса, потому что при таком количестве людей, а теперь еще и лошадей за стеной нам грозил голод, если мы не добудем зерна, сена и мяса. Мы привезли с собой много эля, запас муки, соленого мяса и сушеной рыбы, но эти горы провизии убывали с поразительной быстротой.

Когда поэты повествуют о войне, они говорят о клине, воспевают полет стрел и копий, клинок, ударяющий по мечу, героев, павших и уцелевших, но я обнаружил, что на самом деле на войне все зависит от провианта. От того, сыты ли люди и кони. Армия, которая лучше ест, побеждает. А еще, если в крепости имеются лошади, необходимо выгребать навоз. Прошло всего два дня с прибытия сухопутной части армии, а у нас уже заканчивалась еда. Два Сидрока, отец и сын, повели большой отряд на запад, вглубь вражеских земель, чтобы найти провизию для людей и лошадей, но вместо этого нашли войско Беррокскира.

Потом оказалось, что наша идея напасть среди зимы вовсе не была новостью для саксов. Датчане имели отличных шпионов, их торговцы проникали туда, куда не могли бы проникнуть воины, но и у саксов в Лундене имелись свои осведомители, которые знали, сколько нас и когда мы выступаем.

Итак, они собрали армию, чтобы нас встретить. Еще саксы позвали на помощь жителей Южной Мерсии, где влияние датчан было небольшим. Беррокскир лежал прямо на север от уэссекской границы, и жители Беррокскира перешли реку, чтобы помочь соседям; их войско возглавлял олдермен по имени Этельвульф.

Был ли это мой дядя? Многие носили имя Этельвульф, но сколько в Мерсии олдерменов с таким именем? Признаюсь, меня охватило странное чувство, когда я услышал это имя, и я подумал о матери, которой никогда не знал. Мне казалось, она должна была быть женщиной бесконечно доброй, бесконечно милой и любящей, и я подумал: вдруг она сейчас наблюдает за мной откуда-нибудь – с небес, или из Асгарда, или куда там отправляются наши души в бесконечной тьме. Я понимал: ей никак не может понравиться, что я иду с чужой армией против ее брата, поэтому в тот вечер у меня было скверное настроение.

Но скверное настроение было и у всей Великой Армии: мой дядя (если Этельвульф в самом деле был моим дядей) разгромил отряд двух ярлов Сидроков. Они напоролись на засаду,

и жители Беррокскира убили двадцать одного датчанина и захватили восемь в плен. Англичане тоже потеряли несколько человек, один из них попал в плен, но они победили, и датчан не утешало, что у врагов имелся численный перевес. Датчане ожидали победы, а вместо этого им пришлось удирать без столь нужного им провианта. Все были пристыжены и ошеломлены: датские воины никогда не думали, что какие-то англичане могут их побить.

Мы пока не голодали, но у лошадей кончалось сено, которое и без того было не слишком хорошим кормом, овса совсем не осталось, и нам приходилось косить зимнюю траву, которая еще торчала за стеной. Через день после победы Этельвульфа мы с Рориком и Бридой отправились вместе с целым отрядом в поле, где срезали траву длинными ножами и набивали ею мешки... И тут пришла армия Уэссекса.

Должно быть, их воодушевила победа Этельвульфа, потому что теперь Редингум атаковало целое войско. Об их приближении предупредил донесшийся с запада крик, а потом я увидел несущихся на нас галопом всадников – они рубили людей мечами, протыкали их копьями, и мы втроем бросились бежать.

Я услышал за спиной топот копыт, повернул голову, увидел несущегося на меня человека с копьем и понял, что одному из нас суждено сейчас умереть. Я схватил Бриду за руку, чтобы оттащить в сторону, но тут из-за стены Редингума вылетела стрела и угодила всаднику в лицо. Он дернулся, кровь текла из его щеки. А тем временем люди в панике толпились у двух главных мостов, и всадники-англосаксы, заметив это, устремились туда.

Мы трое наполовину перешли, наполовину переплыли ров, и два человека вытянули нас, мокрых, грязных и дрожащих, на стену.

Перед крепостью теперь царил хаос. Тех, кто резал траву на дальнем конце рва, теперь гнали в центр поля, когда появилась уэссекская пехота: отряд за отрядом выходил из леса на горизонте. Я помчался к дому, достал спрятанный под стопкой плащей Вздох Змея, надел перевязь и выбежал искать Рагнара. Он ушел на ближайший к Темезу мост, мы с Бридой заметили там его дружину.

– Ты никуда не пойдешь, – сказал я Бриде. – Оставайся с Рориком.

Рорик был младше нас, после купания во рву он непрерывно дрожал, ему было нехорошо, поэтому я заставил его остаться дома.

Брида же пропустила мои слова мимо ушей. Она вооружилась копьем и заметно волновалась, хотя ничего еще не произошло. Рагнар смотрел за стеной. Все больше народу подтягивалось к воротам, но Рагнар пока не открывал их, чтобы перейти мост. Он оглянулся назад – посмотреть, сколько у него воинов, – и прокричал:

– Щиты!

В спешке некоторые воины прибежали с одними топорами и мечами и теперь кинулись за щитами.

У меня щита не было, но мне и не полагалось здесь находиться, и Рагнар пока меня не видел.

А видел он завершение резни: всадники-англосаксы приканчивали последних наших фуражиров. Несколько врагов пали от стрел, но и у датчан, и у англичан было мало лучников. Мне нравились лучники: они могли убивать на большом расстоянии, и, даже если стрелы не убивали, они заставляли врага нервничать.

Когда стреляют из луков, двигаться приходится вслепую, пряча голову за щитом, но стрельба из лука требует большого искусства. Кажется, это легко, у любого ребенка есть лук и стрелы, но настоящий лук, способный поразить кабана с сотни шагов, – это огромная штука из тиса. Чтобы натянуть его, требуется немало силы, и, если не упражняться постоянно, стрелы летят куда попало, поэтому лучников у нас всегда было мало. Я никогда не имел дела с луком. С копьем, мечом, топором я был опасен в бою, а вот с луком – совершенно бесполезен.

Иногда я задумываюсь, отчего мы не остались за стеной. Она была полностью готова; чтобы перебраться через нее, врагу пришлось бы пересечь ров или попытаться пройти по мостам, а делать это пришлось бы под дождем стрел, копий и топоров. У них наверняка ничего бы не вышло, но тогда они осадили бы нас, и Рагнар решил атаковать. И не только Рагнар. Пока он собирал людей у северных ворот, Хальфдан делал то же самое у южных, а когда оба увидели, что собралось достаточно народу, а пехота врага все еще находится в паре сотен метров от стены, Рагнар приказал открыть ворота и повел людей в бой.

Армия англосаксов под огромным знаменем с драконом надвигалась на центральные мосты, очевидно полагая, что устроенная англичанами резня станет преддверием большой битвы. У них не было лестниц, поэтому я понятия не имею, как они собирались преодолеть недавно построенную стену. Но иногда в пылу сражения людей охватывает своего рода безумие, и они совершают неразумные, беспричинные поступки. У уэссекских воинов не было причины толпиться под средней частью стены, не имея возможности ее преодолеть, но они все равно там толпились, и вот наши бойцы повалили из двух боковых ворот, чтобы атаковать с севера и юга.

– Клинь! – ревел Рагнар. – Строимся клином!

Всегда слышно, как строится клин, или «стена щитов». Самые лучшие щиты делают из липы или из ивы, и, когда воины ставят их внахлест, раздается деревянный стук. Левая часть твоего щита ложится поверх правой части щита товарища, чтобы врагам, большинство из которых правши, приходилось пробивать двойной слой древесины.

– Сдвинуть щиты! – приказал Рагнар.

Он стоял в центре ряда, под своим знаменем – растрепанным орлиным крылом, и на нем был дорогой шлем, выдающий в нем вождя, человека, которого следует убить первым. Рагнар по-прежнему носил шлем моего отца, прекрасный шлем, выкованный Элдвульфом, с лицевой частью, обрамленной серебром, а еще кольчугу – и опять-таки лишь у немногих имелось подобное сокровище, большинство же обходились кожаными доспехами.

Враги развернулись нам навстречу, тоже выстраиваясь клином, и я увидел группу всадников, галопом мчащихся под знаменем с драконом. Мне показалось, что я заметил рыжую голову Беокки, значит, и Альфред был там – наверное, среди монахов в черных рясах, которые, без сомнения, молились сейчас о нашей гибели.

Клин англосаксов был длиннее нашего. И не только длиннее, но и шире, у нас было по три человека в ряду, а у них по пять-шесть. Здравый смысл говорил, что нам стоит либо остаться там, где мы стоим, и дать им возможность наступать, либо вернуться под прикрытие моста и рва, но все больше датчан собиралось под знамя Рагнара, да и сам Рагнар не собирался рассуждать разумно.

– Просто убейте их! – кричал он. – Просто убейте! Убейте!

И он повел своих воинов вперед. Остальные датчане издали оглушительный боевой клич и двинулись следом. Обычно два клина долго стоят друг против друга, выкрикивая оскорбления и угрозы, набираясь храбрости перед самым жутким моментом, когда дерево врезается в дерево, клинок ударяет по клинку, но кровь Рагнара бурлила, и ему было плевать на все. Он просто шел вперед.

В наступлении не было смысла, но Рагнар был вне себя. Его оскорбила победа Этельвульфа, оскорбило, что уэссекские всадники перебили его фуражиров, и он желал одного: изрубить англосаксов! Каким-то образом это его желание передалось воинам, которые с воем шагали в клине. Есть что-то жуткое в людях, жаждущих битвы.

За миг до того, как с грохотом столкнулись щиты, из наших задних рядов полетели копья. У некоторых воинов было по три-четыре копья, и они метали одно за другим над головами передних рядов. Копья летели и в нас, и я выдернул одно из земли и, собрав все силы, швырнул обратно.

Я находился в задних рядах, куда меня оттеснили мужчины, велевшие убираться с дороги, но я все равно шагал вперед вместе с клином, а Брида, недобро улыбаясь, шла рядом со мной. Я снова велел ей вернуться в город, но она в ответ показала язык – и тут раздался оглушительный треск, деревянный гром: это щиты встретились со щитами. Затем я услышал звук копий, вонзающихся в липовые щиты, и звон железа, но ничего не видел, потому что был слишком мал ростом. Однако люди передо мной отшатнулись после первого удара, а потом снова рванулись вперед, стараясь пропихнуть острие нашего клина через ряды англосакских щитов.

Наш правый фланг загнулся назад, и его окружил враг, но туда уже спешило подкрепление, и англосаксам не хватило храбрости наступать дальше. В том месте их войска были как раз люди, которые обычно идут в хвосте наступающей армии, где всегда собираются самые робкие. Настоящая битва завязалась впереди меня, и оттуда неслись звуки ударов: железные умбоны щитов и клинки ударяли о дерево, раздавалось шарканье ног, звон оружия, голоса и вопли боли.

Упав на четвереньки, Брида впереди пробиралась под ногами мужчин, и я увидел, как она ударила копьем под край вражеского щита. Она угодила человеку в лодыжку, и тот покачнулся, выронив топор. В ряду врагов образовалась дыра, наш строй шагнул вперед, я тоже шагнул, орудуя Вздохом Змея как копьем и целясь в ноги, и тут Рагнар издал могучий рев, долетевший до самого Асгарда: он требовал сделать еще одно, последнее усилие. Мечи рубили, топоры вздымались и падали, и я чувствовал, как враг отступает перед яростью северян.

Бог услышал нас.

На траве теперь была кровь, столько, что земля стала скользкой, и наш строй, перешагивая через тела, устремился вперед. Брида осталась позади, я увидел, что руки ее все в крови, стекающей по длинному древку копья. Она лизнула кровь и хитро мне улыбнулась.

Люди Хальфдана бились сейчас на дальнем краю вражеского войска, и шум битвы там вдруг сделался громче: англосаксы отступали под натиском Рагнара. Но один человек, высокий и крепкий, все еще сопротивлялся. На нем была кольчуга, подпоясанная красным ремнем, и шлем, еще лучше, чем у Рагнара, с выгравированным серебряным кабаном. На миг мне показалось, что это сам король Этельред, но тот человек был слишком высоким.

Рагнар заревел, чтобы его люди расступились, замахнулся мечом на врага в чудесном шлеме, но тот прикрылся щитом, а потом ударил сам. Рагнар принял удар на свой щит и выбросил щит вперед, стараясь достать врага; англичанин отступил, споткнулся о мертвое тело, и Рагнар поднял меч над головой, словно собираясь прикончить быка. Лезвие уже падало вниз, когда толпа врагов кинулась на помощь своему лорду.

Их встретили датчане, щит на щит, Рагнар взревел, возвещая о своей победе, и пронзил упавшего человека. Вдруг не осталось больше саксов, которые бы нам сопротивлялись: их король и принц в окружении священников верхом неслись прочь, а мы улюлюкали, и проклинали их, и кричали, что они бабы, что они дерутся, как девчонки, что они просто трусы!

Потом мы отдыхали, переводя дух на залитом кровью поле, где тела наших воинов лежали среди тел врагов. Рагнар увидел меня, увидел Бриду и засмеялся.

– А вы что здесь делаете?

Вместо ответа Брида потрясла окровавленным копьем. Рагнар посмотрел на Вдох Змея и увидел испачканное кровью лезвие.

– Болваны, – нежно сказал он.

Наши воины привели пленного англосакса и заставили опознать человека, убитого Рагнаром.

– Кто это? – спросил Рагнар.

Я перевел вопрос.

Англичанин перекрестился:

– Это лорд Этельвульф.

Я хранил молчание.

– Что он сказал? – спросил Рагнар.

– Это мой дядя, – ответил я.

– Эльфрик? – Рагнар поразился. – Эльфрик из Нортумбрии?

Я покачал головой.

– Брат моей матери, – пояснил я. – Этельвульф из Мерсии.

Я не знал, брат ли это матери или же какой-то другой Этельвульф из Мерсии, но я был уверен, что это мой кровный родственник, человек, одержавший победу над ярлами Сидроками. Рагнар, отомстивший за недавнее поражение, взвыл от радости, а я смотрел в лицо мертвеца. Я никогда не знал его, отчего же мне так грустно? У него было вытянутое лицо со светлой бородой и подстриженными усами.

«Приятный человек», – подумал я.

Он был членом моей семьи... Странно, что я не знал никакой другой семьи, кроме Рагнара, Равна, Рорика и Бриды.

Рагнар велел своим людям снять с Этельвульфа доспехи, забрал дорогой шлем, но, поскольку олдермен храбро сражался, Рагнар оставил на трупе остальную одежду и вложил ему в руку меч, чтобы боги приняли душу мерсийца в большой зал, где смельчаки пируют вместе с Одином.

Наверное, валькирии и вправду забрали душу олдермена Этельвульфа, потому что на следующее утро, когда мы вышли хоронить мертвецов, его не нашли.

Потом, гораздо позже, я узнал, что это действительно был мой дядя. А еще я узнал, что кто-то из его воинов ночью прокрался на поле, нашел тело и увез домой, чтобы похоронить по христианскому обряду.

Возможно, это правда. Но может статься, что Этельвульф все-таки пирует вместе с Одином.

Мы видели, как бежали англосаксы, но мы по-прежнему были голодны. Поэтому пришла пора отобрать у врага еду.

* * *

Почему я сражался на стороне датчан? В жизни каждого встречаются вопросы без ответов, и этот вопрос я постоянно задаю себе, хотя вообще-то никакой загадки тут нет. Мой юношеский разум видел в противном случае лишь одну перспективу: сидеть в каком-нибудь монастыре и учиться читать... А если над мальчишкой нависнет подобная угроза, он будет сражаться как дьявол, лишь бы не протирать коленками каменный пол и не царапать значки на глиняных пластинках. К тому же у меня был Рагнар, которого я любил.

Он отправил три корабля на другой берег Темеза в поисках сена и овса в мерсийских амбарах – и нашел достаточно для того, чтобы к тому времени, как пришло время марша на запад, наши кони были в хорошем состоянии.

Мы шли к Эббандуне, еще одному приграничному городу на Темезе, между Уэссексом и Мерсией, – туда, где англосаксы, если пленник не соврал, хранили свои припасы. Захватим Эббандуну, и у Этельреда не останется еды, Уэссекс падет, Англии больше не будет, и Один восторжествует.

Сначала, правда, требовалось сломить сопротивление армии англосаксов, но мы вышли всего спустя четыре дня после победы под стеной Редингума и пребывали в блаженной уверенности, что враги обречены. Рорик остался, потому что снова заболел, и многие заложники тоже остались в Редингуме под охраной небольшого гарнизона, который сторожил наши драгоценные корабли.

Остальные отправились с армией пешими или верхом.

Я был в числе сопровождавших армию подростков, и наша задача в бою состояла в том, чтобы подносить щиты, которые затем передавали из задних рядов в передние. Во время боя щиты разбивались в щепки. Я часто видел воинов, у которых в правой руке был меч или топор, а в левой – ничего, кроме железного умбона от щита с обломками дерева. Брида тоже ехала с нами, сидя на лошади Равна за спиной у старика, и некоторое время я шел рядом с ними и слушал, как Равн пробует читать первые строки поэмы под названием «Падение западных саксов». Он успел перечислить имена героев, описать, как они готовятся к битве, и тут один из этих героев, мрачный ярл Гутрум, поравнялся с нами.

– Хорошо выглядишь, – приветствовал он Равна таким тоном, словно хотел сказать, что это ненадолго.

– Мне этого не видно, – ответил Равн. Он любил пошутить.

Гутрум, закутавшись в черный плащ, оглядел реку. Мы двигались среди невысоких холмов, и даже в зимнем освещении река была великолепна.

– Кто станет королем Уэссекса? – спросил Гутрум.

– Хальфдан? – насмешливо предположил Равн.

– Большое королевство, – мрачно произнес Гутрум. – Ему бы кого-нибудь постарше. – Он угрюмо поглядел на меня. – Кто это?

– Ты забываешь, что я слеп, – сказал Равн. – Который «это»? Или ты спрашиваешь, кто из людей постарше станет королем? Может, я?

– Нет! Мальчик, который ведет твою лошадь. Кто он?

– Это ярл Утред, – с пафосом ответил Равн, – он понимает, как важны поэты, чьих коней достойны водить только ярлы!

– Утред? Сакс?

– Ты сакс, Утред?

– Я датчанин, – ответил я.

– К тому же датчанин, который обагрил кровью свой меч под Редингумом, – заявил Равн. – Обагрил его, Гутрум, кровью англичан.

Это было язвительное замечание, потому что люди Гутрума, воины в черном, не сражались тогда под стеной.

– А кто девочка у тебя за спиной?

– Брида, – ответил Равн, – она когда-нибудь сделается колдуньей и поэтом.

Гутрум не нашелся, что на это ответить, и некоторое время изучал гриву своей лошади, а потом вернулся к прежней теме.

– А Рагнар не хочет стать королем?

– Рагнар хочет убивать, – ответил Равн. – Мой сын не тщеславен, ему бы хохотать над шутками, разгадывать загадки, пить, раздавать браслеты, спать с женщиной, вкусно есть и поклоняться Одину.

– Уэссексу необходим сильный человек, – туманно заявил Гутрум. – Человек, который понимает, как именно управлять.

– Ты, похоже, говоришь о муже, главе семьи, – сказал Равн.

– Мы возьмем их крепости, но половина земель останется нетронутой! Даже в Нортумбрии лишь половина гарнизонов наша. Мерсия отправила войско в Уэссекс, а ведь считается, что мерсийцы на нашей стороне. Мы победим, Равн, но мы не завершим работу.

– И что необходимо, чтобы ее завершить? – спросил Равн.

– Больше людей, больше кораблей, больше смертей.

– Смертей?

– Надо перебить их всех! – воскликнул Гутрум с неожиданной страстностью. – Всех до единого! Не оставить в живых ни одного сакса!

– Даже женщин? – поинтересовался Равн.
– Можно оставить некоторых помоложе, – проворчал Гутрум, затем хмуро поглядел на меня. – На что ты уставился, парень?
– На вашу кость, господин.
Я кивнул на костяшку, окованную по краям золотом, болтающуюся в его волосах.
Он прикоснулся к этой кости.
– Ребро моей матери, – пояснил он. – Она была хорошей женщиной, удивительной женщиной, и шла со мной, куда бы я ни направлялся. А ты, Равн, мог бы сложить песнь о моей матери. Ты ведь знал ее, верно?
– Да, знал, – осторожно ответил Равн. – Знал слишком хорошо, и, боюсь, моих дарований не хватит, чтобы воспеть столь исключительную женщину.
Гутрум Невезучий не заметил насмешки.
– А ты попытайся, – посоветовал он. – Ты же можешь попробовать, а я дам тебе много золота, если ты сложишь о ней хорошую песнь.
«Он ненормальный, – подумал я, – он свихнулся, как сова в полдень!»
Но я тут же о нем забыл, потому что впереди появилась армия Уэссекса. Саксы преградили нам дорогу и вызывали на бой.

* * *

Знамя с драконом Уэссекса развевалось на вершине длинного пологого холма, на который взбегала дорога. Чтобы попасть в Эббандуну, находившуюся неподалеку за холмом, нам пришлось бы с боем подниматься на склон и переваливать на ту сторону. Однако на севере, там, где холмы понижались, уходя к реке Темез, тянулась другая дорога, значит мы могли бы обогнуть позиции врага, а противнику, чтобы помешать нам, пришлось бы тогда спуститься и дать бой на равнине.

Хальфдан собрал датских вождей, и они долго советовались, но никак не могли решить, как же поступить. Кто-то хотел атаковать холм и перебить врага на месте, но большинство считали, что лучше драться на плоском лугу у реки. В итоге ярл Гутрум Невезучий убедил всех сделать и то и другое. Это означало, что армию придется разделить, но мне это решение все равно показалось чрезвычайно мудрым.

Рагнар, Гутрум и оба ярла Сидрока должны будут спуститься на луг, словно собираясь обогнуть занятый врагом холм, а Хальфдан, Харальд и Багсег останутся на возвышении и будут наступать вверху по склону, туда, где развевается знамя с драконом. Тогда враги усомнятся, стоит ли нападать на Рагнара, ведь войско Хальфдана может зайти им в тыл.

– Скорее всего, – беспечно сказал Рагнар, – они вообще не станут драться, а вернутся в Эббандуну, где мы сможем их осадить. Лучше пусть сидят в крепости, чем слоняются под ее стенами.

– Но все равно армию лучше не разделять, – сухо заметил Равн.

– Это всего лишь англосаксы, – отрезал Рагнар.

Время перевалило за полдень, а поскольку стояла зима, день был короткий, и у нас почти не оставалось времени до заката. Но Рагнар считал, что оставшегося времени более чем достаточно, чтобы расправиться с войсками Этельреда. Люди прикасались к своим амулетам, целовали рукояти мечей и щиты, а потом мы спустились с холма и пошли по мерзлой траве к реке. Здесь нас неплохо прикрывали голые деревья, и время от времени я замечал, что войска Хальфдана продвигаются к вершине холма, а англосаксы их поджидают – значит план Гутрума действовал и мы запросто сможем обойти врага с севера.

– И тогда нам останется только подняться на холм у них за спиной, и мерзавцы окажутся в ловушке, – сказал Рагнар. – Мы перебьем всех!

– Одного надо будет оставить в живых, – сказал Равн.

– Одного? Зачем?

– Разумеется, чтобы он поведал о случившемся остальным. Ищи их поэта. Он должен быть красивым. Найди его и не дай ему умереть.

Рагнар засмеялся.

Нас, должно быть, было около восьми сотен, чуть меньше, чем оставшихся с Хальфданом, а армия врага была больше двух наших армий, вместе взятых. Однако у нас воинами были все, а большую часть фирда англосаксов составляли фермеры, которых заставили идти на войну, поэтому мы не ожидали ничего, кроме победы.

Но когда наша половина армии вышла из-под дубов, мы увидели, что враг поступил точно так же: разделил свое войско надвое. Одна половина поджидала на холме Хальфдана, а вторая двинулась нам навстречу.

Наших противников возглавлял Альфред. Я догадался, что это он, увидев рядом с ним рыжую голову Беокки, а затем, в битве, заметил и вытянутую взволнованную физиономию самого Альфреда. Его брат, король Этельред, стоял на холме, но вместо того, чтобы ждать нападения Хальфдана, сам двинулся вперед. Саксы, судя по всему, жаждали победы.

И мы отдали им эту победу.

Наше войско построилось клином, чтобы атаковать. Мы призывали Одина, издавали боевые кличи, наступали, но ряды англосаксов не дрогнули, не побежали, а, наоборот, быстро пошли вперед – и началась кровавая резня.

Равн постоянно повторял мне, что все предопределяет судьба. Нами правит рок. Три пряхи сидят у подножия древа жизни и прядут нити нашей судьбы; мы для них просто игрушки, и хотя нам кажется, будто мы сами делаем выбор, наши судьбы – просто нитки в руках трех прях. Судьба – это все, и в тот день, хотя я сам того и не знал, моя судьба сделала решающий поворот. *Wyrd bið ful aræd*, рок не остановить.

Что сказать о битве в месте, называемом англосаксами холмом Эска? Кажется, Эск был когда-то таном этих земель, и в тот день его поля были хорошо удобрены кровью и плотью. Поэты могут сложить тысячи строк, рассказывая, что случилось, но битва есть битва. Люди умерли. Клин – это пот, страх, теснота, слабые удары, сильные удары, крики и жестокая смерть.

На самом деле на холме Эска шло два сражения: одно – наверху, второе – внизу, и погибших было очень много. Харальд и Багсег погибли, Сидрок Старший видел гибель сына перед тем, как ему самому перерезали горло, с ним погибли ярл Осберн, ярл Фрэна и много других славных воинов. Христианские священники зывали к своему Богу, прося его придать силы англосаксонским клинкам, и в тот день Один спал, а христианский Бог бодрствовал.

Нам пришлось отступить. И на вершине холма, и у реки нам пришлось отступить. Только потому, что враги устали, нас не перебили всех, и выжившим позволили уйти, бросив своих мертвых товарищей в лужах крови. Среди мертвецов был и Токи. Рулевой, так хорошо владевший мечом, погиб во рву, за которым нас ждал клин Альфреда. Рагнар – с лицом, залитым кровью, с его распущенных волос стекала кровь врагов, – не мог в это поверить. Англосаксы хорошо поглумились над нами.

Они дрались как черти, как безумцы... как люди, которые знали, что их будущее решалось в тот короткий зимний день, – и победили нас.

Судьба правит всем. Мы были разбиты и возвращались в Редингум.

Глава шестая

В наши дни, когда среди англичан заходит речь о битве на холме Эска, они принимают уверять, будто Бог даровал победу англосаксам, потому что король Этельред и его брат Альфред молились при появлении датчан.

Может быть, они правы. Я легко могу поверить, что Альфред и впрямь молился, но победил он благодаря правильно выбранной позиции. Его клин стоял сразу за глубоким, залитым зимней водой рвом, и датчанам пришлось сражаться в жидкой грязи. Они гибли, выбираясь из нее; английские фермеры победили опоясанных мечами датчан, а Альфред направлял этих фермеров, подбадривал, говорил, что они победят, и полагался на Бога. Мне кажется, канава послужила причиной его победы, но сам он, без сомнения, заявил бы, что ту канаву выкопал сам Господь.

А Хальфдан проиграл. Он атаковал вершину холма, поднявшись по пологому склону, но день клонился к вечеру, и солнце било в глаза его воинам, во всяком случае, так они говорили потом. Король же Этельред, подобно Артуру, так воодушевил своих людей, что они с воплями ринулись с холма и глубоко врезались в ряды Хальфдана. Датчане растерялись, видя, как внизу их армия отступает перед глухой обороной Альфреда. Там не было ангелов с пылающими мечами, что бы ни говорили теперь священники. Во всяком случае, я не видел никаких ангелов. Была заполненная водой и бревнами канава, была битва, датчане потерпели поражение, и судьба моя сделала поворот.

Я не знал, что датчане вообще могут потерпеть поражение. Я понял это только в четырнадцать лет, когда впервые услышал насмешливые крики саксов, и в моей душе шевельнулось что-то глубоко потаенное.

Мы вернулись в Редингум.

* * *

Зима сменилась весной, а весна – летом, и было еще множество сражений. С наступлением нового года прибыли новые датчане, пополнив войско, и мы выиграли все последующие битвы: дважды разбили англосаксов при Басенгасе в Хамптонскире, затем – при Меретоне в Вилтунскире, уже в центральной части их земель, а потом разбили снова в Вилтунскире при Вилтуне. Каждая победа означала, что мы удерживали поле боя до конца дня, но ни в одном из этих сражений мы не смогли сломить врага. Бойцы изматывали друг друга, сражались до кровавого пота, но когда лето согрело землю, до завоевания Уэссекса нам было так же далеко, как и в Йоле.

Зато нам удалось убить короля Этельреда. Это случилось под Вилтуном. Топор оставил на левом плече короля глубокую рану, и, хотя Этельреда быстро унесли с поля боя, хотя у его постели молились священники и монахи, а знахари пользовали его травмами и пиявками, спустя несколько дней он умер.

И оставил наследника, малолетнего принца Этельвольда. Принц был старшим сыном короля, но был слишком молод и несамостоятелен – ему, как и мне, исполнилось всего пятнадцать. Несмотря на это, некоторые все равно настаивали на его праве именоваться королем Уэссекса, однако у Альфреда имелись более влиятельные сторонники, к тому же существовала старая легенда, будто папа провозгласил его королем. Должно быть, легенда обладала магической силой, потому что на совете старейшин – собрании самых знатных, самых влиятельных лордов и епископов – Альфреда признали новым королем. Возможно, старейшины просто не могли поступить иначе. В конце концов, Уэссекс отчаянно старался отбросить войска Хальфдана, и то было неподходящее время, чтобы делать королем пятнадцатилетнего мальчишку. Уэссекс нуждался в вожде, и вот старейшины избрали Альфреда, а Этельвольда с младшим братом быстро увезли в монастырь, где, как объявили людям, они продолжают учение.

– Альфреду следовало бы убить мальчишек, – бодро сообщил мне Рагнар, и, наверное, он был прав.

Итак, Альфред, младший из шести братьев, сделался королем Уэссекса. Стоял год 871-й. Тогда я этого не знал, но в тот год жена Альфреда произвела на свет дочку, Этельфлэд.

Этельфлэд была на пятнадцать лет младше меня, и даже если бы я знал о ее рождении, вряд ли счел бы, что это важное событие. Но судьба решает все. Пряжи сучат нитку, а мы исполняем их волю, хотим того или не хотим.

Первое, что сделал король Альфред, не считая похорон брата, отправки племянников в монастырь, своей коронации и постоянных визитов в церковь, где он испытывал терпение Бога бесконечными молитвами, – это отправил гонцов к Хальфдану с предложением переговоров. Он, видимо, хотел мира. Наступил разгар лета, а мы были так же далеки от победы, как и в середине зимы, поэтому Хальфдан согласился на переговоры и вместе со своими военачальниками и лучшими телохранителями отправился в Батум.

Я тоже поехал, с Рагнармом, Равном и Бридой. Рорик, все еще не выздоровевший, остался в Редингуме, и я жалел, что он не увидит Батума: хотя город был маленьким, но не менее чудесным, чем Лунден. В центре городка размещались бани – не какая-нибудь лохань, а огромное здание с колоннами и осыпающейся крышей над просторной каменной купальней, наполненной горячей водой. Вода поступала из-под земли, и Рагнар решил, что она нагревается в кузницах гномов. Саму купальню, разумеется, построили римляне, как и все прочие поразительные постройки в долине.

Не многие захотели лезть в бассейн: датчане боялись воды, хотя и обожали свои корабли, но мы с Бридой пошли, и оказалось, что она плавает как рыба. Я держался за бортик, наслаждаясь странными ощущениями, когда обнаженное тело полностью погружено в горячую воду.

Здесь нас и нашел Беокка. В центре Батума действовало перемирие, значит никто не имел права приходить сюда с оружием. Англосаксы и датчане вели себя на улицах вполне дружелюбно друг с другом, и ничто не мешало Беокке меня отыскать. Он подошел к купальне в сопровождении двух других священников, мрачного вида сопливых личностей, и эти двое наблюдали, пока Беокка со мной говорил.

– Я видел, что ты сюда пошел, – начал он и тут заметил Бриду, которая плыла под водой, – за ней струились длинные темные волосы.

Когда она вынырнула, Беокка не мог не увидеть ее маленькие груди и дернулся, словно перед ним предстала прислужница дьявола.

– Это же девушка, Утрэд!

– Знаю, – ответил я.

– Обнаженная!

– Господь милостив.

Он шагнул вперед, чтобы дать мне пощечину, но я оттолкнулся от борта, и он едва не свалился в воду. Два других священника глазели на Бриду. Бог знает почему. Скорее всего, у них были жены, но священников, как я заметил, очень волнует вид женщин... Как и воинов – только воины не дрожат словно осиновый лист при виде голых женских грудей. Беокка старался не замечать Бриду, хотя это было непросто: она подплыла ко мне сзади и обхватила меня за талию.

– Ты должен бежать, – зашептал мне Беокка.

– Куда?

– От язычников! Приходи в нашу часть города, мы тебя спрячем.

– Кто это? – спросила меня Брида по-датски.

– Священник, который когда-то служил у моего отца, – пояснил я.

– Уродливый, правда?

– Ты должен прийти, – прошепел Беокка. – Ты нам нужен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.